

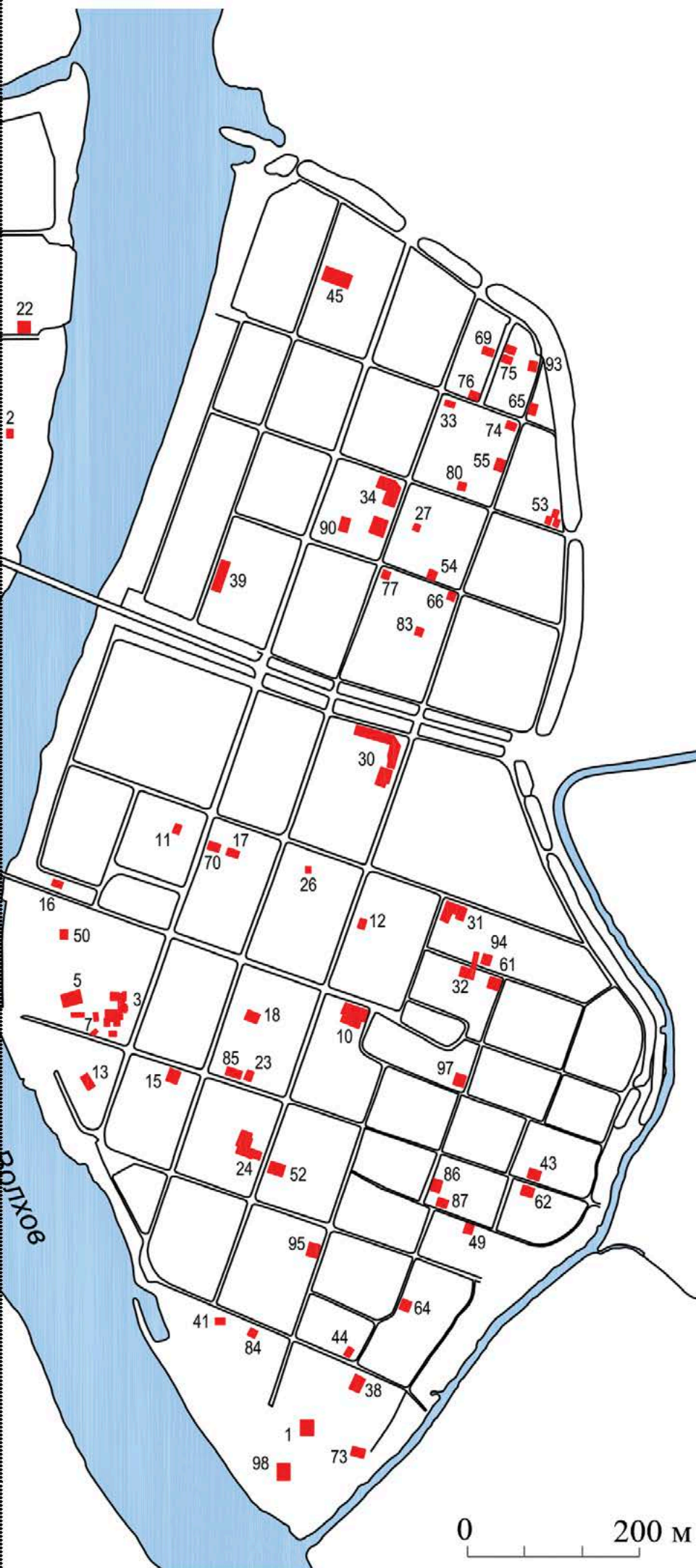
УСАДЬБА
X—XI ВЕКОВ
В ЛЮДИНОМ КОНЦЕ
СРЕДНЕВЕКОВОГО
НОВГОРОДА

1. Славно (1932, 1934, 1936–1937)
2. На Борковой ул. / на Холопьевой ул. (1932)
3. Ярославово дворище (1937–1940, 2007–2013)
4. Кремль, у церкви Андрея Стратилата (1938–1940)
5. Ярославово дворище (1947–1948)
6. Чудинцевский (1947)
7. Ярославово дворище (1947–1948)
8. На Дмитриевской ул. (1948)
9. Неревский (1951–1962)
10. Ильинский (1962–1967)
11. Буяный (Лубяницкий) (1967)
12. Славенский (1968)
13. Готский (1968)
14. Тихвинский (1969)
15. Михайловский (Суворовский) (1970)
16. Торговый (1971)
17. Рогатицкий (1971)
18. Славенский (на ул. Кирова) (1971–1974)
19. Людогощинский (1972)
20. Троицкий (с 1973 по н.в.)
21. Козмодемьянский (1974)
22. Дмитриевский (1976)
23. Дубошин (1977–1978)
24. Нутный (1979–1982)
25. Кремль, Владычный двор (1985)
26. Рогатицкий (на ул. Большевиков) (1988)
27. Мстинский (1989)
28. Кремль, у церкви Покрова (1990)
29. Михайлоархангельский (1990–1991)
30. Фёдоровский (1991–1993, 1997)
31. Ипатьевский (1992)
32. Лукинский (1993)
33. Конюхов (1994)
34. Андреевский (1995, 1997, 1999)
35. Кремль, у Софийской Звонницы (1995)
36. Кремль, Владычный двор (1995–1996)
37. Добрынин (1999)
38. Посольский (1999)
39. Никитинский (2002–2004)
40. Козмодемьянский II (2005)
41. Посольский (2006)
42. Алексеевский (2007)
43. Никольский (2007)
44. Посольский (2008)
45. Борисоглебский (2008)
46. Кремлёвский (2008)

С

- 47–48. Десятинный I–II (2008)
- 49. Ильменский (2009)
- 50. Ганзейский знак (2009)
- 51. Великий мост (с 2006)
- 52. Нутный IV (с 2011–2016)
- 53. Щитный I–III (2001)
- 54. Маницын (2011)
- 55. Молотковский (2011)
- 56. Власьевский I–II (2011)
- 57. Добрынин II (2011)
- 58. Конюшенный I (2011)
- 59. На ул. Даньславля (2011)
- 60. Власьевский III (2012)
- 61. Лукинский II (2012)
- 62. Никольский (2012)
- 63. Алексеевский II (2012)
- 64. Воскресенский (2012)
- 65. Молотковский (2012)
- 66. Молотковский (2013)
- 67. Алексеевский III–IV (2013)
- 68. Исследования Кремлёвского вала (2013)
- 69. Переулок Красный, 13 (2014)
- 70. Рогатицкий II (2014)
- 71. Воздвиженский (с 2014)
- 72. Алексеевский V (2014)
- 73. Петропавловский (2014)
- 74. Ул. Черемнова-Конюхова, 19 (2015)
- 75. Переулок Красный, 20–22 (2015)
- 76. Ул. Черемнова-Конюхова, 19 (2015)
- 77. Андреевский III (2015)
- 78. Козмодемьянский III (2015)
- 79. Ул. Обороны, 13 (2016)
- 80. Андреевский IV (2016)
- 81. Ул. Троицкая, 16 (2016–2017)
- 82. Ул. Воздвиженская, 9 (2016–2017)
- 83. Никитин переулок, 7 (2016)
- 84. Посольский-2016 (2016–2017)
- 85. Дубошин II (с 2017)
- 86. Партизанский (2017)
- 87. Ильменский (2017)
- 88. Ул. Обороны, 2 (2017)
- 89. Ул. Черняховского, 14 (2017)
- 90. Ул. Маницына-Герасименко (2017)
- 91. Ул. Б. Конюшенная (2017)
- 92. Козмодемьянский IV (2018)
- 93. Молотковский, 33 (2018)
- 94. Пушкинский переулок, 7 (2018)
- 95. Знаменский переулок, 15 (2018)
- 96. Знаменский переулок, 2 (2018)
- 97. Знаменский переулок, 7 (2018)
- 98. Знаменский переулок, 2 (2018)
- 99. Ул. Троицкая, 39 (2018, 2019)

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY
FACULTY OF HISTORY
LABORATORY OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY OF MEDIEVAL NOVGOROD

SCIENCE AND CULTURE DEVELOPMENT FUND "TAVOLGA"

HOMESTEAD X–XI CENTURIES
IN LYUDIN'S END OF MEDIEVAL NOVGOROD
(based on materials homestead "Zh"
Troitsky excavation site)

Moscow
2020

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ЛАБОРАТОРИЯ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА

ФОНД РАЗВИТИЯ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ «ТАВОЛГА»

УСАДЬБА X–XI ВЕКОВ
В ЛЮДИНОМ КОНЦЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА
(по материалам усадьбы Ж
Троицкого раскопа)

Москва
2020

УДК 902/904
ББК 63.4
У 74

Научное издание осуществлено на средства
Фонда развития науки и культуры «Таволга»

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:

В. К. Сингх, В. В. Новиков

Усадьба X–XI веков в Людином конце средневекового Новгорода (по материалам усадьбы Ж Троицкого раскопа). Москва, 2020. 112 с., илл.

ISBN 978-5-600-02860-9

Коллективная монография посвящена публикации результатов раскопок ранних слоев X — первой половины XI в. усадьбы Ж Троицкого раскопа Великого Новгорода. В оборот вводятся уникальные материалы и результаты археозоологических исследований костных остатков. Все статьи снабжены иллюстрациями с подписями на русском и английском языках, а также резюме на английском языке. Издание предназначено для всех интересующихся раннесредневековой историей и археологией Руси.

This book presents a collection of articles, which provides a comprehensive analysis of the finds from the early cultural layers of homestead “Zh” in Lyudin’s End of Novgorod. The importance of this homestead is highlighted by two factors: a) the discovery of a unique set of objects of Scandinavian origin in the cultural layers dating to the second half of the 10th to the first half of the 11th centuries, and b) the highest concentration of birch bark manuscripts in Novgorod is located in homestead “Zh”’s 12th century cultural layer.

В оформлении обложки использованы материалы из архива
Новгородской археологической экспедиции

© Фонд «Таволга», 2020
© Коллектив авторов, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
Рыбина Е. А., Сингх В. К., Покровская Л. В.	
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ УСАДЬБЫ Ж ТРОИЦКОГО РАСКОПА В НОВГОРОДЕ	8
Археологическое изучение Великого Новгорода	8
Археологические исследования на Троицком раскопе	10
Троицкие раскопы XIII (участки Г и Г-1) и XV.	11
Усадьба Ж в X–XI в.	12
Усадьба Ж в XII – начале XIII в.	22
Усадьба Ж в XIII–XIV вв.	29
Лебедева О. С.	
НОВЫЕ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О НОВГОРОДЕ X–XI вв.	32
КОНЬ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА	
Новиков В. В.	
СНАРЯЖЕНИЕ КОНЯ И ВСАДНИКА X – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XI в.	45
Каинов С. Ю., Сингх В. К.	
ДЕРЕВЯННЫЙ ЧЕХОЛ ДЛЯ ТОПОРА С ТРОИЦКОГО РАСКОПА.	58
Каинов С. Ю.	
НАКОНЕЧНИК НОЖЕН МЕЧА ИЗ РАСКОПОК УСАДЬБЫ Ж ТРОИЦКОГО РАСКОПА	64
Тянина Е. А.	
КУЛЬТ КОНЯ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ	70
Конь в строительной жертве или строительном «прикладе»	71
Конь в обрядах первопоселенцев	77
Ритуальное захоронение коня на Ильинском раскопе	77
Жертвенный колодец с Андреевского раскопа II	80
Амулеты из костей и зубов коня	81
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ.	85
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.	86
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	87
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	92
ФОТОАЛЬБОМ	96

ВВЕДЕНИЕ

Археологические исследования средневековых городов не только существенно дополняют данные письменных источников, но и дают нам важные сведения о материальной культуре жителей города и отраженных в ней элементах духовной традиции. Изучение повседневной жизни горожан позволяет более полно охарактеризовать их социальный статус, род занятий, этническую принадлежность, связи с сопредельными землями.

Роль коня в материальной культуре средневекового городского населения была исключительно важна. Конь был не просто тягловой силой и основным средством передвижения — наличие в хозяйстве одной или нескольких лошадей свидетельствовало об определенном уровне достатка. Кроме того, вооруженный всадник был основной боевой единицей средневекового войска, а снаряжение его являлось прерогативой людей с высоким социальным статусом.

Лаборатория истории и археологии средневекового Новгорода исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова при поддержке фонда развития науки и культуры «Таволга» предприняла попытку комплексного анализа материала, связанного со средневековой конской тематикой. Работа включает результаты новейших, ранее не опубликованных исследований ранних сло-

ев усадьбы Ж¹ Людина конца средневекового Новгорода.

Археологические исследования в Людином конце Новгорода ведутся уже более 45 лет. За эти годы изучена площадь свыше 8000 м², здесь открыт целый квартал средневекового города с усадьбами и уличными мостовыми X–XV вв. В последние годы Новгородская археологическая экспедиция сосредоточила свои усилия на раскопках усадьбы Ж. Именно на этой усадьбе в слоях второй половины X — первой половины XI в. был открыт уникальный комплекс древностей скандинавского происхождения, а в культурном слое XII в. зафиксирована самая высокая в Новгороде концентрация берестяных грамот.

Книга представляет собой сборник статей, подготовленный коллективом авторов и посвященный новейшим исследованиям усадеб Людина конца. Особое внимание уделено комплексам находок, касающимся роли коня в материальной и духовной культуре жителей средневекового Новгорода. Большая часть представленных материалов публикуется впервые.

В статье Е. А. Рыбиной, В. К. Сингха, Л. В. Покровской кратко отражена история изучения усадьбы Ж и динамика изменения усадебной застройки на протяжении X–XIV вв., рассмотрены наиболее яркие ве-

¹ Археологические исследования на Троицком раскопе в 1992–2017 гг. велись при финансовой поддержке РГНФ, с 2018 г. — при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00373 «Археологические исследования Людина конца Средневекового Новгорода».

щевые комплексы, характеризующие основные занятия и социальный статус владельцев усадьбы.

Естественнонаучный спектр исследований отражен в статье О. С. Лебедевой. Автор анализирует археозоологический материал, отобранный с территории усадьбы Ж из слоев раннего периода.

В статьях В. В. Новикова и С. Ю. Каинова дан обзор новых находок второй половины X — первой половины XI в., связанных со снаряжением верхового коня и всадника, а также отдельных предметов вооружения.

Для исследования использованы материалы с усадеб Ж, У и Т Троицкого раскопа, изученных в 2001–2018 гг.

Рассмотрению роли коня в духовной жизни средневекового человека посвящена статья Е. А. Тяниной. Эти материалы многолетних исследований впервые собраны и проанализированы автором комплексно.

Издание осуществлено при финансовой поддержке фонда «Таволга» на основании гранта № Д-ФТ-2018/0005, выданного 28 июня 2018 г.

Е. А. Рыбина, В. К. Сингх, Л. В. Покровская

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ УСАДЬБЫ Ж ТРОИЦКОГО РАСКОПА В НОВГОРОДЕ

Археологическое изучение Великого Новгорода

Непрерывные археологические исследования в Великом Новгороде продолжаются уже более 85 лет. Изучая Новгород, археологи получили возможность в буквальном смысле прикоснуться к бытовому инвентарю средневековья и заглянуть в средневековую усадьбу. Были обнаружены жилые комплексы, хозяйственные постройки, ремесленные мастерские.

Многообразие открываемых в Новгороде древностей притягивает не только археологов, но и историков, филологов и лингвистов, искусствоведов, правоведов, палеоботаников, археозоологов и др. Сам комплекс новгородских древностей активизировал интеграцию многих научных дисциплин, долгое время развивавшихся по пути дифференциации.

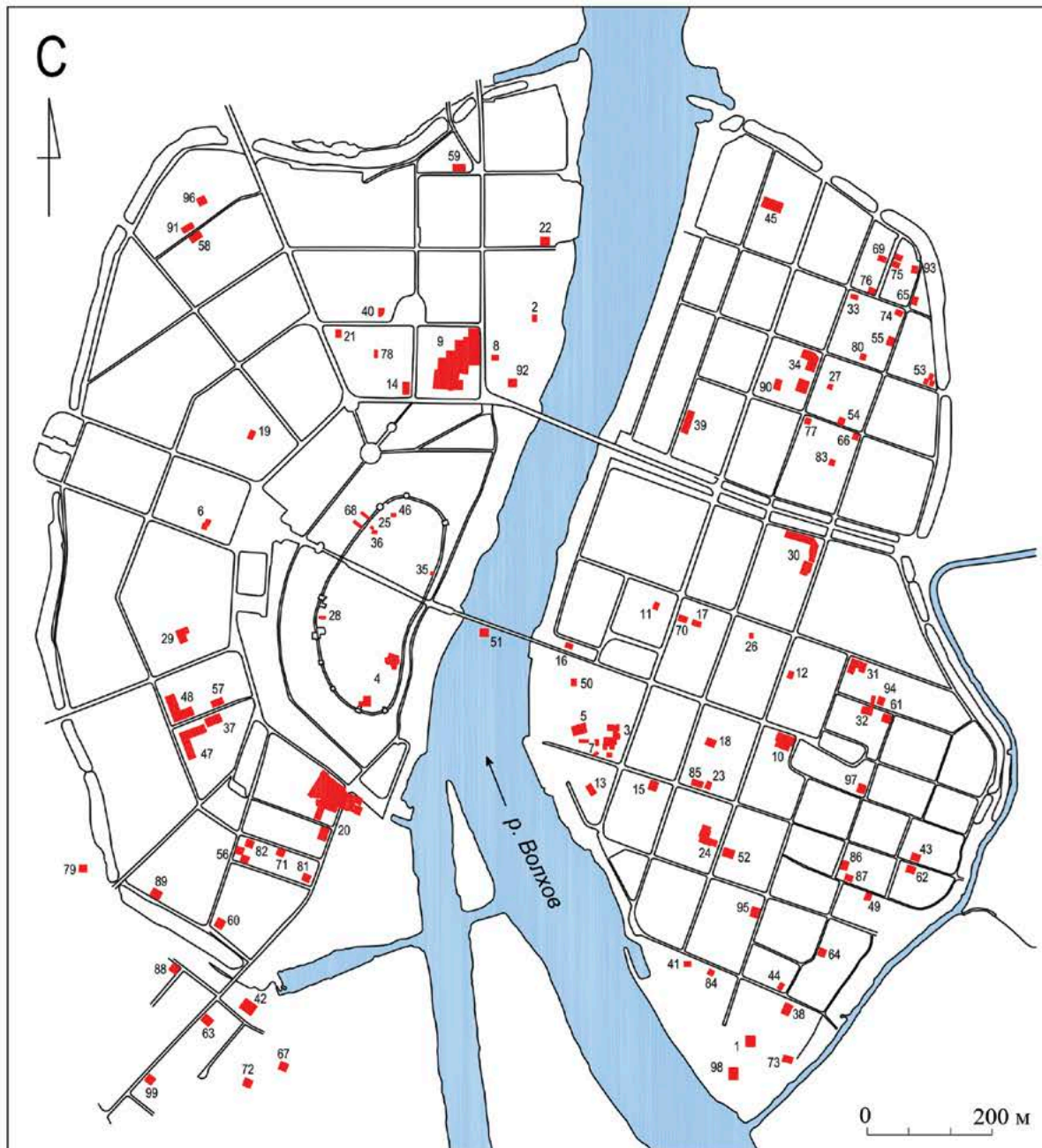
Систематические археологические раскопки в Новгороде начались в 1932 г. под руководством профессора кафедры археологии исторического факультета МГУ Артемия Владимировича Арциховского. С тех пор они ведутся практически непрерывно (за исключением 1933, 1935, 1941–1945, 1949 и 1950 гг.).

За прошедшие с начала раскопок десятилетия было исследовано более 90 участков в разных районах города общей

площадью более 60 тысяч м² (рис. 1). На этой площади открыто более 50 средневековых городских усадеб, 18 улиц, более 3000 разнообразных сооружений; коллекция индивидуальных находок насчитывает свыше 170 тысяч единиц. Несомненно, главным событием не только новгородской, но и всей отечественной археологии XX в. стало открытие в Новгороде берестяных грамот. Первая из них была найдена 26 июля 1951 г., к 2020 г. насчитывается уже 1132 берестяных документа.

Открытие берестяных грамот в 1951 г. обозначило новый этап в археологическом исследовании Новгорода. Академия наук СССР создала условия (прежде всего финансовые) для проведения масштабных раскопок, и в течение следующих 12 лет была исследована площадь почти в 9000 м² с мощностью культурного слоя от 5 до 7 м.

Неревский раскоп, ставший эталонным в археологии Новгорода, показал, что только раскопки большими площадями дают необходимые материалы для восстановления адекватной картины жизни средневекового города. Характерной чертой работ на Неревском раскопе является массовость открытых древностей. Остатки строений стали исчисляться сотнями и тысячами, а предметы — десятками тысяч.

1. Славно (1932, 1934, 1936-1937).	31. Ипатьевский (1992).	62. Никольский (2012).	92. Козмодемьянский IV (2018).
2. На Борковой ул. (на Хольцевой ул.) (1932).	32. Лукский (1993).	63. Алексеевский II (2012).	93. Молотковский, 33 (2018).
3. Ярославово дворцше (1937-1940, 2007-2013).	33. Конохов (1994).	64. Воскресенский (2012).	94. Пушковский переул., 7 (2018).
4. Кремль, у церкви Андрея Стратилата (1938-1940).	34. Андреевский (1995, 1997, 1999).	65. Молотковский (2012).	95. Знаменский переул., 15 (2018).
5. Ярославово дворцше (1946-1947).	35. Кремль, у Софийской Зоищицы (1995).	66. Молотковский (2013).	96. Знаменский переул., 2 (2018).
6. Чудшеский (1947).	36. Кремль, Владычный двор (1995-1996).	67. Алексеевский III-IV (2013).	97. Знаменский переул., 7 (2018).
7. Ярославово дворцше (1947-1948).	37. Добрыни (1999).	68. Исследования Кремлёвского вала (2013).	98. Знаменский переул., 2 (2018).
8. На Дмитриевской ул. (1948).	38. Посольский (1999).	69. Переулоч Красный, 13 (2014).	99. Ул. Троицкая, 39 (2018, 2019).
9. Неревский (1951-1962).	39. Никитинский (2002-2004).	70. Рогатинский II (2014).	
10. Ильинский (1962-1967).	40. Козмодемьянский II (2005).	71. Воздвиженский (с 2014).	
11. Бульный (Лубяницкий) (1967).	41. Посольский (2006).	72. Алексеевский V (2014).	
12. Славенский (1968).	42. Алексеевский (2007).	73. Петропавловский (2014).	
13. Готский (1968-1970).	43. Никольский (2007).	74. Ул. Черемнова-Конохова, 24 (2015).	
14. Тихвинский (1969).	44. Посольский (2008).	75. Переулоч Красный, 20-22 (2015).	
15. Михайловский (Суворовский) (1970).	45. Борисоглебский (2008).	76. Ул. Черемнова-Конохова, 19 (2015).	
16. Торговый (1971).	46. Кремлёвский (2008).	77. Андреевский III (2015).	
17. Рогатинский (1971).	47-48. Десятинный I-II (2008).	78. Козмодемьянский III (2015).	
18. Славенский (на ул. Кирова) (1971-1974).	49. Ильменский (2009).	79. Ул. Обороны, 13 (2016).	
19. Лядогощицкий (1972).	50. Ганзейский знак (2009).	80. Андреевский IV (2016).	
20. Троицкий (с 1973 по н.в.).	51. Великий мост (с 2006).	81. Ул. Троицкая, 16 (2016-2017).	
21. Козмодемьянский (1974).	52. Нутный IV (с 2011-2016).	82. Ул. Воздвиженская, 9 (2016-2017).	
22. Дмитриевский (1976).	53. Щитный I-III (2011).	83. Никитин переулоч, 7 (2016).	
23. Дубошчи (1977-1978).	54. Манины (2011).	84. Посольский-2016 (2016-2017).	
24. Нутный (1979-1982).	55. Молотковский (2011).	85. Дубошчи II (с 2017 г.).	
25. Кремль, Владычный двор (1985).	56. Власьевский I-II (2011).	86. Партизанский (2017).	
26. Рогатинский (на ул. Большевиков) (1988).	57. Добрыни II (2011).	87. Ильменский (2017).	
27. Мстинский (1989).	58. Коношенный I (2011).	88. Ул. Обороны, 2 (2017).	
28. Кремль, у церкви Покрова (1990).	59. На ул. Давыдья (2011).	89. Ул. Черныжковского, 14 (2017).	
29. Михайловскохалецкий (1990-1991).	60. Власьевский III (2012).	90. Ул. Мантына-Герасименко (2017).	
30. Фёдоровский (1991-1993, 1997).	61. Лукский II (2012).	91. Ул. Б. Коношенная (2017).	

Рис. 1. Ситуационный план раскопов на территории Великого Новгорода (1932–2019 гг.).

Fig. 1. Map of excavations carried out on the territory of Novgorod the Great from 1932 to 2019.

Важнейшим после берестяных грамот открытием новгородской археологии являются городские усадьбы, полноценное изучение которых впервые стало возможным именно на Неревском раскопе. Там было обнаружено и исследовано более 10 усадеб, три из которых изучены почти целиком. Разработанная методика раскопок широкой площадью позволила детально проследить систему соседских связей владельцев усадеб и динамику развития этих связей во времени. Большинство усадеб, открытых на Неревском раскопе, принадлежало боярам, самым влиятельным и богатым людям в обществе. Впервые были получены убедительные данные относительно устройства родственных боярских усадеб, занимавших, как правило, значительные территории. При раскопках было установлено, что границы между

усадебными практически не менялись в течение столетий.

Именно на Неревском раскопе были впервые применены методы естественных наук для анализа археологического материала. Б. А. Колчин внедрил метод дендрохронологии, позволяющий датировать сооружения открытых в раскопе построек с точностью практически до года. А. В. Кирьянов, обладавший большим опытом реставрации древностей, одновременно занимался историей новгородского земледелия, изучая археоботанические материалы. Для обработки обширной коллекции археозоологического материала был привлечен специалист-зоолог В. И. Цалкин.

Археологические исследования на Троицком раскопе

С 1973 г. базовым объектом археологических исследований Новгорода является участок средневекового Людина конца, расположенный к югу от Кремля вблизи сохранившейся церкви св. Троицы, давшей название заложенному здесь раскопу (рис. 2).

Общая площадь Троицкого раскопа достигла к 2019 г. 8200 м² с мощностью культурного слоя до 5 м, полностью исследованная часть (раскопы I–XIV) составляет 7428 м². В 2013 г. к западу от Троицкого раскопа XIII был заложен новый участок, Троицкий XV, площадь которого составила 232 м². В 2015 г. на перекрестке Троицкой и Редятиной улиц был заложен Троицкий раскоп XVI.

В процессе раскопок Людина конца было установлено, что освоение этого участка началось в 30-е годы X в. При этом в его западной части в это время еще располагались пашни, что подтверждается обнаруженными в предматериковом слое следами распашки. Но уже в слое второй половины X в. на всей раскопанной территории зафиксирована застройка (Александровский и др., 1999). За 45 лет археологического исследования Людина

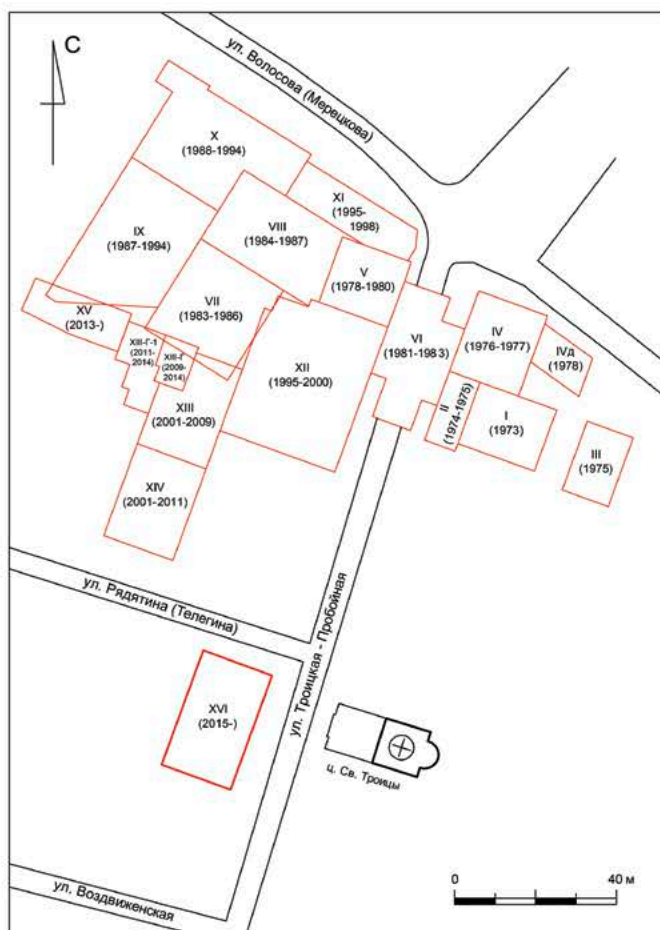

Рис. 2. Ситуационный план Троицкого раскопа (I–XVI).
Fig. 2. Map of the Troitsky excavation site (I–XVI).

конца здесь были открыты четыре улицы (Черницына длиной более 120 м, Пробойная — около 50 м, Ярышева — 12 м, а также безымянный переулок — 18 м), вскрыты и обследованы 19 усадеб, восемь из которых вошли в площадь раскопа полностью. Особенно важно было обнаружение комплекса усадеб второй половины XII в., принадлежавших боярской семье Мирошкиничей, из которой вышли самые известные посадники XII в. Сенсационным стало открытие и исследование в 1977 и 1982 гг. усадьбы и мастерской иконописца и мастера фресковой живописи Олисея Гречина, жившего в конце XII в. (*Колчин и др., 1981*). Изучение этой усадьбы — бесценный вклад археологов в историю древнерусского искусства, большей частью анонимного.

С 1995 г. работы велись на усадьбе Е (площадь 1400 м²), которая оказалась самой большой из всех раскопанных в Новгороде усадеб. На ней в слое XII в. (1998 г.) было впервые открыто место заседания «сместного» (совместного) суда князя и посадника и установлено время его организации (не позднее 1126 г.). В 1999 г. на этой же усадьбе в слое XI в. было найдено 38 деревянных пломб для запирания мешков с данью, т. е. государственными доходами. Анализ надписей на пломбах в совокупности с берестяными грамотами и другими находками позволил говорить о становлении государственных институтов и времени ограничения княжеской власти — а значит, о формировании республиканских институтов власти, отличающих Новгород от других древнерусских центров (*Янин, 2001*).

Беспрецедентным стало открытие на Троицком раскопе XII в 2000 г. древнейшей датированной славянской книги — «Новгородской псалтири» начала X–XI вв. (*Янин, Зализняк, 2001*). Книга была написана на навощенных дощечках и служила учебным пособием, по которому учились первые христиане сразу же

после крещения Новгорода. До сих пор древнейшей датированной славянской книгой считалось Остромирово Евангелие 1050-х гг., найденная же в Троицком раскопе книга оказалась на полвека древнее.

За все годы работ (1973–2019 гг.) на Троицком раскопе было найдено 480 берестяных грамот преимущественно XI — первой половины XIII в., содержащих важнейшую информацию о раннем периоде новгородской истории и истории древнерусского языка. Среди них наряду с привычными деловыми записями нередко встречаются и письма личного характера, в числе которых обращение родителей жениха к свахе (№ 731), забота брата о больной сестре (№ 705), выяснение дружеских отношений (№ 605) и др. Единственным в своем роде стало любовное послание молодой новгородки, датированное концом XI в. (грамота № 752). К числу редчайших относится грамота № 753 (первая половина XI в.) с заклинанием на нижненемецком языке — это один из самых ранних германских памятников.

Общее количество индивидуальных находок на Троицком раскопе превышает 70 тысяч предметов из разнообразных материалов — железа, цветного металла, дерева, кожи, кости, стекла, янтаря, камня, глины и др. В составе вещевой коллекции немало уникальных находок — два монетных клада (западноевропейских серебряных монет первой трети XI в. и арабских монет первой трети X в.), печать Ярослава Мудрого (единственный экземпляр), изделия прикладного искусства X–XIV вв., коллекция музыкальных инструментов (в том числе древнейшие гусли «Словиша» XI в.) и многое другое.

Троицкие раскопы XIII (участки Г и Г-1) и XV

В границы этих участков вошли усадьба Ж на Троицком раскопе XIII, стык двух усадеб (Ф и Х) и небольшой

отрезок Черницыной улицы на раскопе XV. В ходе археологических исследований была изучена динамика усадебного развития с 30-х гг. X до второй половины XIV в., выделены отдельные строительные периоды, определены их хронологические границы, планировочная структура, характерная для каждого яруса

усадебной застройки, а также синхронные им вещевые комплексы.

Из всех усадеб особый интерес представляет усадьба Ж, ранее частично исследованная на других участках Троицкого раскопа в 1984–1986 гг. (Троицкий VII) и в 2001–2009 гг. (основная площадь Троицкого XIII). В результате работ 2011–2018 гг. ее площадь была исследована практически полностью.

Усадьба Ж в X–XI вв.

Как показали дендрохронологические даты построек первого яруса застройки, освоение территории усадьбы Ж началось в 30-е гг. X в. (рис. 3.1). В начальный период здесь существовало две усадьбы (Ж1 и Ж2), границы которых фиксируются по следам частокольных оград в материке (рис. 3.1, 4–5). На протяжении всего раннего периода на обеих усадьбах преобладают пятистенные срубы, поставленные на фундаментных площадках, в том числе с отдельно прирубленными сенями (рис. 6–7).

Впервые подобные конструкции отметил П. И. Засурцев еще на Неревском раскопе, впоследствии они были открыты и на других раскопах Новгорода. Этот редкий прием новгородского домостроительства существовал лишь в X–XI вв. и в дальнейшем не применялся. На древней поверхности возводился каркас опалубка прямоугольной формы, углы которого соединялись при помощи вырубок (обвязки) либо встык (обноски). С внешней стороны бревна каркаса закреплялись кольями, чтобы конструкция не распалась. Внутренняя часть этого каркаса, вероятно, заполнялась землей, затем на этой своеобразной платформе возводился сруб.

Характер застройки и вещевой комплекс X в. свидетельствуют о высоком социальном статусе первопоселенцев.

На рубеже X и XI вв. происходит смена усадебной застройки (рис. 8.1).

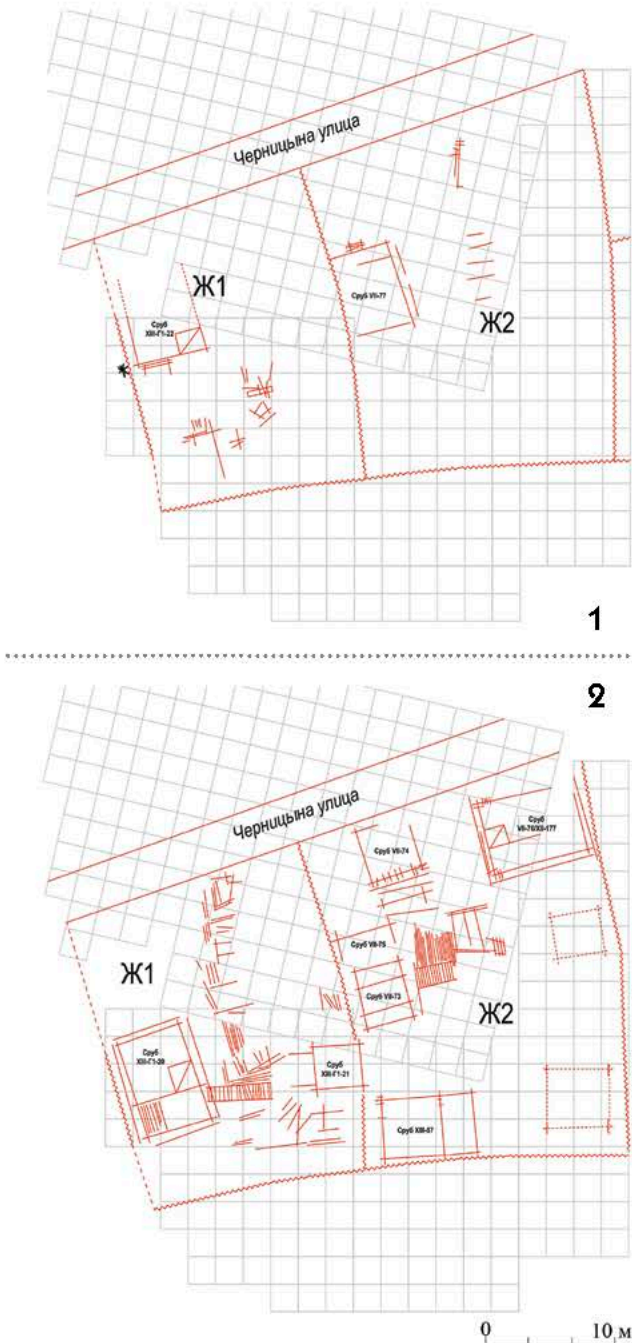

Рис. 3. Схематический план застройки усадеб Ж1 и Ж2 в 30-е – 50-е гг. X в.: 1 – 30-е гг. X в.; 2 – 50-е гг. X в.
Fig. 3. Map of the building layout on homesteads "Zh1" and "Zh2" in the 930s – 950s; 1 – 930s; 2 – 950s.

Рис. 4. Усадьба Ж1. Зачистка материка.
Fig. 4. Homestead "Zh1". Natural or sterile layer.

Рис. 5. Следы межусабедных оград на материке.
Fig. 5. The remains of an inter-homestead fence on the natural or sterile layer.

Рис. 6. Усадьба Ж1: 1 – сруб XIII-Г1-20 – основное жилое сооружение на усадьбе во второй половине X в.;
2 – вымостка-крыльцо к срубам XIII-Г1-20.
Fig. 6. Homestead "Zh1": 1 – log-house XIII-G1-20 – main living quarters on the homestead in the second half of the 10th century; 2 – wooden walkway leading to log-house XIII-G1-20.

Рис. 7. Усадьба Ж2: 1 – сруб XIII-87, середина X в.; 2 – сруб XIII-83, 90-е гг. X в.
Fig. 7. Homestead "Zh2": 1 – log-house XIII-87, mid-10th century; 2 – log-house XIII-83, 90^s.

В это время южная граница обеих усадеб смещается к югу на 6–8 м и сохраняется там до конца XI в. В течение этого столетия изменились не только внешние границы усадеб — в 10-е гг. XI в. между дву-

мя усадьбами исчез частокол и усадьба стала единой (рис. 8.2). В конце 70-х гг. XI в. вновь наблюдается деление усадеб на два комплекса. Это прослеживается по расположению построек на усадебном дворе, хотя частокол отсутствует.

Для X–XI вв. в застройке усадеб удалось проследить восемь сменявших друг друга строительных ярусов, а также несколько горизонтов пожаров, полностью или частично уничтожавших усадебную застройку. Жилая зона локализуется в южной тыльной части усадебных дворов (рис. 9–10). По периметру усадьбы и вдоль Черницыной улицы располагались хозяйственные и производственные постройки. Центральная часть усадебного пространства, как правило, оставалась свободна от застройки, образуя внутренний двор, замощенный настилами и системой небольших переходов между постройками. В первые десятилетия XI в. в северо-восточной части усадьбы со стороны Черницыной улицы была устроена огромная вымостка длиной 20 м и шириной 6 м, обозначавшая въезд на усадьбу.

Вещевая коллекция, происходящая из слоев X–XI вв., насчитывает около 2500 находок, ассортимент которых необычайно богат и разнообразен (рис. 11–13). Наряду с обычными бытовыми предметами, характеризующими повседневную жизнь средневековых новгородцев и их занятия, в составе коллекции немало редких и даже уникальных изделий (Янин и др., 2015б).

Особый интерес вызывает комплекс предметов (около 20 экз.) скандинавского облика (рис. 14), обнаруженных в слое второй половины X — начала XI в. В их числе костяная и каменная игральные шашки для игры hnefatafl, оселок-амулет, серебряный крест с позолотой, подвеска с тремя волютами, единственная в новгородской вещевой коллекции

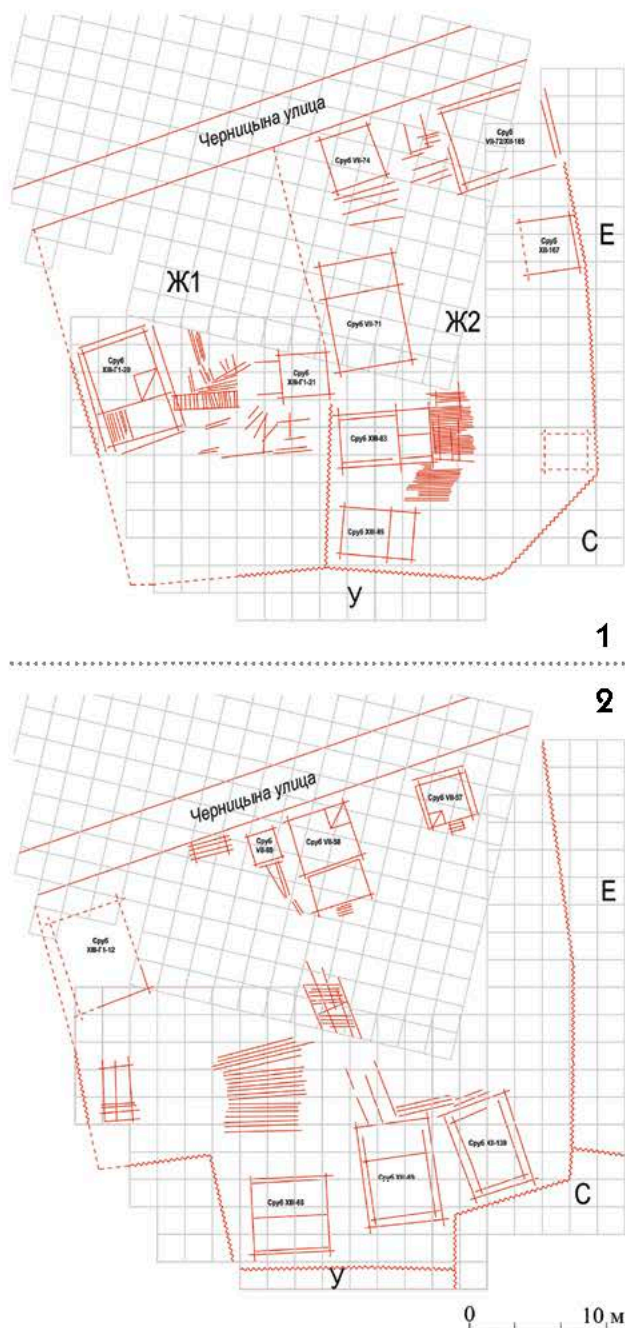

Рис. 8. Схематический план застройки усадьбы Ж в конце X — середине XI в.: 1 — 90-е гг. X в.; 2 — середина XI в.

Fig. 8. Map of the building layout on homestead "Zh" at the end of the 10th — middle of the 11th centuries: 1 — 990s; 2 — mid-11th century.

подвеска в форме рыбьей головы¹, поясные накладки в стиле Борре, пряжка с накладными деталями, фрагменты скорлупообразной фибулы и ножен меча. К этому же комплексу относятся также железный ключ с омеднением и шило (?) с массивной орнаментированной рукоятью. Все перечисленные изделия характерны для материковой Швеции и Готланда. Кроме того, аналогии многим из них обнаружены при раскопках в Старой Ладогге, Гнёздове и др. Количество скандинавских предметов на усадьбе Ж поражает. За все годы раскопок в Новгороде было обнаружено не более 20 отдельных скандинавских предметов, происходящих в основном с двух самых больших раскопов — Неревского (5 экз.) и Троицкого (13 экз.) (Рыбина, Хвоцинская, 2010).

Значительную группу находок составляют свидетельства денежного обращения и торговли. Так, в слое X в. найдены дирхемы (14 экз.), милиарисий (редкая византийская монета) чеканки 931–944 гг., детали складных весов (4 экз.) и гири-разновесы (12 экз.) (рис. 15). Концентрация единичных скандинавских изделий или их фрагментов на усадьбе Ж в совокупности с обилием гирек и деталей весов свидетельствует о том, что первопоселенцы, обосновавшиеся в этой части Людина конца, были вовлечены в международную торговлю Новгорода, когда его основными контрагентами были Норвегия, Швеция и Готланд.

Большой интерес представляют также западноевропейские денарии XI в. (8 экз.) чеканки различных городов и правителей Саксонии и Фризии². Большинство монет изготовлено из низкопробного серебра или меди, что свидетельствует о «засорении» денежного обращения XI в. в Новгороде фальшивыми монетами.

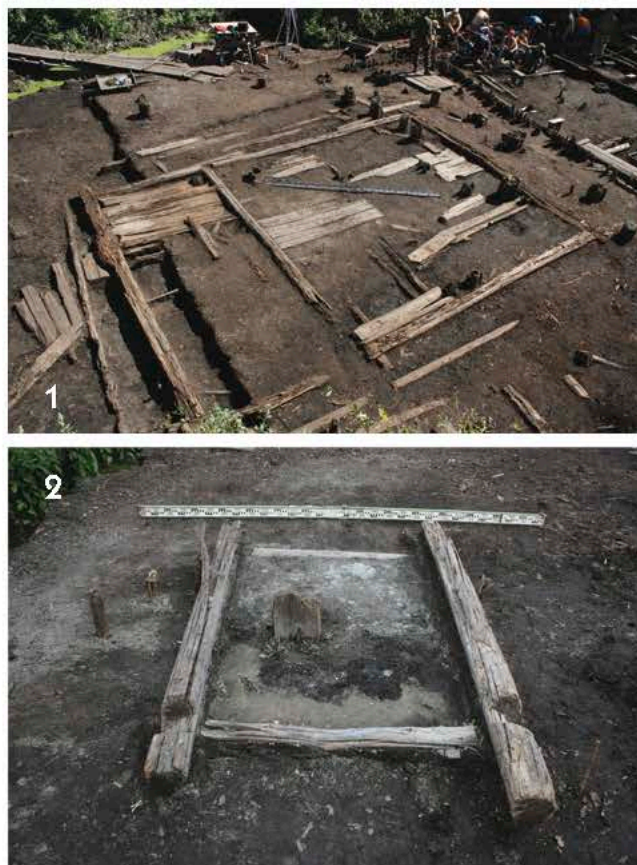

Рис. 9. Усадьба Ж в первой половине XI в.:
1 — сруб XIII-76; 2 — основание дворовой печи.
Fig. 9. Homestead “Zh” in the first half of the 11th century:
1 — log-house XIII-76; 2 — the base of an outdoor yard oven.

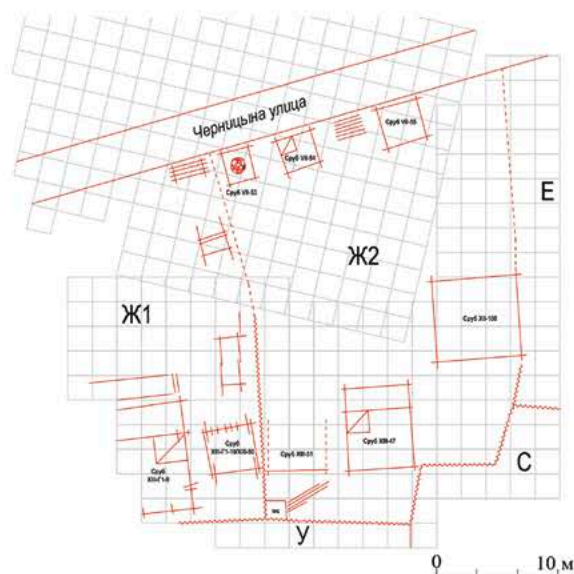

Рис. 10. Схематический план застройки усадеб Ж1 и Ж2 на рубеже XI–XII вв.
Fig. 10. Map of the building layout on homesteads “Zh1” and “Zh2” at the turn of the 12th century.

¹ Благодарим Н. В. Ениосову за атрибуцию этого предмета и ссылку на аналогии.

² Благодарим П. Г. Гайдукова за определение монет.

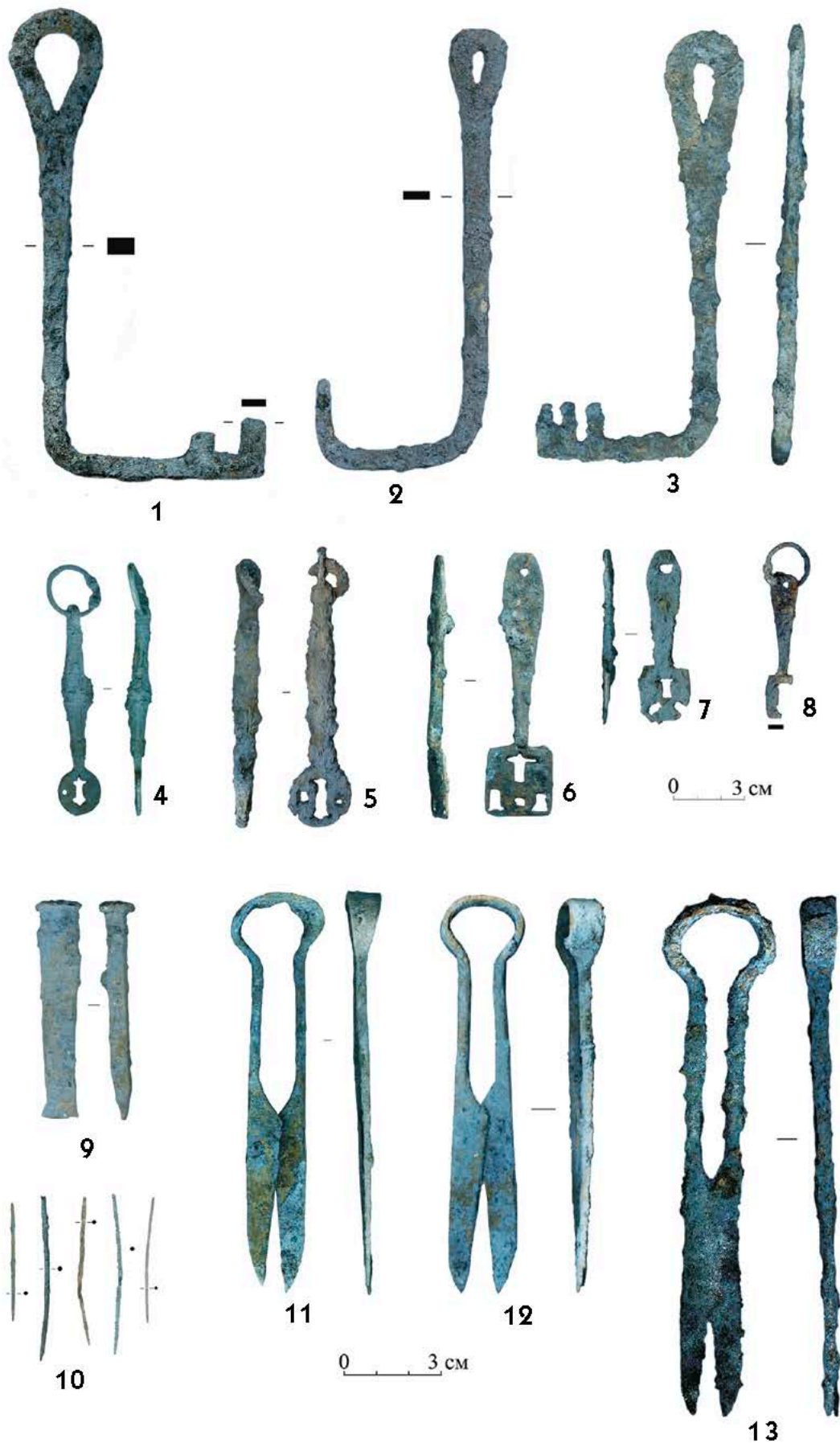

Рис. 11. Железные предметы быта и инструменты: 1–8 — ключи от нутряных и навесных замков; 9 — зубило; 10 — иглы; 11–13 — пружинные ножницы.

Fig. 11. Iron tools and household items: 1–8 — keys for locks and padlocks; 9 — chisel; 10 — needles; 11–13 — shears.

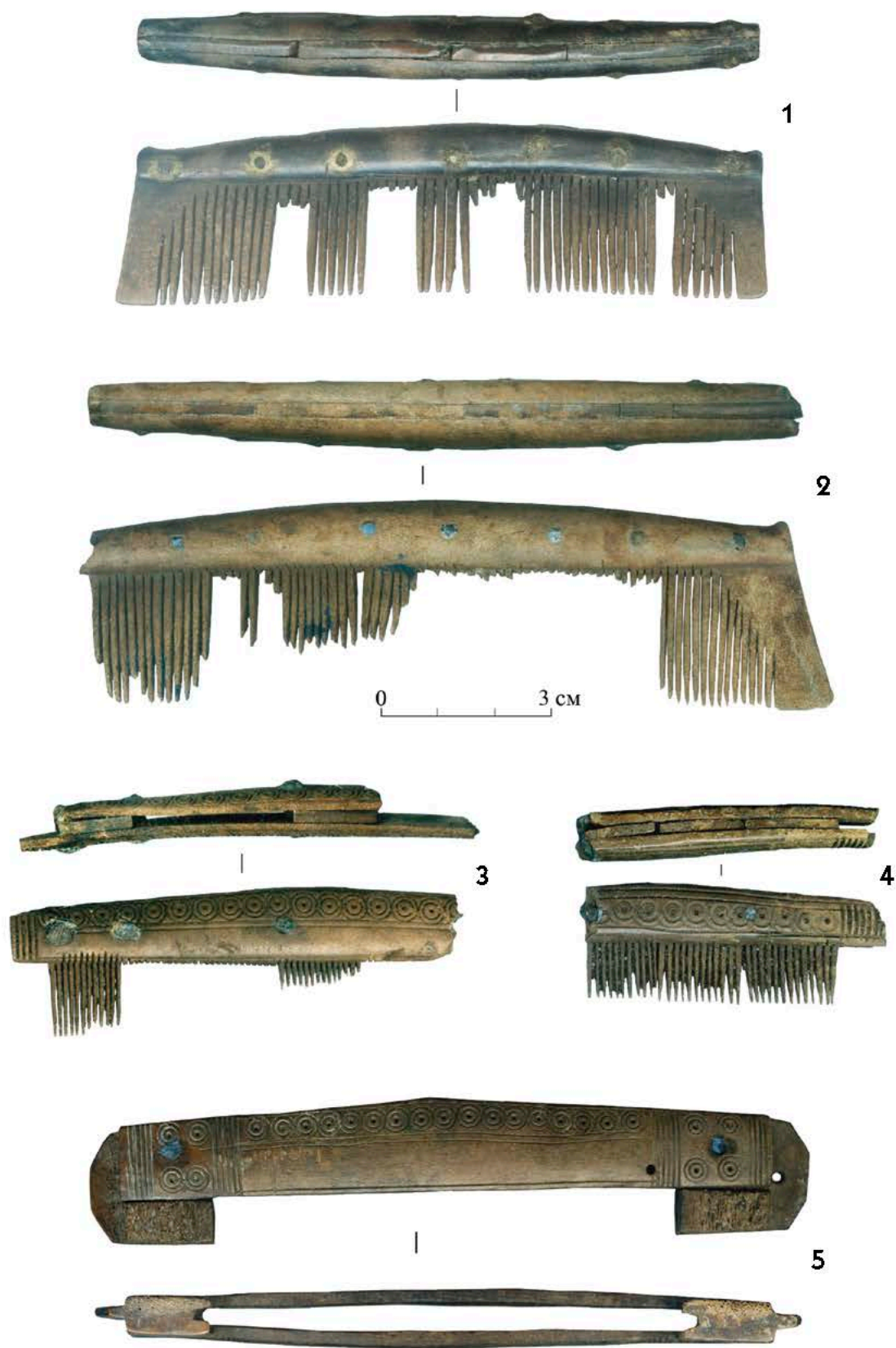
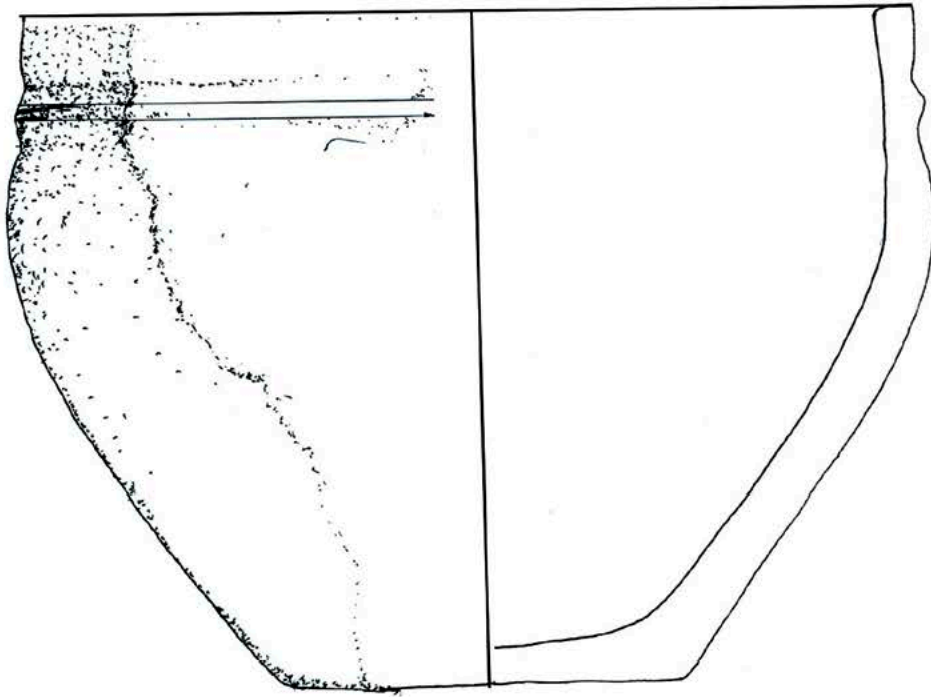

Рис. 12. Предметы быта: 1–5 — костяные односторонние гребни и футляр к ним.
 Fig. 12. Household items: 1–5 — one-sided combs out of bone and a comb case.

0 3 см

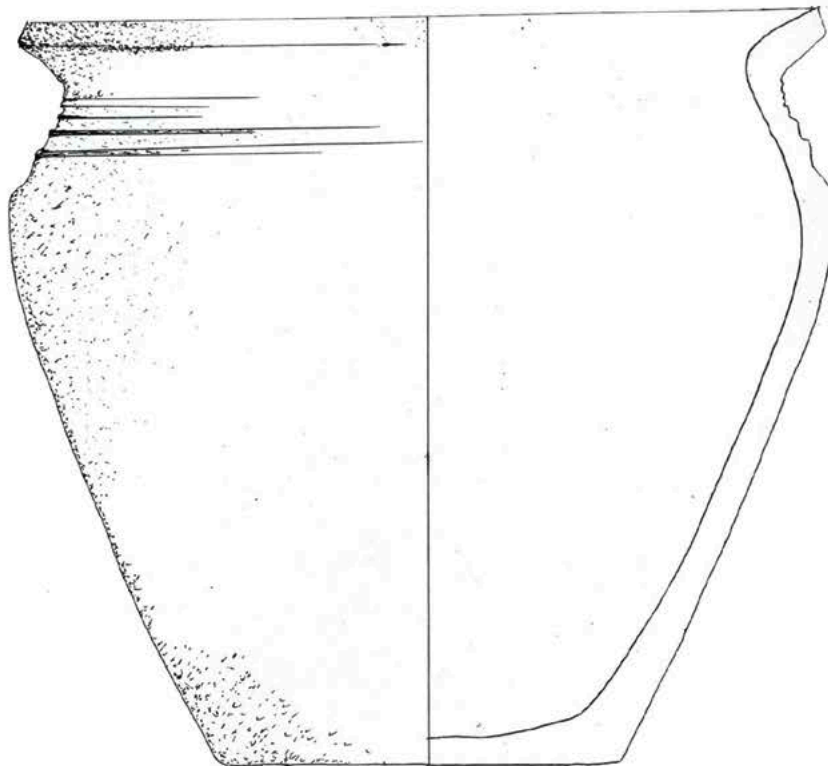

Рис. 13. Глиняные сосуды с территории усадьбы Ж (середина — вторая половина X в.).
Fig. 13. Clay vessels from homestead "Zh" (middle — second half of the 10th century).

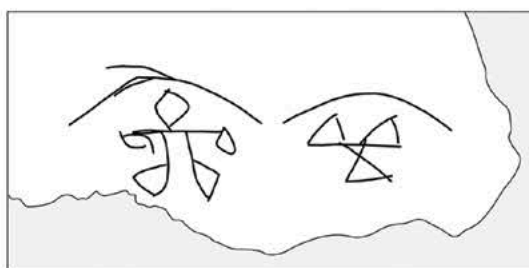
Рис. 14. Комплекс находок скандинавского происхождения: 1 – крест «скандинавского» типа; 2–3 – фрагменты скорлупообразных фибул; 4–5 – железные амулеты; 6 – привеска в виде рыбьей головы; 7 – оселок-амулет; 8–9 – каменная и костяная игральные шашки для игры hnefatafi; 10 – навершие костяной булавки.

Fig. 14. Set of finds that are Scandinavian in origin: 1 – cross of “Scandinavian” type; 2–3 – fragments of oval fibulae; 4–5 – iron amulets; 6 – pendant in the shape of a fishhead; 7 – whetstone-amulet; 8–9 – stone and bone game pieces for a “hnefatafi” game set; 10 – a pinhead (made of bone).

Рис. 15. Монеты, детали складных весов и весовые гирьки, найденные на территории усадьбы Ж в слоях X–XI вв.: 1 – византийская монета – милиарисий (931–944 гг.); 2–7 – арабские дирхемы; 8–9 – западноевропейские денарии; 10–14 – детали складных весов; 15 – весовые гирьки.

Fig. 15. Coins, folding balance scale parts and weights, which were found on homestead "Zh" in the cultural layers dating to the 10th – 11th centuries; 1 – Byzantine coin – miliarensis (931–944); 2–7 – Arablan dirhams; 8–9 – west European denarii; 10–14 – folding balance scale parts; 15 – weights.

0 3 см

Рис. 16. Фрагмент кости животного с процарапанными на ней кириллическими и глаголическими буквами (вторая половина XI в.).

Fig. 16. Fragment of animal bone with several Cyrillic and Glagolitic letters carved into it (second half of 11th century).

Хотя берестяные грамоты здесь отсутствуют, о грамотности жителей свидетельствуют находки двух писал и книжной застежки. Кроме того, особый интерес представляет найденный в слое второй половины XI в. обломок тазовой кости животного, на одной стороне которой тщательно вырезаны кириллические буквы — Б, К, О, на другой — две глаголические буквы (М и И) под титлами (*Михеев, Сингх, 2016*) (**рис. 16**). Это первая находка глаголической надписи, происходящая из раскопок Новгорода.

К числу редких предметов относятся цельный комплект удила с инкрустированными псалиями, лука седла, навершия детских игрушечных мечей, которые были точными копиями боевых мечей. Уникальной находкой является деревянный футляр на лезвие боевого топора.

В слое конца XI в. на территории усадьбы обнаружены два деревянных замка-цилиндра, использовавшихся для запечатывания мешков с данью, на одном из них вырезан знак трицветра (**рис. 17.1, 17.2**).

Уникальной является массивная деревянная конструкция, происходящая из слоя второй половины XI в., не имеющая аналогий в археологическом материале. На основании этнографических данных А. М. Гринев атрибутировал эту конструкцию как деталь повозки (**рис. 17.3**).

Все перечисленные находки из слоев X–XI вв. свидетельствуют о высоком социальном статусе владельцев этой усадьбы на протяжении длительного времени.

Усадьба Ж в XII — начале XIII в.

Отличительной чертой этого периода является высокая концентрация берестяных грамот (более 100 экз.). Характер застройки и содержание берестяных грамот дают основание условно выделить два строительных периода: первая половина XII в. и вторая половина XII — начало XIII в.

I период (1090-е — 1150 гг.)

В первые десятилетия XII в. усадебная застройка сформировалась после пожара, уничтожившего все строения на этой территории. К этому времени уже сложилась традиционная планировка двора, при которой основное жилое здание располагалось вдоль центральной части тыльной границы усадьбы. Оно представляло собой большой сруб-пятистенок размерами 8,5×6,0 м. С севера к сеням сруба примыкала столбовая галерея, к которой подходила вымостка (**рис. 18.1**). Очевидно, она служила и въездом на усадьбу, подходившим непосредственно к центральной постройке. Кроме того, на территории усадьбы располагалось несколько сооружений хозяйственного назначения.

Во второй четверти XII в. формируется новый ярус усадебной застройки, но планировка в целом сохраняется. Это по-прежнему массивный сруб-пятистенок размерами 11,2×8,3 м (**рис. 18.2**). В жилой части сруба был зафиксирован мощный развал каменной печи. Среди камней оказалось довольно много фрагментов плитки. У внутренней стены сруба удалось расчистить участок печи, где плитка была поставлена на ребро (**рис. 19**). Вероятно, печь могла быть облицована кирпичом. С севера к сеням примыкала столбовая галерея, аналогичная сооружению предыдущего яруса.

К этому периоду относятся грамоты №№ 1045–1050, в которых пересекаются имена авторов, адресатов и персонажей: Лука, Сновид, Домка, Уйца (*Янин и др., 2015а. С. 142–151*). Из них Лука и Сновид хорошо известны по находкам 2010 г., когда была найдена переписка складников, т. е. купцов, совместно ведущих торговлю. В грамотах №№ 1045–1050 также обсуждаются торговые дела, денежные расчеты и проблемы возвращения долга. Особый интерес представляет целое письмо Луки (№ 1045) (**рис. 20.1**), который уже известен как автор пяти писем к отцу. В данном

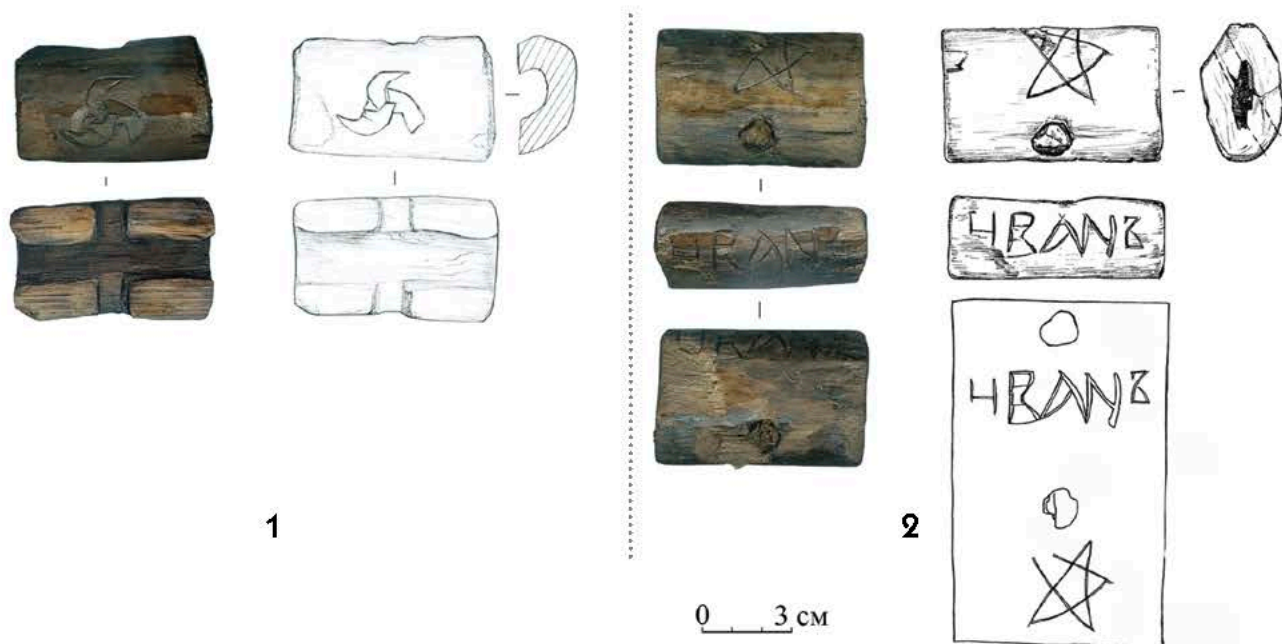

Рис. 17. 1–2 — Деревянные пломбы (вторая половина XI — первая четверть XII в.).
 Fig. 17. 1–2 — Wooden security seals (second half of the 11th — first quarter of the 12th centuries).

Рис. 17. 3 — Деревянная деталь повозки (?).
 Fig. 17. 3 — Cart part (wood) (?).

Рис. 18. Усадьба Ж в XII в. 1 — сруб XIII-G-12 (первая четверть XII в.); 2 — сруб XIII-G-10 (вторая четверть XII в.).

Fig. 18. Homestead "Zh" in the 12th century; 1 — log-house XIII-G-12 (first quarter of the 12th century); 2 — log-house XIII-G-10 (second quarter of the 12th century).

Рис. 19. Сруб XIII-G-10 (вторая четверть XII в.).

1 — каменный развал печи с фрагментами плинфы; 2 — участок печи, облицованный плинфой.

Fig. 19. Log-house XIII-G-10 (second quarter of the 12th century); 1 — remains of a stone oven with fragments of plinthform brick; 2 — area of the oven fronted with plinthform brick.

случае Лука со своим компаньоном Микулой сообщает Сновиду о безрезультатной поездке на север за пушниной: «От Луки и от Микулы к Сновиду. Мы (двое) не купили ничего: заволочская белка (беличья пушнина) — 8 гривен. А ты дай нам (двоим) какую-нибудь весть поскорее. Мы бы уже были дома, да распутица. И приветствую вас. Домке отдайте денег (добавлено над строкой: 14 кун) из семи гривен для Саввы Гюровича» (*Там же. С. 142–144*). Упомянутый в этой грамоте Домка также участвовал в переписке со Сновидом (грамота № 1047): «От Домки к Сновиду. Спроси Уйца, тут ли мой должник. Если он тут, возьми с него две гривны. Если его тут нет, то так мне и дай знать (т. е. сообщи об этом)». Этот Уйца был автором грамо-

ты № 1046, от которой, к сожалению, остались лишь обрывки, не дающие связного текста. Вероятно, однако, что Уйца был членом той же группы складников, что и Лука, Сновид, Микула и Домка.

В самых ранних грамотах этого периода (№№ 1049, 1050) упоминается некий Словято, который также занят покупками и денежными расчетами. В целой и хорошо сохранившейся грамоте № 1050 речь идет о взимании долга посредством вызова отрока (судебного исполнителя). Поражает, насколько в столь раннее время было развито правовое сознание. Документ датируется рубежом XI–XII вв.

Торговые дела жителей усадьбы нашли отражение и в находках. Из слоя первой половины XII в. происходит 91 товар-

Рис. 20. Находки с усадьбы Ж первой половины XII в.: 1 — берестяная грамота № 1045; 2–3 — печати князя Всеволода Мстиславича (1117–1131 гг.); 4 — бита для игры в «бабки» со знаком Рюриковичей; 5 — фрагменты стеклянных сосудов.

Fig. 20. Finds from homestead "Zh" dating to the first half of the 12 century; 1 — birch bark manuscript № 1045; 2–3 — seal belonging to prince Ysevolod Mstislavich (ruled 1117–1131); 4 — game piece for "babki" game set, inscribed with the Rurikid symbol; 5 — fragments of glass vessels.

Рис. 21. Усадьба Ж в XII в. Сруб XV-26 (середина – вторая половина XII в.).

Fig. 21. Homestead "Zh" in the 12th century; Log-house XV-26 (mid – second half of the 12th century).

ная пломба с изображениями различных святых, крестов, в том числе и процветших, а также разнообразных знаков. Такими пломбами опечатывались связки шкурок пушных зверей, поступавших в Новгород из восточных и северных районов Новгородской земли. Это еще раз подтверждает, что торговля пушниной была одной из статей доходов жителей усадьбы.

Всего в слое этого периода было найдено около 2000 предметов, характеризующих ремесло, материальную культуру, быт и мировоззрение жителей усадьбы. Важное значение для определения их социального статуса имеют найденные в этот период печати, пломбы для мешков с данью и другие находки. В слое первой половины XII в. было найдено четыре печати, две из которых содержат изображение процветшего креста на одной стороне и святого – на другой. Одна печать принадлежала князю Всеволоду Мстиславичу (1117–1131 гг.) (рис. 20.3). Здесь же была найдена деревянная пломба с надписью «Иване» (рис. 16.2). Заслужи-

Рис. 22. Усадьба Ж в XII в. 1 – сруб XIII-Г-8 – основная жилая постройка на усадьбе в середине – второй половине XII в.; 2 – развал каменной печи в срубе XIII-Г-8.

Fig. 22. Homestead "Zh" in the 12th century; 1 – log house XIII-G-8 – main living quarters of the homestead in the mid – second half of the 12th century; 2 – remains of a stone oven inside log-house XIII-G-8.

вает внимания костяная бита для игры в бабки со знаком Рюриковичей (рис. 20.4). К числу редких относятся и стеклянные сосуды с росписью, обломки которых найдены на усадьбе в большом количестве (рис. 20.5). Коллекция ювелирных украшений из цветного металла многочисленна и разнообразна: височные кольца, перстни, браслеты, привески, разнообразные накладки и др.

II период (1150–1190-е гг.)

В этот период планиграфическая ситуация на данной территории заметно меняется. Граница усадьбы Ж сдвигается к западу на значительное расстояние,

занимая практически всю усадьбу Ф, что прослеживается по забутовке частокотла. В слоях этого периода на Троицком раскопе вскрыты остатки большого пятистенного сруба XV-26 (рис. 21). В основном помещении расчищены остатки отопительного устройства, расположенного в центре. Как и в предыдущих ярусах, основное жилое помещение располагалось в центре тыльной части усадебного двора (рис. 22). Сооружение представляло собой большой сруб-пятистенок размерами 10×8,5 м, рубленный из бревен диаметром 30–35 см. С севера к сеням дома примыкала галерея на столбовой основе. Края галереи оформлены двумя рядами мощных столбов. С запада, севера и востока к галерее подходило три крыльца (настила). За время существования дома (более 40 лет) подходы к нему перестраивались дважды.

В рассматриваемый период на раскопах Троицкий XIII (участки Г и Г1) и XV было найдено 36 берестяных грамот, половина которых написана Якимом, хорошо известным нам по находкам 2010 г. Всего ему принадлежат 38 текстов на бересте — среди авторов берестяных грамот Яким является самым пишущим новгородцем. Подавляющее число его грамот является деловыми записями, среди которых почти нет частных писем с адресной формулой. По содержанию записей становится очевидно, что Яким был управляющим крупным боярским хозяйством. Он вел записи об оплате пушнины (№ 1021), о количестве зерна и семян (№№ 1023, 1024, 1029/980, 1037), о поставке соли и т. д. (Янин и др., 2015а. С. 120–137)

Большой интерес представляет грамота № 1021, в которой указана огромная сумма, уплаченная двумя феодалами за 3100 беличьих шкурок. Один из них заплатил сорок пять гривен и две ногаты, другой — сорок четыре гривны и пять с половиной кун, из чего следует, что одна беличья шкурка стоила около 0,7 куны. По мнению А. А. Гиппиуса, речь идет о двух

боярах — сыновьях знаменитого посадника конца XII в. Мирошки Нездинича, у которых Яким, очевидно, был управляющим (Там же. С. 119). В грамоте № 1023, содержащей перечисление различного зерна и семян, поражает количество ячменя в 500 мер. К сожалению, точный объем этой меры нам пока неизвестен. Особую категорию грамот Якима составляют короткие однострочные записки — вероятно, ярлыки (всего 5 экз.). В основном в них указывается стоимость различных предметов. Любопытны две записки, не содержащие упоминания конкретного предмета или товара. В одной из них сказано: «А сь либське», — т. е. это ливский, по-видимому, товар. В другой указана только стоимость: «А сь по 2 куонь». Вероятно, это был ценник, прикрепленный к какому-то товару (рис. 23. 2, 3).

Наряду с добычей пушнины и сбором податей одним из основных занятий жителей этой усадьбы по-прежнему оставалась торговля. Яким не только автор многочисленных текстов, но и адресат грамоты № 1100. Ее автор Рощена поручает Якиму купить шубу и четыре воротника из паволоки (драгоценная ткань). Далее она пишет, с кем передать покупки, и сообщает, что деньги придут с ладьей. Судя по всему, Рощена — жена того самого боярина, у которого служит Яким. Видимо, она находится за пределами Новгорода в боярском поместье, откуда и посылает Яким письмо.

Кроме грамот Якима были найдены деловые письма о возвращении долгов других авторов (№№ 1020, 1031), заговор от лихорадки («трясавице») (№ 1022) и др. Ассортимент находок, происходящих из слоя второй половины XII в., богат и разнообразен. Многие находки являются индикаторами высокого социального статуса владельцев усадьбы Ж в это время. Прежде всего к их числу относится деревянная бирка из можжевельника с надписью «УСТЬЕ ЕМЬЦИ» (Янин и др., 2019.

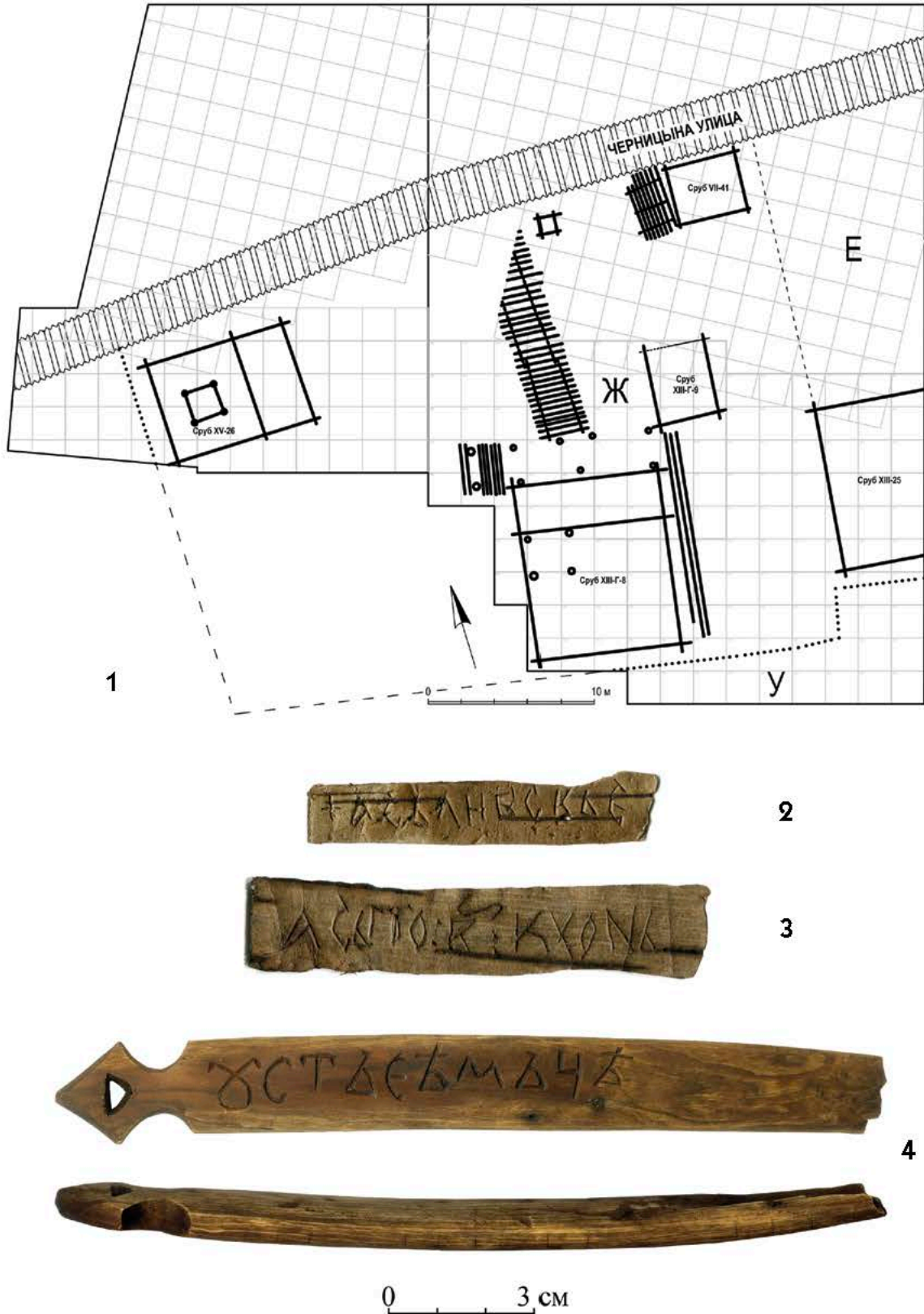

Рис. 23. Усадьба Ж во второй половине XII в. 1 — схема усадебной застройки во второй половине XII в.; 2–3 — берестяные «ярлыки» с упоминанием различных товаров; 4 — деревянная бирка с надписью «Устье Емьци».

Fig. 23. Homestead "Zh" in the second half of the 12th century. 1 — map of the building layout on the homestead in the second half of the 12th century; 2–3 — birch bark "tags" with the names of different goods; 4 — wooden tag with the inscription "Ust'ye Yem'tsi" («Устье Емьци»).

С. 18, рис. 2) (рис. 23.4). Она представляет собой плоскую пластинку, один конец которой оформлен в виде ромбовидной головки с отверстием для подвешивания. В прежние годы на Троицком раскопе были найдены две подобные бирки с надписями «МЕСТУЙ» и «УСТЬЕ ВА...» (очевидно, «устье Ваги») (Янин, Зализняк, 1986. С. 85). Видимо, как и деревянные пломбы в виде цилиндров, они привешивались к мешкам с данью, указывая на место ее сбора.

Среди находок, характеризующих высокий социальный статус владельцев этой усадьбы, — византийская печать с греческой надписью, золотое трехбусинное височное кольцо, янтарный крест с серебряными наконечниками, большое количество обломков импортных стеклянных сосудов, многочисленные фрагменты амфор. Заметно увеличилась коллекция свинцовых товарных пломб (46 экз.) для опечатывания пушных шкурок.

Отметим также редчайшую находку целой бронзовой кадилницы и фрагмент деревянной церы с остатками воска, по размерам полностью аналогичной знаменитой Новгородской псалтири, состоящей из трех подобных табличек. Большой интерес вызвала единственная в своем роде находка, казалось бы, самых обыкновенных вещей. Это два шерстяных вкладыша в обувь в виде носков (рис. 24). Они сохранились практически целиком за исключением следов изношенности на пятках и мысках.

Всего же на усадьбе Ж в слоях XII в. было найдено свыше 5000 индивидуальных находок. Разнообразие бытовых предметов, хорошо известных по другим новгородским раскопам, наглядно иллюстрирует жизнь и быт средневековых новгородцев в XII в. О высоком социальном положении владельцев усадьбы свидетельствует не только большое количество найденных здесь берестяных грамот, но и коллекция статусных вещей.

Рис. 24. Шерстяные вкладыши в обувь из заполнения сруба XIII-Г-8.

Fig. 24. Woolen shoe inserts found inside log-house XIII-G-8.

Усадьба Ж в XIII–XIV вв.

На рубеже XII–XIII вв. площадь усадьбы сокращается, резко меняются характер застройки и состав находок. Очевидно, это связано со сменой владельца усадьбы Ж. Перепланировка произошла еще до пожара 1207 г., который связывается с разгромом усадеб семейства Мирошкиничей (рис. 25).

В застройке XIII и XIV вв. в основном преобладают небольшие четырехстенные срубы. По сравнению с XII в. происходит существенное обеднение вещевого комплекса. Преобладают бытовые вещи, характерные для большинства новгородских усадеб: железные замки и ключи, инструменты, ювелирные украшения, каменные грузила и оселки, двусторонние гребни, деревянная посуда, чекмари, детали саней, кожаной обуви и т. д. Самой массовой категорией находок являются стеклянные браслеты, которые надежно датируют эти напластования. Из

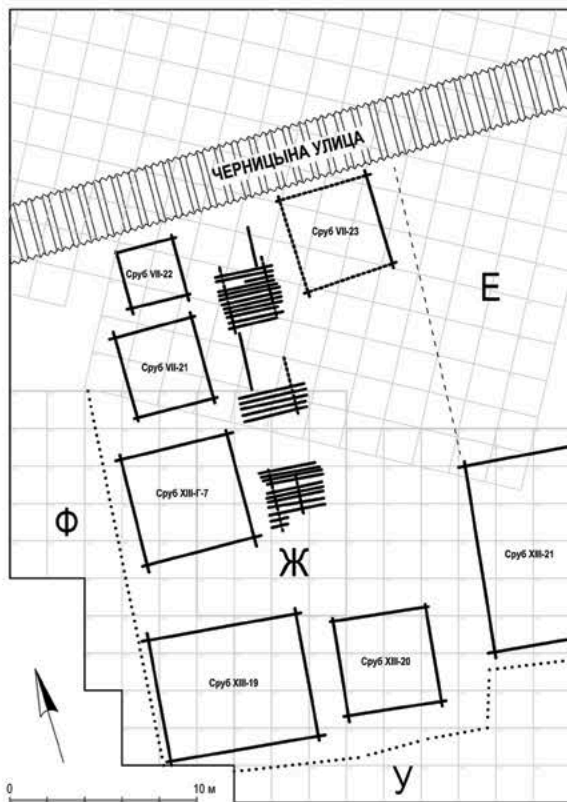

Рис. 25. Схема усадебной застройки на рубеже XII–XIII вв.
Fig. 25. Map of the building layout on homesteads E, F, U, Zh (with homestead "Zh" in the center) at the turn of the 13th century.

ювелирных украшений отметим находку редких в новгородской вещевой коллекции двух карельских скорлупообразных фибул, сильная затертость орнамента которых свидетельствует об их длительном использовании (рис. 26).

Изделия из цветных металлов разнообразны и многочисленны для такой сравнительно небольшой площади — вероятно, здесь располагалось ювелирное производство. Об этом также свидетельствуют многочисленные фрагменты тиглей, выплески цветного металла, литейная форма и разнообразное сырье.

Другой производственный комплекс связан с косторезным ремеслом — он фиксируется по скоплению опиленных рогов лося и оленя. Здесь же найдены и двусторонние гребни — они также могли изготавливаться в этой мастерской.

Застройка обоих усадебных комплексов в XIII–XIV вв. представлена не-

Рис. 26. Карельские овалы фибулы с усадьбы Ж (XIII в.).
Fig. 26. Karelian oval fibulae from homestead "Zh" (13th century).

большими однокамерными срубам, расположенными преимущественно вдоль мостовой улицы. Среди них хлебная (уличная) печь. Прослеживается несколько ярусов въездов на усадьбы. Открыт ряд срубов, сохранивших отопительное устройство и, по всей видимости, являвшихся жилыми.

В этих слоях обнаружены предметы, характеризующие повседневную жизнь и быт жителей усадеб. В составе коллекции бытовые изделия, универсальные инструменты, детали замков, ключи, небольшое количество украшений и детали обуви. К числу редких для Новгорода изделий относится находка полой птицевидной привески с гребешком на голове и подвесками лапчатой формы, прикрепленными к тулову. Подобные привески и подвески в виде утиных лапок характерны для круга финно-угорских древностей.

“A Short History of Archaeological Excavations at Homestead ‘Zh’ of the Troitsky Excavation Site in Novgorod the Great”

by E. A. Rybina, V. K. Singh, L. V. Pokrovskaya

The archaeological excavations of Novgorod the Great have spanned a period of 85 years and are still continuing: over this time a vast amount of information about the inner workings of an Ancient Russian city has been gathered. Some important finds include: the location of the joint court of the city’s prince and *posadnik* — un-covered in the 12th century cultural layer of homestead E. This discovery, in addition to the birch bark manuscripts (the first of which was found in Novgorod!) and wooden security seals, is indicative of the process of government consolidation. This article will discuss the archaeological materials gathered during the excavation of homestead “Zh” at the Troitsky excavation site. This excavation is especially noteworthy because the oldest Slavic book discovered to date, “The Novgorod Psalm-book” (dated to the turn of the 11th century) was unearthed at the Troitsky XII site. Furthermore, a grand total of 480 birch bark manuscripts found at this site have given archaeologists a peek into the daily life of the 11th — 13th century inhabitants of Novgorod the Great.

In 1973 the Troitsky excavation site located in the medieval Lyudin’s End (to the south of the Novgorod Kremlin) became of increasing interest. This area was first settled in the 930s, when it still bordered farmland, and two homesteads, “Zh1” and “Zh2”, existed (they merged into one — homestead «Zh» — at the beginning of the 11th century). This homestead’s cultural layers, dating to the 10th — 11th centuries, yielded a collection of unique artefacts: for instance, a set of about 20 finds of Scandinavian appearance — including game pieces for a «hnefatafl» game set, belt-mounts decorated in the Borre style and other items. Furthermore, there has been a significant number of finds that indicate the involvement of the homestead’s first inhabitants in trade — 14 dir-hams, a miliareuse, parts of folding balance scales and weights. The stretch of time from the 12th to beginning of the 13th centuries on homestead “Zh” is subdivided into two time periods (1098–1150 and 1150–1190) and characterized by a high concentration (100 items) of birch bark manuscripts. During this time the layout of the homestead remained the same — with the main living quarters (a 5-sided log-house) being located towards the rear boundary of the homestead, while other household buildings stood along either side, thus creating a large yard in the center. Birch bark manuscripts #1045–1050 date to this time period and chronicle the communications amongst a group of merchants, who appear to have been involved in the fur trade. During the second of the abovementioned time periods (1150–1190) only 36 birch bark manuscripts were found, a majority of them being penned by a man named Yakim, who most probably was the manager of a wealthy boyar’s homestead. The high social status of the homestead’s owners at this time, is illustrated by a collection of valuable finds which include: a Byzantine seal with a Greek inscription, a gold temple ring with three beads, and a large number of shards of imported glass vessels.

At the turn of the 13th century the area of homestead “Zh” sharply decreases and its layout changes; this most likely reflects a change in ownership. Most of the buildings are small, four-sided log-houses, placed along the street. A majority of the finds dating to the 13th and 14th centuries is household objects — keys and locks, wooden plates, whetstones, double-sided combs and many glass bracelets — a distinct contrast to the finds from the 12th century. However, the collection of items made of non-ferrous metal is large and diverse, indicating the possible presence of a jeweler’s workshop on homestead «Zh» during the later part of its existence.

О. С. Лебедева

НОВЫЕ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О НОВГОРОДЕ X–XI ВВ.

Археозоологические исследования в Великом Новгороде проводятся уже много десятилетий. Первые работы относятся к 1950-м гг., когда кости животных здесь определял В. И. Цалкин (*Цалкин, 1956*). Затем, после длительного перерыва, уже на Троицком раскопе, изучение костей животных возобновилось силами английских специалистов (*Молтби, Гамильтон-Даер, 1995; Maltby, 2012*). Новый этап археозоологических исследований начался во второй половине 2000-х гг., когда на раскопах города начали почти одновременно работать Л. В. Яворская и А. В. Зиновьев, с этого времени происходит относительно регулярный сбор коллекций костей животных и их обработка, более активно публикуются новые материалы (*Зиновьев, 2009, 2014, 2015; Яворская, 2013, 2017*). Представляемые в настоящей статье данные призваны дополнить имеющуюся информацию.

В ходе проведения археологических исследований на Троицком раскопе XIII (на участках Г и Г1) были вскрыты культурные слои, датируемые от 30-х годов X в. до второй половины XIV в. На протяжении всего этого периода, со времени освоения, эта территория входила в пределы средневековой усадьбы Ж, которая со временем меняла свои границы. По

итогах работ 2009–2014 гг., кроме обилия археологических материалов, была собрана большая коллекция костей животных, которая была исследована по методической схеме, разработанной в Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН (*Антипина, 2004*).

Общий объем археозоологической коллекции составил 16732 костных фрагмента. Материал рассматривался так, как был предоставлен автором археологических работ В. К. Сингхом¹, — по пластам, имеющим одинаковую мощность (20 см). Как видно из **Таблицы 1**, для всей коллекции характерна очень высокая доля костей, определяемых до вида и класса, — 91,4%. Для остеологических коллекций, происходящих из слоев средневекового Новгорода, высокая определяемость фрагментов обычна — она обусловлена спецификой культурного слоя и хорошей их сохранностью, которая оценивается в среднем в 3–4 балла по пятибалльной шкале. Такая сохранность характеризуется незначительным разрушением поверхностного слоя компакты, что позволяет определять на костях следы искусственного воздействия (разрубы, специфическая кухонная раздробленность, подрезы ножом, следы зубов собак и грызунов, а также следы воздействия высоких температур и открытого огня).

¹ Пользуясь случаем, выражаю слова благодарности авторам раскопок за предоставленную возможность работать с материалами Троицкого раскопа XIII и научные консультации.

Таблица 1.

Общие параметры коллекции костных остатков из Троицкого XIII раскопа (участки Г и Г1)

Пласт	Всего фрагм. (шт.)	Объем (дм ³)	Индекс раздробленности	Доля определяемых (%)	Даты
14	4522	200	22,6	90,0	20–50-е гг. XI в.
15	4380	200	21,9	90,4	
16	3143	100	31,4	93,0	к. X в. – 10-е гг. XI в.
17	2658	100	26,6	92,7	
18	1089	30	36,3	93,2	30-е гг. – 2-я пол. X в.
19	64	5	12,8	87,5	
Предматерик	221	4	55,3	88,7	
Материк, ямы	668	40	16,7	91,9	
Итого	16732	679	24,6	91,4	

Важной характеристикой остеологической коллекции является индекс раздробленности (ИР) костей, который вычисляется путем деления общего количества фрагментов в конкретной выборке на их объем, выраженный в кубических дециметрах. Этот индекс показывает, сколько фрагментов из данной выборки могло бы втиснуться в 1 дм³, то есть насколько сильно раздроблены кости. В коллекции из Троицкого раскопа XIII (уч. Г, Г1) значения этого показателя находятся в пределах 16,7–55,3 фрагментов в 1 дм³, что характерно для нормальной «кухонной» раздробленности (Антипина, Моралес, 2006). Близкие к этим значениям ИР показатели — для этого же хронологического периода — находятся для материалов из раскопок М. А. Родионовой в Новгородском Детинце — 38,3–50,0 (Яворская, 2017). Поскольку основная масса костных фрагментов характеризуется как «кухонные остатки», то показатель этот свидетельствует в том числе об интенсивности накопления костей в культурном слое. Анализ этого показателя вместе с другими признаками (например, наличием или отсутствием следов ремесленного производства или наличием целых костей в выборке с пласта) позволит

судить об этапах освоения данного участка средневекового города.

Для более подробного и содержательного анализа остеологическая коллекция Троицкого раскопа XIII была разделена на три выборки. Они сформированы в рамках выделенных авторами раскопок хронологических периодов, в ходе которых на усадьбе Ж происходят изменения границ. Выборка 1 происходит из заполнения напластований 30-х гг. — второй половины X в. — это время начального освоения данной территории и становления границ усадеб Ж1 и Ж2. Выборка 2 происходит из заполнения напластований конца X в. — 10-х гг. XI в. В этот период происходит изменение границ усадеб, в результате чего вся территория раскопа входит в границы усадьбы Ж1. Выборка 3 представляет собой заполнение напластований 20–50-х гг. XI в., когда происходит объединение двух усадеб в одну большую усадьбу Ж. Структура и таксономический состав выборок изучаемой коллекции представлены в **таблицах 2–4**.

Начальный этап исследования остеологической коллекции включает определение костных фрагментов до вида. В нашем случае было выявлено традиционное

Таблица 2.

Структура и таксономический состав Выборки 1 (30-е гг. — вторая половина X в.) из Троицкого раскопа XIII (участки Г и Г1; шл.)

Объекты исследования	Млекопитающие					Другие классы		Всего
	Неопределимые		Определимые			Птицы	Рыбы	
	Крупные	Средние	Домашние		Дикие			
			Мясные	Помощники				
Пласт 17	99	94	1925	15	12	260	253	2764
Пласт 16	144	76	2411	16	7	310	176	3153
ВСЕГО	243	170	4336	31	19	570	429	5798
% по выборке	4,2	2,9	74,8	0,5	0,3	9,6	7,4	100,0

Таблица 3.

Структура и таксономический состав Выборки 2 (конец X в. — 10-е гг. XI в.) из Троицкого раскопа XIII (участки Г и Г1; шл.)

Объекты исследования	Млекопитающие					Другие классы		Всего
	Неопределимые		Определимые			Птицы	Рыбы	
	Крупные	Средние	Домашние		Дикие			
			Мясные	Помощники				
Пласт 17	99	94	1925	15	12	260	253	2764
Пласт 16	144	76	2411	16	7	310	176	3153
ВСЕГО	243	170	4336	31	19	570	429	5798
% по выборке	4,2	2,9	74,8	0,5	0,3	9,6	7,4	100,0

Таблица 4.

Структура и таксономический состав Выборки 3 (20–50-е гг. XI в.) из Троицкого раскопа XIII (участки Г и Г1; шл.)

Объекты исследования	Млекопитающие					Другие классы		Всего
	Неопределимые		Определимые			Птицы	Рыбы	
	Крупные	Средние	Домашние		Дикие			
			Мясные	Помощники				
Пласт 15	261	159	3365	7	22	385	181	4380
Пласт 14	332	120	3521	5	6	406	132	4522
ВСЕГО	593	279	6886	12	28	791	313	8902
% по выборке	6,7	3,1	77,4	0,1	0,3	8,9	3,5	100,0

преобладание костей млекопитающих (не менее 75,4%) над костями животных других классов — как для коллекции в целом, так и для каждой выборки в отдельности. Доли костей птиц варьируют в хронологических выборках, плавно уменьшаясь от Выборки 1 (11%) к Выборке 3 (8,9%). Доли костей рыб также уменьшаются от Выборки 1 (13,6%) к Выборке 3 (3,5%), однако снижение их количества происходит большими «скачками».

Определение костей млекопитающих выявило принадлежность их к 11 видам, 5 из которых являются дикими. Это наиболее распространенные «охотничьи» виды лесной фауны как крупных размеров (лось и медведь), так и относительно небольших (заяц, бобр и белка) (Таблица 5). Остатки животных этих видов регулярно обнаруживаются во всех остеологических коллекциях средневекового Новгорода (Зиновьев, 2009, 2014, 2015; Яворская, 2016; Maltby, 2012).

Доля костей охотничьих видов в изучаемой коллекции незначительна. Из крупных «мясных» животных представлен лось, от которого обнаруживаются элементы скелета, характерные для потребления лосятины в пищу. К средним по размерам диким животным, употреблявшимся в пищу, а также служившим источником меха, относятся зайцы и бобры, кости которых были определены во всех трех выборках. Остальные виды диких животных представлены единичными анатомическими элементами, что характерно скорее для случаев пушного промысла (белка и медведь).

Наиболее многочисленные остатки домашних животных принадлежат четырем сельскохозяйственным группам: крупный рогатый скот (КРС), свинья, мелкий рогатый скот (МРС) и лошадь. Лидирующее положение в остеологических спектрах среди них по всем трем хронологическим выборкам занимает КРС, доля костей которого постепенно увеличивается и составляет от 55,6% до 74,4% (Таблица 6).

Таблица 5.

Видовой состав млекопитающих и их остеологические спектры в хронологических выборках из Троицкого раскопа XIII раскопа (участки Г и Г1)

№	Виды	Латинские названия	30-е гг. – 2-я пол. X в.		кон. X в. – 10-е гг. XI в.		20– 50-е гг. XI в.		Всего	%
			кости	%	кости	%	кости	%		
1	КРС	Bos taurus	749	54,4	2771	63,2	5124	74	8644	68,1
2	Лошадь	Equus caballus	54	3,9	75	1,7	56	0,8	185	1,5
3	МРС	Ovis/Capra	185	13,4	387	8,8	492	7,1	1064	8,4
4	Свинья	Sus domestica	359	26,4	1103	25,1	1214	17,5	2676	21,1
5	Собака	Canis familiaris	16	26,1	15	0,3	7	0,1	38	0,3
6	Кошка	Felis domestica	7	1,2	16	0,4	5	0,1	28	0
7	Лось	Alces alces	1	0,5	2	0,05	5	0,03	8	0,1
8	Медведь	Ursus arctos	1	0,1	2	0,05			3	0,0
9	Заяц	Lepus sp.	3	0,2	7	0,2	12	0,2	22	0,2
10	Бобр	Castor fiber	1	0,1	8	0,2	9	0,1	18	0,1
11	Белка	Sciurus vulgaris					2		2	0,02
Всего			1376	126,3	4386	100	6926	99,93	12688	100,0

Таблица 6.
Остеологические спектры остатков домашних копытных из Троицкого раскопа XIII (участки Г и Г1; шт.)

Выборки	КРС	Лошадь	МРС	Свинья	Всего
Выборка 1 30-е гг. – 2-я пол. X в.	749	54	185	359	1347
% по выборке №1	55,6	4,0	13,7	26,7	100
Выборка 2 кон. X в. – 10-е гг. XI в.	2771	75	387	1103	4336
% по выборке №2	63,9	1,7	8,9	25,4	100
Выборка 3 20–50-е гг. XI в.	5124	56	492	1214	6886
% по выборке №3	74,4	0,8	7,1	17,6	100,0

Традиционно второе место принадлежит доле костей свиньи. Однако если в первых двух выборках доля этих животных в остеологических спектрах снижается постепенно — от 26,7% до 25,4%, то в спектре Выборки 3 снижение очень значительное — до 17,6%.

Третьей по численности группой домашних сельскохозяйственных животных является МРС. Наибольшую долю он имеет в период освоения и раннего заселения данной территории — 13,7% (Выборка 1). На следующем этапе происходит существенное уменьшение доли этого животного в спектре — до 8,9% (Выборка 2), в следующий хронологический период происходит незначительное снижение доли МРС — 7,1% (Выборка 3). Костные остатки лошадей являются самыми малочисленными и имеют тенденцию к постепенному снижению долей во всех трех выборках от 4% до 0,8%. Остеологические спектры кухонных остатков, полученные в рассматриваемых трех хронологических выборках, в целом достаточно похожи на соотношение, выведенное для древнерусских городов X–XIII вв. (*Антипина, 2005*).

Костей собак и кошек — животных, традиционно живущих рядом с человеком и считающихся его помощниками, — на участках Г и Г1 Троицкого раскопа XIII немного. В исследуемой коллекции они

практически равны между собой, в то время как обычно доля костей кошек значительно меньше, чем собак, а их совокупная доля практически соответствует объему костей диких зверей.

Определив таксономическую принадлежность костных фрагментов остеологической коллекции, мы видим, что в основном она представлена так называемыми «кухонными остатками» — это кости животных, употреблявшихся жителями средневековой усадьбы в пищу. Рассмотрим специфику мясного потребления на исследуемой усадьбе. В числе прочего необходимо сравнить все три хронологические выборки, а также сопоставить полученные данные с результатами таких же исследований, выполненных по другим раскопам Великого Новгорода.

Важными показателями потребления мяса являются следы, характерные для кухонной разделки туш и анатомический состав костных остатков. Наиболее характерными остаются следы грубой первоначальной разделки туши (разрубы костей), в результате которой образуется ровная площадка. Кроме того, показательны характерные разломы, идущие в определенных направлениях и концентрирующиеся в определенных частях кости (**рис. 27.1**). К признакам менее грубой разделки относятся следы срезания мяса с кости ножом

(рис. 27.2). Часто на костях, относящихся к категории «кухонных остатков», встречаются следы воздействия высоких температур (рис. 28.2) и следы от зубов собак, так называемые «погрызы» (рис. 28.1).

При рассмотрении данных Таблицы 7 можно увидеть, что почти на всех костных остатках, принадлежащих «съедобным» видам, присутствуют следы «кухонной» разделки, и с увеличением количества костных фрагментов в хронологических выборках увеличивается количество таких следов на них. Это свидетельствует о росте потребления мяса в пищу жителями усадьбы Ж в исследуемый хронологический период. Кости собак и кошек являются исключением — на них присутствуют только следы «погрызов», что может говорить о доступности для растаскивания тел мертвых животных.

Чтобы рассчитать количество потреблявшегося мяса домашних животных, необходимо пересчитать данные остеологических спектров на кратность весовых показателей каждого вида (Антипина, 2005). Расчеты показывают, что в мясном рационе жителей усадьбы Ж преобладала говядина. При этом показатели спектра Выборки 1 находятся в пределах стандартного для древнерусского города значения (Антипина, 2005) — 84,2%, а уже в следующих хронологических выборках количество потребляемой говядины уверенно увеличивается — 89,8% и 93,9% соответственно (рис. 29). Следующей по популярности (но значительно уступавшей говядине) была свинина. При этом наблюдается спад объемов потребления свинины от Выборки 1 к Выборке 3 — 6,7% и 3,7%. Такая обратная корреляционная зависимость объемов потребления говядины и свинины традиционна для древнерусских городов в целом и средневекового Новгорода в частности. На третьем месте по объему потребления находятся баранина и козлятина, которые также имеют тенденцию к постепенному уменьшению

Рис. 27.1. Следы разрубов железным топором на кухонных остатках.

Fig. 27.1. Chop marks on "kitchen leftover" bones left by an iron axe.

Рис. 27.2. Следы, оставленные ножом на кухонных остатках.

Fig. 27.2. "Kitchen leftover" bones with marks left by a knife.

Рис. 28.1. Следы собачьих зубов на кухонных остатках;

Fig. 28.1. Traces of dog bites on animal bones.

Рис. 28.2. Следы воздействия высоких температур на кухонных остатках.

Fig. 28.2. Traces left by fire and high temperatures on «kitchen leftover» bones.

Таблица 7.
Следы кухонной разделки и «погрызов» собаками на костях животных из Троицкого XIII раскопа (участки Г и Г1)

Вид	Кости		Остатки со следами						
	Число	%	погрызы	разрубы	нож	разлом	огонь	всего	%
КРС	8644	51,6	2609	3928	215	1062	34	7848	61,7
Лошадь	185	1,1	83	36	-	4	2	125	1,0
МРС	1064	6,4	456	307	19	163	2	947	7,4
Свинья	2676	16,0	888	993	108	353	1	2343	18,4
Собака	38	0,2	11	-	-	-	1	13	0,1
Кошка	26	0,2	2	-	-	-	-	2	0,0
Лось	8	0,0	-	5	-	-	-	5	0,0
Заяц	23	0,1	6	1	-	-	-	7	0,1
Бобр	17	0,1	6	3	1	-	-	10	0,1
Неопред. крупн.	933	5,6	167	259	2	166	27	621	4,9
Неопред. средн.	523	3,1	166	108	4	130	18	426	3,4
Птицы	1587	9,5	107	6	8	216	2	339	2,7
Рыбы	1019	6,1	15	5	0	7	0	27	0,2
Всего	16743	100,0	4515	5652	357	2102	87	12713	100,0
Соотношение групп следов			35,5	44,5	2,8	16,5	0,7	100,0	

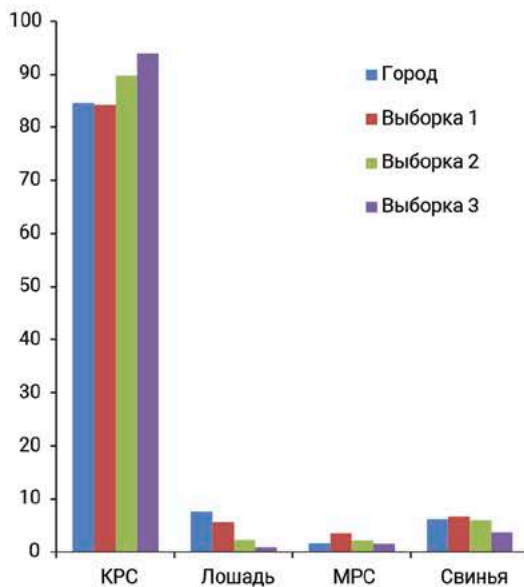

Рис. 29. Спектр мясного потребления различных видов домашних животных усадьбы Ж (Троицкий раскоп XIII, участки Г и Г1).

Fig. 29. Meat consumption of different livestock on homestead "Zh" (Troitsky excavation site XIII, lots G and G1).

доли в хронологических выборках — от 3,5% до 1,5%. В очень малых количествах в кухонных остатках встретились фрагменты костей лошади, с тем же уменьшением ее доли в мясном спектре — от 5,6% (Выборка 1) до 0,9% (Выборка 3). Скорее всего, конина если и употреблялась в пищу, то только в наиболее трудные времена.

При расчетах показателей мясного потребления для усадьбы Ж необходимо охарактеризовать возрастную структуру животных (возраст забоя). Она может говорить о пищевых привычках или вкусовых предпочтениях жителей усадьбы. Определение возраста забоя происходит прежде всего по степени стертости зубов: достоверно известно, когда у сельскохозяйственных животных молочные зубы сменяются на коренные, достаточно хорошо изучена динамика стирания поверхностей коронок

в процессе пережевывания пищи (Grant, 1982). Репрезентативные выборки зубов (т. е. не менее 50 единиц) дают точные данные о возрастной схеме забоя животного. Для исследуемой усадьбы такие выборки выявлены для КРС и свиньи.

Возрастная схема забоя КРС показывает, что жители усадьбы Ж употребляли в пищу мясо зрелых животных — 3–6 лет (46,7%) и старше 6 лет (26,7%). Такие животные достигли дефинитивных размеров и были пущены на мясо в полном убойном весе. Телятина составляла лишь около 5,8% (возраст от 3 до 18 месяцев), а мясо молодых бычков — 20,8% (возраст от 1,5 до 3 лет). Это типичная для средневекового городского населения схема потребления говядины (рис. 30).

Схема забоя свиней в нашей выборке такова: основная доля свинины получена от животных второго года жизни — 60,5% (возраст от 12 до 24 месяцев). Мясо животных первого года жизни составляло 25,3% (в том числе небольшое количество поросят молочного возраста — 2,4%); доля потребления мяса более взрослых животных составляет 14,5% (рис. 31). Свинина употреблялась в пищу в течение всего года, но наибольшие объемы потребления приходятся на зимне-весенний период.

Количество нижних челюстей и зубов МРС оказалось немногим меньше необходимой численности для надежного определения индивидуального возраста, но позволяет в общих чертах охарактеризовать примерный возраст забоя овец и коз (рис. 32). Наивысшие показатели по забоям МРС приходятся на возрастные группы от 4 до 12 месяцев и от 1 до 2 лет. Следующие наиболее массовые возрастные группы — 2,5–4 года и 4–6 лет. Таким образом, забоям подвергались уже достигшие зрелости особи, которые какое-то время могли использоваться в качестве источника молока и шерсти.

При рассмотрении анатомических спектров во всех трех хронологических вы-

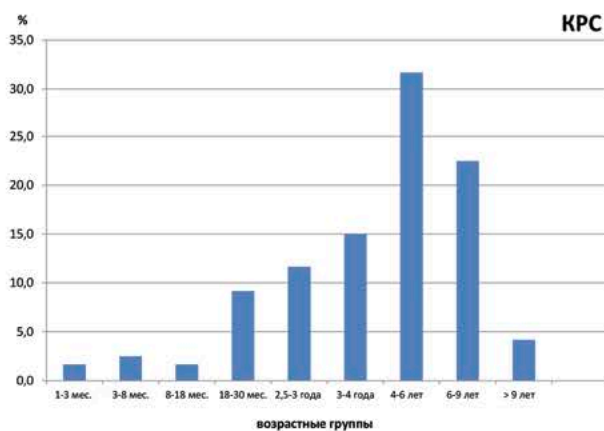

Рис. 30. Возрастная схема забоя крупного рогатого скота (КРС) по данным остеологической коллекции с усадьбы Ж.

Fig. 30. Age at Time of Slaughter (Cattle). Based on data from bones collected during the excavation of homestead "Zh".

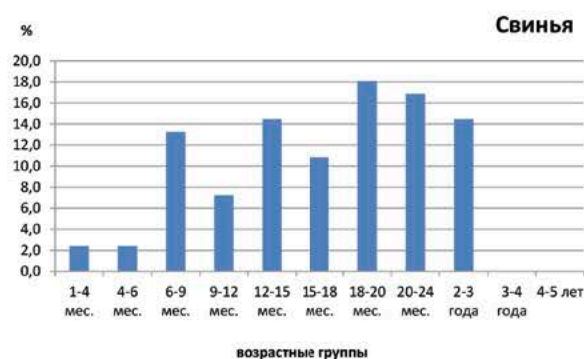

Рис. 31. Возрастная схема забоя свиней по данным остеологической коллекции с усадьбы Ж.

Fig. 31. Age at Time of Slaughter (Pigs). Based on data from bones collected during the excavation of homestead "Zh".

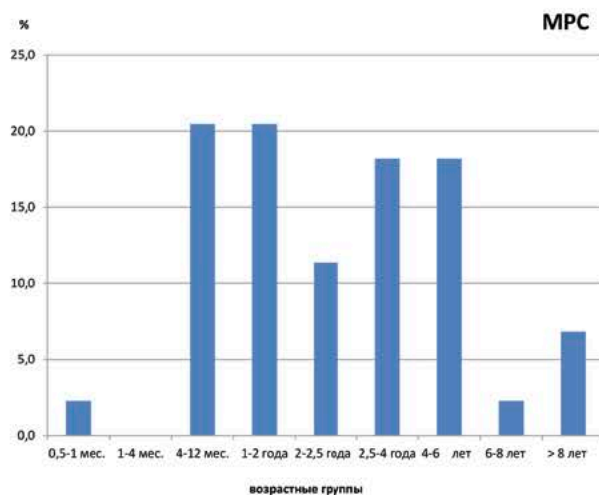

Рис. 32. Возрастная схема забоя мелкого рогатого скота (МРС) по данным остеологической коллекции с усадьбы Ж.

Fig. 32. Age at Time of Slaughter (Sheep and Goats). Based on data from bones collected during the excavation of homestead "Zh".

борках удается зафиксировать, какими частями туш представлены разные сельскохозяйственные животные. Наибольшей популярностью, естественно, пользуются самые мясные части — это реберно-грудной отдел, чему соответствует спинно-реберно-грудной и шейный отрубы, а также область передних конечностей — лопаточный отруб. Это согласуется со схемой первичной разделки туш мясных животных, маркируемой пятью-шестью зонами

разрубов (Антипина, Лебедева, 2012). В то же время не менее мясные области задних конечностей представлены в выборке значительно меньшим количеством анатомических единиц (рис. 33–35). Особенно ярко данный факт представлен в спектрах крупного рогатого скота — от 8% в Выборке 1 до 10,9% в Выборке 3, что существенно отличается от количества элементов позвоночно-реберного отдела — 26,4% в Выборке 1, 25,6% в Выборке 2 и 41,7% в Выборке 3. Доли остальных элементов анатомического спектра КРС — метаподии, фаланги, части черепа — представлены слабо. По всем трем выборкам количество их варьирует мало.

Схожая ситуация наблюдается при сравнении анатомических спектров МРС: доли анатомических элементов задних конечностей (мясные части) постепенно уменьшаются от Выборки 1 (16,2%) к Выборке 3 (14%). Доли остальных частей скелета колеблются незначительно.

В распределении костей свиньи по анатомическому спектру также преобладают элементы позвоночно-реберной области — 28,4%, 28,0% и 38,3% (Выборки 1, 2, 3 соответственно). Однако в данном случае высокие значения долей имеют и костные элементы, несущие на себе мясные части передних и задних конечностей. Значимые показатели принадлежат и области черепа — 17%, 16,3% и 11,7% (Выборки 1, 2, 3 соответственно).

Для всей остеологической коллекции, собранной с участков Г и Г1 Троицкого раскопа XIII, характерно умеренное количество костей домашних сельскохозяйственных животных с признаками патологических изменений костной и зубной ткани. Наличие таких признаков может свидетельствовать об эпизодическом кормлении сельскохозяйственных животных несбалансированными и некачественными кормами, плохих условиях содержания скотины и неблагоприятных климатических условиях.

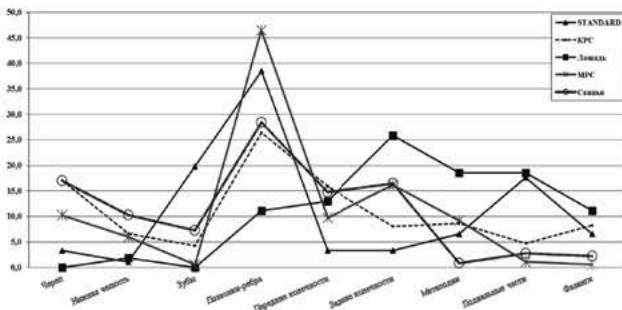

Рис. 33. Анатомический спектр остеологических остатков Выборки 1.

Fig. 33. Types of animal bones, Bone Group 1 (from the 930s to second half of 10th century)

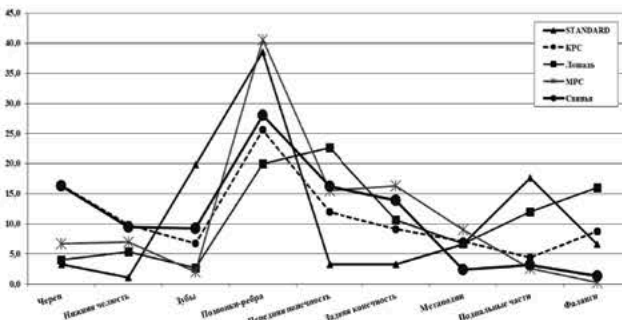

Рис. 34. Анатомический спектр остеологических остатков Выборки 2.

Fig. 34. Types of animal bones, Bone Group 2 (from the end of the 10th century to 1110s).

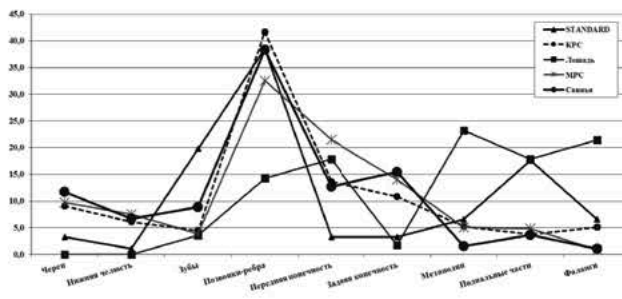

Рис. 35. Анатомический спектр остеологических остатков Выборки 3.

Fig. 35. Types of animal bones, Bone Group 3 (from the 1020s — 1050s).

Наиболее распространены патологии, локализующиеся на верхних и нижних челюстях крупного рогатого скота (рис. 36.1, 36.2), мелкого рогатого скота и свиней. Они характеризуются изменениями поверхности компактных пластинок в области зубных альвеол (периостальные реакции костной ткани), что чаще всего связано с травматическим фактором при поедании очень грубых и некачественных кормов.

К патологиям зубной системы, также связанным с кормлением животных грубыми кормами, относится неравномерное стирание зубного ряда нижней челюсти. Часто встречается у свиней, особенно — сильная изношенность первого коренного зуба (рис. 36.3).

Патологии, связанные с гипертрофией костного рельефа в местах прикрепления мышц на длинных трубчатых костях, и окостенение коротких связок на фалангах встретились как у представителей КРС, так и у лошадей, что свидетельствует либо о содержании животных в неподходящих условиях, либо об использовании их как тягловых животных (рис. 37.1).

У представителей КРС представлены случаи дефекта (деформации) тазобедренного сустава (кокк-артроз), который образуется в результате трения головки бедренной кости о внутреннюю поверхность вертлужной впадины. Эта патология указывает на плохие условия содержания животных — например, на долгое содержание в условиях холода и сырости.

Наиболее распространенная патология у лошадей локализуется на метаподиальных костях и является результатом длительного воспаления скакательного сустава с последующим прирастанием грифельных костей (рис. 37.2).

Однако, повторимся, костей с патологическими изменениями в собранной остеологической коллекции встретилось немного.

Выводы

1. Археозоологическое исследование остеологической коллекции X–XI вв., полученной в результате археологических работ на Троицком раскопе XIII (участки Г и Г1), показало, что подавляющее большинство костей является кухонными остатками, которые постоянно накапливались в культурном слое. При детальном рассмотрении этих кухонных остатков в рамках остеологического спектра отмеча-

Рис. 36.1. Следы оссифицирующего периостита на верхних челюстях крупного рогатого скота.
Fig. 36.1 Traces of ossifying periostitis (Periostitis ossificans) on the upper jaws of cattle.

Рис. 36.2. Следы оссифицирующего периостита на нижних челюстях крупного рогатого скота.
Fig. 36.2 Traces of ossifying periostitis (Periostitis ossificans) on the lower jaws of cattle.

Рис. 36.3. Значительная степень стертости первого коренного зуба у свиней.
Fig. 36.3. Significant level of dental abrasion of first molar tooth (M1) in pigs.

Рис. 37.1. Следы окостенения коротких связок на первых фалангах крупного рогатого скота.

Fig. 37.1. Traces of ossification of the ligaments on the first phalanges of cattle.

Рис. 37.2. Пример полного прирастания грифельных костей у лошади.

Fig. 37.2. An example of the complete fusion of a horse's "splint" bones with the metacarpal or metatarsal.

ется отсутствие существенных отличий древнейших слоев усадьбы Ж от слоев других частей средневекового Новгорода, а также от ситуации, изученной в других древнерусских городах X–XIII вв. (Антипина, 2005).

2. Если говорить о мясном рационе жителей усадьбы, то он также весьма традиционен для средневекового города: основное предпочтение отдавалось говядине с увеличением количества ее потребления с течением времени; вторым по популярности мясом, поступавшим на столы местных жителей, была свинина, однако

постепенно показатели ее употребления снижаются. На третьем месте в мясном рационе находились баранина и козлятина.

3. Весьма интересны результаты детального изучения анатомических спектров костей мясных животных. Судя по костным остаткам, в основном доминируют позвоночно-реберные части и мясные части передних конечностей, в то время как мясные отделы задних конечностей представлены значительно меньшим числом.

4. Жители усадьбы Ж в 20–50-е годы XI в. отдавали предпочтение «центральной» части свиной туши (грудина, ребрышки, корейка). Возможно, на их столе преобладали какие-то конкретные блюда из свиного мяса. Так, при незначительном увеличении числа свиных костей в Выборке 3, по сравнению с предыдущим хронологическим этапом (Таблица 6), и снижении потребления свинины в мясном рационе жителей усадьбы от Выборки 2 к Выборке 3 (от 5,9% до 3,7%), в этот период резко увеличивается количество фрагментов костей позвоночно-реберной части анатомического спектра — 28,0% и 38,3% (Выборки 2, 3 соответственно).

5. В остеологической коллекции выявлено незначительное количество костей сельскохозяйственных животных с патологическими изменениями. Это может говорить о бережном отношении жителей к животным, которые содержались на территории усадьбы. Большая часть обнаруженных патологий связана с воспалительными процессами зубной системы, возникающих в результате использования грубых и некачественных кормов.

Материалы остеологической коллекции, собранной в результате археологических работ из напластований, датируемых 30-ми годами X в. — 20–50-ми годами XI в., демонстрируют обычные для средневекового Новгорода остеологические спектры и способы хозяйственного использования сельскохозяйственных и диких животных.

“New Archaeozoological Data Analysis of 10th–11th Century Novgorod the Great (Homestead ‘Zh’, Troitsky XIII Excavation Site)” by O. S. Lebedeva

This article presents an archaeozoological analysis of the collection of animal bones (dated to the 10th – 11th centuries), unearthed during excavations of homestead “Zh” at the Troitsky XIII excavation site. The majority of bones were “kitchen leftovers”, which have a tendency to accumulate in the cultural layer when meat is part of the local inhabitants’ diet. There was no significant osteological difference discovered between the “kitchen leftover” bones of homestead “Zh” and those found in corresponding cultural layers throughout medieval Novgorod, as well as other Ancient Russian cities of the 10th – 13th centuries (Antipina, 2005).

Next, the proportion of meat in the diet of the inhabitants of homestead “Zh” was also quite standard for the diet of the population living in Ancient Russian cities. The most popular meat was beef, then pork, while mutton and goat meat tied for third place. The analysis of the animal bones yielded quite interesting results about how the butchered animals were dressed: the majority of the bones were from the “front quarter” of the animal (ribs, front limbs), while hindquarter cuts were considerably fewer in number. Although there was a slight rise in the number of pig bones from the end of the 10th century to the first half of the 11th century, there was an overall decrease in the percentage of pig bones as part of the total number of animal bones. However, there was a sharp increase in the number of pig ribs found, which indicates the popularity of dishes cooked from meat from the “middle” part of the pig carcass — the ribs and loins.

Lastly, the osteological analysis found an insignificant percentage of farm animal bones with pathologies. This indicates that the inhabitants of homestead “Zh” took good care of their livestock. Most of the pathologies identified were limited to inflammation of the teeth and jaws, which shows that the animals were mostly likely fed low quality grain. Overall, the analysis of this collection of animal bones, excavated from the cultural layer of homestead “Zh” dated to the 930s – 1050s, found nothing unusual that would stand out among other analyses of osteological material from medieval Novgorod.

КОНЬ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА

Обзор итогов археологических работ на Троицком раскопе позволяет охарактеризовать Людин конец раннего периода (X–XII вв.) как один из наиболее значимых районов города, где проживали люди, имевшие высокий социальный статус. Именно на таких усадьбах, вероятно всего, широко использовались лошади, поскольку наличие этого животного в хозяйстве было признаком зажиточности. О характере этого использования можно судить по представленным материалам.

Как показывает анализ остеологической коллекции, употребление конины в пищу в средневековом Новгороде почти не практиковалось. Это не связано с религиозными запретами, поскольку и в дохристианский период мясо лошади, равно как и других domesticированных живот-

ных (собаки, кошки), также не употреблялось в пищу. Лошади, содержащиеся на городских усадьбах, по всей видимости, не использовались и в качестве тягловой силы в сельском хозяйстве.

В жизни средневекового жителя богатой новгородской усадьбы конь занимал иное положение. Прежде всего он использовался как транспортное средство и играл важную роль в военном деле. В этой связи особенно показательным становится выявление комплекса предметов снаряжения коня и всадника. На открытых и исследованных в XXI в. усадьбах Людина конца подобный комплекс представлен достаточно хорошо и, что особенно интересно, предметы конского снаряжения сочетаются с разнообразными, в том числе уникальными, предметами вооружения.

В. В. Новиков

СНАРЯЖЕНИЕ КОНЯ И ВСАДНИКА X — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XI В.

Археологические материалы из раскопок Великого Новгорода дают целый ряд интересных находок, связанных со снаряжением коня и всадника. Стоит отметить, что вещи этой категории на территории Древней Руси датируются достаточно размыто, однако культурные слои Новгорода позволяют получать уверенные даты для многих предметов и, с необходимой долей условности, экстраполировать их на весь древнерусский материал.

В настоящую статью входят материалы с усадьбы Ж, а также отдельные находки с усадеб У, С, Т. Снаряжение коня и всадника на усадьбе Ж в середине X — первой половине XI в. представлено следующими предметами: удила (1 экз.), седло (лука) (1 экз.), подпружная пряжка (1 экз.), привески к шумящей плети (2 экз.), накладки (25 экз.), наконечник ремня (2 экз.), пряжка (1 экз.) (рис. 38).

В слоях первой половины XI в. на усадьбе Ж были обнаружены металлические удила с сохранившимся грызлом и псалиями (кв. 1854, пласт 14, № 7) (рис. 39). Двухчастное грызло имеет прямоугольное сечение и завершается петлей, в которую продеты слабоизогнутые псалии, украшенные серебряным плакированным геометрическим орнаментом в виде треугольников и линий с золотой инкрустацией. На концах псалий грибо-

видные завершения. Эти удила относятся к III типу так называемых «крылатых» удил, распространение которых приходится на XI–XII вв., и происхождением своим обязаны кочевникам. В материалах раскопок Великого Новгорода второй половины XI в. часто встречаются довольно яркие экземпляры (Кирпичников, 1973. С. 16). Богатство украшения, безусловно, подчеркивает социальную значимость владельца такого уздечного набора.

Совершенно уникальна находка деревянной луки седла (вероятнее всего, передней) в финальном нижнем пласте, который относится к середине X в. Это самый ранний экземпляр из известных к настоящему времени (кв. 1815, пласт 18, № 96) (рис. 40.1). Лука представляет собой единую деталь с частичной утратой. Ее исходный размер — 18×27 см. Сохранилась полукруглая пластина с арочным вырезом и край с тремя прямоугольными отверстиями для крепления полок седла. Полки, вероятно, были представлены тремя поперечными планками размером около 0,9×0,7 см. Толщина детали в самом широком месте составляет до 2,3 см. Лука выступала над холкой коня на 6–7 см. Для удобства всадника полки могли закрываться кожей, войлоком, тесьмой из конского волоса, обшиваться шелковой и шерстяной тканью. Подобные органические

Условные обозначения

■ - удила	◆ - подвески к шумящей плети
◆ - седло (лука)	● - ременные украшения коня и всадника
◆ - пряжка подпружная	

Рис. 38. Ситуационный план находок снаряжения коня и всадника на усадьбе Ж.
Fig. 38. Map of horse tack and rider equipment finds on homestead "Zh".

фрагменты, связанные с седлом, удалось проследить в погребении Ц-191/Авдусин-1975 на территории Гнёздовского археологического комплекса (Новиков, Ениоцова. 2015. С. 200–202, Приложение II).

Деревянная основа, найденная на усадьбе Ж, по размерным характеристикам аналогична костяным обкладкам седел, обнаруженным в Шестовицах, Чернигове и Киеве, которые до настоящего времени были единственными находками

седельной гарнитуры X в. на территории Древней Руси (Кирпичников, 1973. С. 35–36). Стоит отметить, что на соседней усадьбе У в нижних пластах середины – второй половины X в. также была обнаружена костяная накладка на седло (кв. 1644, пласт 20, № 3) размером 15×4,5 см. (рис. 40.2). Наглядно иллюстрирует использование подобного седла деревянная игрушка, найденная в тех же слоях, – конь, снабженный именно таким седлом с двумя

невысокими луками (кв. 1677, пласт 17, № 122) (рис. 41.1).

Седла с твердой основой получили широкое распространение в кочевом мире и известны уже с IV–VI вв. Они позволяли всаднику наносить тяжелые копейные удары (Амброз, 1973. С. 94–98). Как отмечает А. Н. Кирпичников, на рубеже I–II тысячелетий в евразийском мире наступает новый этап развития седел в связи с развитием тяжелой кавалерии. В сравнении с задней передняя лука увеличилась практически вдвое и таким образом обезопасила переднюю часть тела бойца. Подобные седла представлены на миниатюрах XI–XIV вв., но самая ранняя находка датируется XII в. (Погребение у села Зеленки) (Кирпичников, 1973. С. 38–40). Передняя лука с усадьбы Ж в два раза меньше по высоте, чем находка у с. Зеленки, и это совершенно нормально для того времени, к которому она относится.

Становление княжеской конницы как ключевого рода войск для борьбы с кочевой угрозой или европейским рыцарством произошло за очень краткий промежуток времени. В X в. использование верхового коня подразумевало лишь транспортную функцию, поскольку дружины Русов сражались пешком или на кораблях, о чем есть масса письменных свидетельств. Первое использование конницы в открытом бою в 970 г. при осаде Доростола вызывает у византийского историка Льва Дьякона удивление, но уже в 1069 г. в битве под Сновском Святослав Ярославич громит половцев «ударивша в конь» (Михайлов, 1994).

С территории усадьбы происходит крупная железная пряжка полукруглой формы размером 4,7×5 см (кв. 1856, пласт 16, № 57) (рис. 41.2). Вполне вероятно, что это подпружная пряжка — элемент крепления ремня подпруги для фиксации седла на спине верхового коня. Округлые подпружные пряжки приходят на смену более ранним кочевническим пря-

Рис. 39. Снаряжение верхового коня и всадника: удила.
Fig. 39. Horse and rider equipment: bridle-bit.

моугольным образцам в XI в., хотя могут встречаться и в более раннее время (Кирпичников, 1973. С. 76–77). Ширина ремня могла составлять от 1,5 до 1,8 см.

На усадьбе Ж найдены два фрагмента привесок к шумящей плети. Эти привески очень похожи на обломки калачевидных кресал (кв. 1817, 1819, пласт 17, № 10, 12) (рис. 41.3, 41.4). Шумящая плеть (тип I по типологии А. Н. Кирпичникова) представляет собой металлическое кнутовище с кольцом, на котором размещались зажим для бича и несколько металлических привесок для усиления шумового эффекта в процессе управления лошадью. Плетки этого типа имеют скандинавское происхождение и широко распространились на территории Древней Руси от Юго-Восточного Приладожья до Смоленщины в IX–XI вв. Выходят из употребления после 1050 г. (Кирпичников, 1973. С. 71–73).

Рис. 40. Снаряжение верхового коня и всадника: 1 – лука седла; 2 – накладка на луку седла (усадыба У).
Fig. 40. Horse and rider equipment: 1 – saddle pommel; 2 – decorative plate for saddle pommel (homestead U).

В пластах 14–16 усадьбы Ж была обнаружена внушительная коллекция из 28 ременных украшений (накладки, наконечники пояса и пряжка) (таблица 1). Это отдельные элементы разных поясных наборов и украшений оголовья верхового коня (рис. 42–43). К сожалению, точно установить время «выпадения» коллекции не представляется возможным. Хронологические рамки бытования этих украшений ограничиваются серединой X — 30-ми годами XI в.

Для дополнительной характеристики украшений верхового коня мы рассматриваем также три находки с соседних усадеб У и Т из слоев второй половины X — первой половины XI в. (накладка, подвеска к ремням оголовья, пряжка) (рис. 43.27, 43.29, 43.31). Порядковые

номера в таблице 1 соответствуют номерам рисунков.

Поясная накладка каплевидной формы, полусферическая, геометрический орнамент, углубленный фон, крепление в виде двух штифтов (рис. 42.1). Уверенно установить аналогии на данном этапе исследования затруднительно.

Поясная накладка пятиугольной формы, полусферическая, геометрический орнамент, углубленный фон, крепление в виде одного центрального штифта (рис. 42.2). По типологии В. В. Мурашёвой относится к классу XVIII вид 1В. Аналогии прослеживаются в материалах Волжской Булгарии с территории Семёновского селища I (Казаков, 2001. С. 178), среди поясной гарнитуры Дубовского могильника и т. д. (Мурашёва, 2000. С. 42).

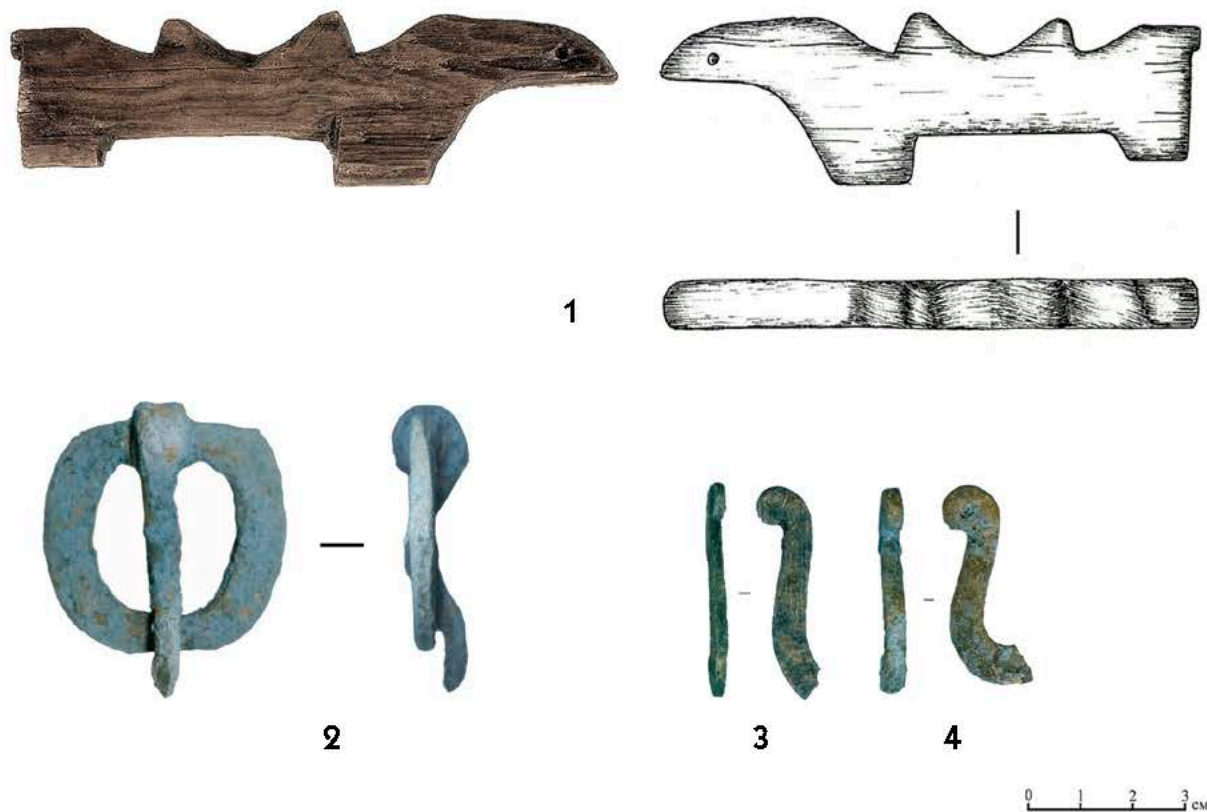

Рис. 41. Снаряжение верхового коня и всадника: 1 — игрушка (усадьба У); 2 — подпружная пряжка; 3, 4 — привески к шумящей плети.

Fig. 41. Horse and rider equipment: 1 — toy (homestead U); 2 — girth buckle; 3, 4 — metal appendages for a "noise making" whip.

Таблица № 1.

Ременные украшения коня и всадника середины X—30-х гг. XI в. по материалам усадьбы Ж

№	Предмет	Усадьба	Полевой номер	Квадрат	Пласт	Группа концентрации
1	Накладка	Ж	48	1814	14	II
2	Накладка	Ж	80	1806	16	II
3	Накладка	Ж	104	1807	16	II
4	Накладка	Ж	28	1845	16	I
5	Накладка	Ж	88	1863	15	III
6	Накладка	Ж	164	1822	16	IV
7	Накладка	Ж	48	1810	15	II
8	Накладка	Ж	47	1818	15	II
9	Накладка	Ж	28	1600	16	VI
10	Накладка	Ж	75	1601	18	VI
11	Накладка	Ж	136	1859	15	III
12	Накладка	Ж	11	1809	17	V
13	Накладка	Ж	18	1853	16	II
14	Накладка	Ж	16	1839	16	I
15	Накладка	Ж	73	1859	16	III
16	Наконечник ремня	Ж	108	1837	16	I
17	Накладка	Ж	63	1803	18	II
18	Накладка	Ж	127	1839	15	I
19	Накладка	Ж	64	1859	16	III
20	Накладка	Ж	98	1843	16	I
21	Накладка	Ж	43	1860	16	III
22	Накладка	Ж	144	1849	17	II
23	Накладка	Ж	136	1822	17	IV
24	Накладка	Ж	92	1833	17	I
25	Накладка	Ж	74	1844	17	I
26	Накладка	Ж	160	1846	17	II
27	Накладка	У	11	отвал	16	
28	Наконечник ремня	Ж	137	1829	15	I
29	Подвеска к ремням	У/С	73	1706	17	
30	Пряжка	Ж	21	1812	16	II
31	Пряжка	Т	47	1766	18	

Поясная накладка пятиугольной формы, геометрический орнамент, углубленный фон, крепление в виде двух штифтов (рис. 42.3). Аналогии обнаружены среди курганов Владимирской губернии, исследованных А. С. Уваровым и П. С. Савельвым (ГИМ оп. 2194 № 907). Вероятно, относится к классу XXIV вид 1Б по типологии В. В. Мурашёвой (Мурашёва, 2000. С. 44).

Поясная накладка каплевидной формы, геометрический прорезной орна-

мент, каплевидный выступ, крепления не прослеживаются (рис. 42.4). Аналогии обнаружены в слоях второй половины X в. в раскопе П-2/Мурашёва-2019 на территории пойменной части Центрального поселения Гнёздовского археологического комплекса и в поясной гарнитуре Дубовского могильника (Никитин, Никитина, 2004. С. 110). Поясная накладка каплевидной формы, геометрический прорезной орнамент, каплевидный выступ, крепление в виде двух штифтов

Рис. 42. Снаряжение верхового коня и всадника: 1–23 — накладки, цветной металл.
 Fig. 42. Horse and rider equipment: 1–23 — decorative plates, non-ferrous metal.

(рис. 42.5). Относится к классу XXVIII вид 1Б-1 по типологии В. В. Мурашёвой (Мурашёва, 2000. С. 45). К этому классу стоит, вероятно, отнести и поясную накладку в форме геральдического щитка с аналогичным прорезным геометрическим орнаментом и креплениями в виде трех штифтов (рис. 42.6).

Накладки прямоугольной формы (4 шт.) с выступом с одной стороны и выемкой с другой, геометрический орнамент с выступающим условным цветком, крепления в виде двух штифтов (рис. 42.7–42.9). Представлен также еще один вариант такого типа накладки — с геометрическим плоским орнаментом в виде ромба и креплением в виде четырех штифтов (рис. 42.10). По типологии В. В. Мурашевой они относятся к особому виду О21 (Мурашёва, 2000. С. 54). Идентичные накладки можно найти в раскопах Минино I и Владышево I (Археология севернорусской деревни, 2008. С. 88, рис. 76.11, 76.14), на территории поволжского могильника «Нижняя стрелка» ж. к. 10 (Комар, 2018. С. 408, 13), в материалах Волжской Булгарии с территории Семёновского селища I (Казиков, 2001. С. 178).

К сбруйным украшениям предположительно кочевнического облика относится круглая накладка полусферической формы, украшенная рифленным бордюром (рис. 42.11). По типологии уздечной гарнитуры кочевников X–XI вв. Л. М. Гаврилиной она относится к типу П.3.А (Гаврилина, 1987. С. 57). Вероятно, к аналогичным сбруйным украшениям стоит отнести и неорнаментированную накладку X-образной формы с каплевидным выступом сверху. Крепления не прослеживаются. Накладка относится к типу III.3 по типологии Л. М. Гаврилиной (Гаврилина, 1987. С. 60) (рис. 42.12). X-образные накладки обнаружены также в поясной гарнитуре курганов Владимирской губернии, раскопанных А. С. Уваро-

вым и П. С. Савельевым (Спицын, 1905. С. 13). По типологии В. В. Мурашёвой они относятся к классу I вид 13 (Мурашёва, 2000. С. 27).

Накладки пятиугольной формы с растительным и геометрическим орнаментом (3 шт.) относятся к наборным мужским поясам XI–XII вв., которые, вероятно, могут иметь древнерусское происхождение. Накладки выпуклые, фон углублен. Крепления в виде одного или двух штифтов (рис. 42.13–42.15). Аналогии таких накладок обнаружены на территории Древней Руси, Швеции и Финляндии (Михайлов, Соболев, 2000. С. 223–227). В Великом Новгороде аналогичная накладка, также относящаяся к типу «усатых» (рис. 42.13, 42.14), происходит из Неревского раскопа и относится к 70–80 гг. X в. По данным дендрохронологии на усадьбе Ж, все даты этих накладок укладываются во вторую половину X в.

Фрагмент наконечника ремня с геометрическим орнаментом в виде завитков, углубленный фон, сохранены все три штифта (рис. 42.16). Он также может быть отнесен к комплексу украшений древнерусских поясов. По типологии В. В. Мурашёвой относится к классу VII (Мурашёва, 2000. С. 61). Аналогии таким наконечникам ремней можно увидеть среди находок с острова Готланд (Thunmark-Nylen, 1998. Taf. 133.5), с территории Древней Руси, в Белоруссии (Лавишь, 2008. С. 238, № 3), в Суздальском Ополе (Зайцева, 2014. С. 366) и в составе наборного пояса из Поозерья (Соболев, Торопов, 2010. С. 352–353). По мнению В. Ю. Соболева и С. Е. Торопова, поясные наборы с подобными элементами появляются не ранее середины XI в. и связаны с представителями новгородской администрации (Соболев, Торопов, 2010. С. 352–353). Однако, по данным дендрохронологии на усадьбе Ж, находка наконечника ремня также связана со второй половиной X в.

С территории усадьбы Ж происходят две накладки, орнаментированные в классической северной стилистике. Поясная накладка сердцевидной формы имеет орнамент в виде ленточного плетения в скандинавском стиле Борре, фон углублен, крепления в виде трех штифтов (рис. 42.17). Орнамент повторяет элементы украшений скандинавских круглых фибул (например, из Ярославского Поволжья и Владимирских курганов (*Меч и златник*, 2012. С. 110, 285; 112, 295), а также орнамент накладок на пересечение оголовья верхового коня из погребения Ц-191/Авдусин-1975 в Гнёздове (*Новиков, Ениосова*, 2015. С. 119–229). Овальная ажурная накладка или обойма также украшена ленточным плетением в стиле Борре (по классификации В. В. Новикова класс FVI вид T1 подвид S3a и класс DI вид T5 подвид S1c) (рис. 43.26). Крепления в виде обоймы или штифтов не прослеживаются. Аналогии встречаются в погребении Оль-23/Абрамов-1905 в Гнёздове (*Спицын*, 1905. С. 204). Хотелось бы отметить также орнаментированную в стиле Борре пряжку, обнаруженную на территории соседней усадьбы Т из пластов второй половины X в. (рис. 43.31). Аналогии таким пряжкам можно увидеть, в частности, в числе находок из раскопок в пойменной части Центрального поселения в Гнёздове: аналогичная пряжка была обнаружена в горизонте 2 кузнечно-ювелирного комплекса около 960 — начала XI в. (*Мурашёва, Ениосова, Фетисов*, 2007. С. 52). К скандинавской группе можно отнести и крупную орнаментированную пряжку с фигурным оформлением рамки со щитком-креплением. Ремень закреплялся между двух пластин и фиксировался семью гвоздиками. Ширина ремня для такой пряжки составляла около 2,2 см (рис. 43.28). Наиболее близкими аналогиями к этой группе являются пряжки с острова Готланд (*Thunmark-Nylen*, 1998. Taf. 124, 126).

Накладка сердцевидной формы, полусферическая, украшена рифленным бордюром по краю, орнамент отсутствует, крепление в виде одного штифта (рис. 42.18). Имеет очень широкие аналогии в поясной и уздечной гарнитуре на всей территории Древней Руси и в соседних регионах. Однозначно установить идентичные на данном этапе исследования затруднительно.

Накладка сердцевидной формы, орнамент отсутствует, фигурный край, крепления в виде трех штифтов (рис. 42.19). Установить аналогии на данном этапе исследования затруднительно.

Вероятно, к венгерскому кругу древностей или его подражанию относится круглая сбруйная накладка с большим кругом «вдавления» в центре, орнамент отсутствует, края накладки опущены вниз, крепления не прослеживаются (рис. 42.20). По классификации В. В. Новикова относится к классу DI виду T10 подвиду S1e (*Новиков*, 2009. С. 163), по классификации В. В. Мурашёвой — к классу III вид 1A (*Мурашёва*, 2000. С. 29). Накладка могла служить простым украшением или крепиться на пересечение ремней оголовья. Поясные и уздечные круглые накладки с центральным вдавлением обнаружены на памятниках Нижнего и Среднего Подунавья X–XI вв. Эта накладка близка по внешнему облику к накладкам с уздечных наборов Ц-191/Авд-1976 и Оль-30/Авд-1988 из раскопок в Гнёздове. Оба гнёздовских погребения относятся ко второй половине X в. Похожие накладки также встречаются в составе поясной гарнитуры курганов Владимирской губернии, раскопанных А. С. Уваровым и П. С. Савельевым (*Спицын*, 1905. С. 132. Рис. 58). К венгерскому кругу древностей также можно отнести и неорнаментированную сердцевидную наладку с остроконечной фигурой вдавления в центре. Крепления не прослеживаются (рис. 42.21). По классификации

В. В. Мурашёвой накладка относится к классу III вид 1Г-1 (*Мурашёва, 2000. С. 29*). Аналогии можно увидеть, в частности, среди материалов Владимирских курганов (*Спицын, 1905. С. 132, рис. 53*). В этой группе можно, вероятно, рассмотреть и сердцевидную поясную накладку с рифленным ободком, растительным углубленным орнаментом и креплением в виде трех штифтов (**рис. 42.22**). По классификации В. В. Мурашёвой накладка относится к классу IX вид 1Б, аналогии ей можно встретить на территории Венгрии и Прикамья (*Мурашёва, 2000. С. 35*).

Поясная накладка сердцевидной формы с каплевидным выступом, растительный орнамент, крепления не прослеживаются (**рис. 42.23**). По классификации В. В. Мурашёвой накладка относится к особому виду Об-2. Аналогии прослеживаются на широкой территории (*Мурашёва, 2000. С. 52*).

Накладка пятиугольной формы, растительный орнамент, углубленный фон. Крепление в виде трех штифтов, один из которых был утерян, на его месте сделано отверстие для дополнительного крепления (**рис. 43.24**). По классификации В. В. Мурашёвой накладка, скорее всего, относится к классу XXVI (*Мурашёва, 2000. С. 44*). Она имеет близкие аналогии среди находок на территории городища Коростень (*Комар, 2018. С. 393, № 7–9*) и во Владимирских курганах из раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева (*Спицын, 1905. С. 132, рис. 54*).

Фрагмент трех- или четырехлопастной накладки на пересечение ремней оголовья верхового коня представлен обломком одной из лопастей с треугольным завершением, орнамент геометрический, фон углублен, крепление в виде штифта (**рис. 43.25**). По классификации В. В. Новикова предположительно относится к классу FIVA вид T2 подвид S3a (*Новиков, 2009. С. 48*). Уверенно установить анало-

гии этой накладки на данном этапе исследования не удалось.

Наконечник ремня, в верхней части вырез, овальное завершение окончания, растительный орнамент, фон углублен, крепление представлено тремя штифтами (**рис. 43.28**). Относится к классу XIII группа 1 по типологии В. В. Мурашёвой (*Мурашёва, 2000. С. 65*). Идентичный наконечник происходит из раскопок Е. Р. Романовой на памятнике Вядец в Белоруссии и датируется второй половиной X в. (*Лавиш, 2008. С. 125, № 230*).

Овальная накладка с геометрическим орнаментом в виде петель, инкрустированная серебром, крепления в виде трех штифтов с шайбами. Накладка относится к типологии В. В. Мурашёвой к классу XXXIII 1Д (*Мурашёва, 2000. С. 48*) и классу DI вид T6 подвид S2a по типологии В. В. Новикова (*Новиков, 2009. С. 161*) (**рис. 43.27**). Эта накладка связана со среднеднепровским («Черниговским») центром производства, который выделил Р. С. Орлов (*Орлов, 1984. С. 32–50*). Накладки этой группы принято связывать прежде всего с украшениями верхового коня. Они входят в состав сбруйных наборов из кургана 16 из урочища Березки (*Блифельд, 1977. Таб. IV*), кургана 2 в Табаевке (*Андрощук, 1999. Рис. 42*), кургана 18 в Шестовице (*Блифельд, 1977. С. 192*). Украшения этой группы в пойменной части гнездовского Центрального поселения выпадают в слоях около 950-х гг. (*Мурашёва, Енисосова, Фетисов, 2007. С. 65*). Стоит упомянуть очень интересный фрагмент лицевой пластины подвески-бубенчика к ремням оголовья или нагрудному ремню верхового коня из слоев первой половины XI в. с соседней усадьбы (неясно, У или С), которые примыкают к усадьбе Ж (**рис. 43.30**). Подвеска имела каплевидную форму, в центральной части находилась полость для металлических шариков, украшена растительным орна-

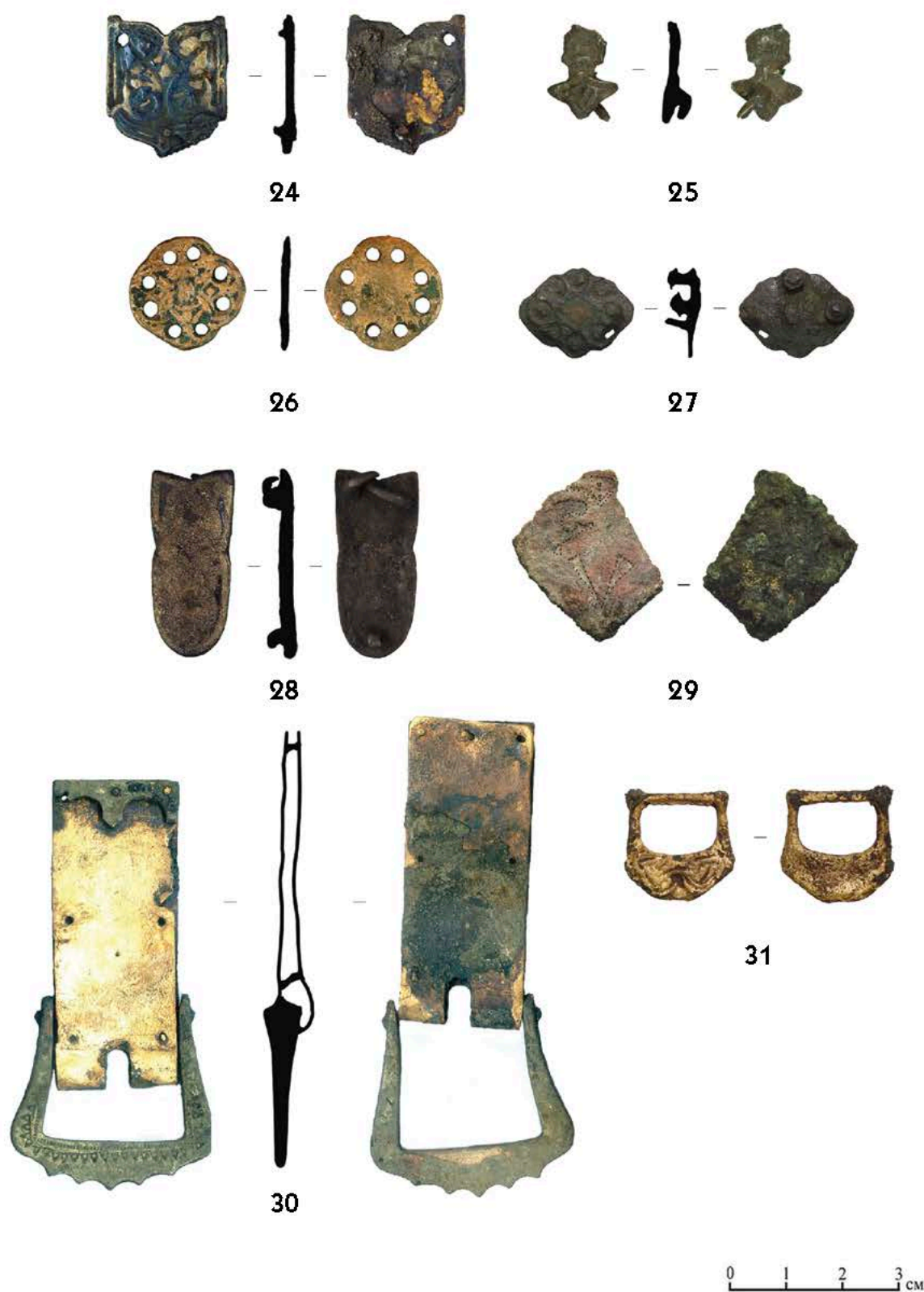

Рис. 43. Снаряжение верхнего коня и всадника: 24 — накладка, цветной металл; 25 — накладка на пересечение ремней оголовья, цветной металл; 26 — накладка; 27 — накладка (усадыба У); 28 — наконечник ремня, цветной металл; 29 — подвеска к ремням оголовья (усадыба У/С); 30 — пряжка, цветной металл; 31 — пряжка, цветной металл (усадыба Т).

Fig. 43. Horse and rider equipment: 24 — decorative plate, non-ferrous metal; 25 — decorative plate to be attached to bridle at an intersection of two of the leather bands, non-ferrous metal; 26 — decorative plate; 27 — decorative plate (homestead U); 28 — belt strap end, non-ferrous metal; 29 — pendant for horse bridle (homestead U/S); 30 — buckle, non-ferrous metal; 31 — buckle, non-ferrous metal (homestead T).

ментом, близким к венгерским (*Комар, 2018. С. 420*) или скорее к образцам школы А среднеднепровской традиции. Подвеска относится к классу DIIIА вид Т2 подвид S3d по типологии В. В. Новикова (*Новиков, 2009. С. 71*). Ближайшими аналогиями к ней являются сбруйные украшения из Чернигова (урочище Березки, курган 16) (*Орлов, 1984. С. 32–38*).

Находки ременной гарнитуры на территории усадьбы Ж можно условно разбить на шесть групп — по их концентрации в раскопе. Первая группа располагалась вблизи сруба № 20 (№№ 4, 14, 16, 18, 20, 24, 25, 28), вторая группа — в центральной части двора усадьбы (№№ 1, 2, 3, 7, 8, 13, 17, 22, 26, 30), третья группа — в южной части двора (№№ 5, 11, 15, 19, 21), четвертая группа — в северо-западном углу (№№ 6, 23), пятая группа находилась вблизи сруба № 21 (№ 12) и шестая — в восточной части двора усадьбы около сруба № 83 (№№ 9, 10) (**рис. 38**). К сожалению, анализ распределения находок не позволят сделать уверенные выводы о времени выпадения элементов поясной гарнитуры или о внутреннем стилистическом распределении украшений. По-видимому, формирование и выпадение всей группы произошло в относительно короткий период. Часть предметов (6 шт.) не имеет штифтов — возможно, это модели для отливки накладок (**рис. 42.1, 42.11, 42.20, 42.21, 42.23; рис. 43.26**); в этом случае, вероятно, мы имеем дело с процессом производства этих предметов. Интересно, что большая часть таких накладок-моделей была обнаружена во дворе усадьбы между срубами 20 и 21. Остальные имеют следы использования в виде загнутых штифтов.

Исследованная коллекция ременной гарнитуры с усадьбы Ж включает в

себя украшения мужского пояса и украшения верхового коня. Металлические элементы, однозначно относящиеся к поясной гарнитуре, представлены накладками, наконечником ремня и пряжкой (**рис. 42.1–42.10, 42.13–42.16, 42.18, 42.19, 42.22, 42.23; рис. 43.24, 43.28, 43.30**). Украшения оголовья верхового коня с усадьбы Ж и соседних усадеб Т, У, С включают накладки, накладки на пересечение ремней и подвески-бубенцы к ремням оголовья (**рис. 42.11, 42.12, 42.17, 42.20, 42.21; рис. 43.25, 43.26, 43.27, 43.29, 43.31**). Некоторые накладки были универсальными и использовались в качестве уздечных и поясных украшений, поэтому установить их принадлежность затруднительно. Предметы этой группы соответствуют распространившейся во второй половине X — начале XI в. моде на среднеднепровскую ремennую гарнитуру, кочевнические (южнорусские) и, вероятно, венгерские украшения, а также украшения, орнаментированные в скандинавской традиции.

По всей видимости, высокий социальный статус жителей усадьбы Ж второй половины X — первой половины XI в. позволял им содержать собственных верховых коней. Безусловно, можно предполагать, что часть украшений использовалась вторично, а модели для производства накладок попали на территорию усадьбы извне, однако присутствие в культурном слое усадьбы луки седла, удил и элементов шумящей плети свидетельствует скорее о местном использовании этого комплекса. И ремennые украшения, и элементы убранства верхового коня в целом аналогичны материалам дружинных памятников второй половины X–XI вв. на территории Руси — в частности, Гнёздовского археологического комплекса.

“Horse Tack and Rider Equipment from the 10th – First Half of the 11th Centuries (Homestead ‘Zh’, Troitsky XIII Excavation Site)” by V. V. Novikov

This article describes a set of finds discovered during excavations of homestead “Zh” and some individual finds from homesteads U, S and T in Novgorod the Great, all of which are elements of horse tack or rider equipment. The finds discussed include: a bridle-bit, the pommel of a saddle, a girth buckle, metal appendages for a “noise-making” whip (2 objects), decorative plates (25 objects), belt strap ends (2 objects), and a buckle. All of these items can be dated to the mid-10th – first half of 11th centuries.

The decorative plates differ in shape, size and ornamentation, and various analogies to individual plates have been found throughout the territory once covered by Ancient Russia, and indicating influence from Scandinavia, Hungary and the nomadic tribes to the south. Most of these plates were discovered in the yard between buildings 20 and 21 on homestead “Zh”. They can be tentatively separated into two groups: belt-mounts decorating a man’s belt, and decorative plates for a bridle. Although some of them were located quite close to each other within the cultural layer and were concentrated in several small groups, an analysis of the distribution of the plates did not yield any conclusive results about the succession in which the finds entered the cultural layer, nor about the combination in which the various plates were distributed along the bridle and belt. However, it is most likely that they were all deposited in the cultural layer within a narrow time frame, because this style of plates existed only from the mid-10th century to the beginning of the 11th centuries. Six of the plates have no pins with which they could have been attached to straps, thus they might have been used as molds for casting. This indicates the presence of a production center, and hints at the possibility of a workshop being located nearby. Overall, the belt-mounts are quite representative of and similar to other artefacts of the Ancient Russian military culture of the second half of the 10th – 11th centuries, including the Gnezdovo archaeological complex.

It is clear that the people who lived on homestead “Zh” during the second half of the 10th and the first half of the 11th centuries were of a high socioeconomic status: after all, they could afford horses. Of course, it is possible that some of the plaques had been brought to the homestead, but the discovery of a bridle-bit and the pommel of a saddle within the cultural layer points to a local use of these items by the inhabitants of this specific homestead. The wooden saddle pommel found on homestead “Zh” is shorter than its counterparts from the later Middle Ages, when cavalry armies became widespread and the pommel became taller in order to protect the front of the rider sitting in the saddle.

С. Ю. Каинов, В. К. Сингх

ДЕРЕВЯННЫЙ ЧЕХОЛ ДЛЯ ТОПОРА С ТРОИЦКОГО РАСКОПА

В ходе исследований ранних слоев на территории усадьбы Ж была сделана находка¹, представляющая большой интерес ввиду малого числа аналогий.

Предмет был найден на уровне сооружений яруса 19 (1030–1040-е гг.), к востоку от дворовой вымостки шириной 2,5 м из плах, уложенных на три продольные

лаги. К северу от нее зафиксирован хаотичный наброс фрагментов дерева (доски, подкладки, горбыли, обрубки бревен, сваи частокола), хотя прослеживается общая ориентировка деталей с севера на юг. По всей видимости, это остатки разобранного сруба или какой-то другой постройки.

Предмет представляет собой деревянную пластину ладьевидной формы с подтреугольным выступом в центральной части одной из длинных сторон (рис. 44). Длина предмета — 13,2 см, высота — 3,9 см, толщина — 1,1 см. По внутренней торцевой стороне сделан паз длиной 10 см, шириной 5 мм и глубиной до 3,4 см. Его наличие позволяет предполагать, что данный деревянный футляр надевали на плоский и широкий предмет. На одной стороне пластины (по всей видимости, лицевой) вырезаны три параллельные линии, повторяющие ладьевидную форму предмета. В подтреугольных выступах проделано отверстие диаметром около 3,5 мм. Нижняя часть предмета с одной стороны повреждена, что, по всей видимости, послужило причиной прекращения его использования. По заключению сотрудницы лаборатории по консервации и реставрации археологического дерева Новгород-

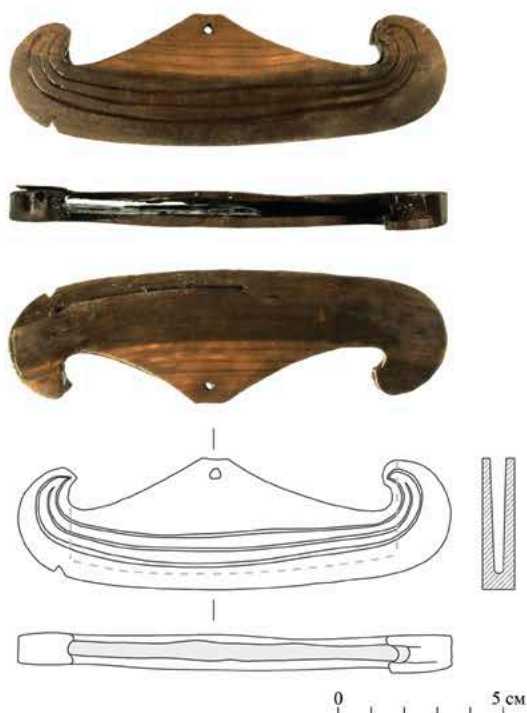

Рис. 44. Деревянный чехол на лезвие топора.
Fig. 44. Wooden axe sheath.

¹ Паспортные данные находки: раскоп Троицкий XIII, участок Г-1, пласт 14, квадрат 1834, пол. № 188, ярус 19.

ского музея-заповедника Л. В. Кокуца, предмет изготовлен из можжевельника.

Отсутствие аналогий в древнерусском материале первоначально затруднило атрибуцию предмета. Схожие с новгородским предметы обнаружены в публикации деревянных изделий, найденных при раскопках гавани Хедебю — датского торгового центра «эпохи викингов». Была опубликована информация о 13 предметах, определенных как чехлы для лезвия топора (*Westphal, 2007. P. 55*). Среди них были выделены две формы (два типа).

Тип 1 — предметы, немного изогнутые по форме, с прямыми или закругленными окончаниями и пазом, предназначенным для помещения в него лезвия топора. Подобных чехлов найдено 10 экземпляров (*Westphal, 2007. Taf. 30:1–6*) (рис. 45.1–6). Длина чехлов колеблется от 126 до 145 мм, высота — 12–21 мм, длина паза — 85–115 мм, ширина — 4–6 мм. У двух чехлов с обоих концов располагалось по отверстию, еще у одного — четыре выступа (по два с каждой стороны) с отверстием для продевания шнура, крепившего чехол на топоре (рис. 45.7²) (*Westphal, 2007. Taf. 30:1–6*).

Тип 2 — предметы трапециевидной формы и с трапециевидной выборкой с одной стороны, предполагающей, что предмет накладывался на лезвие топора. Подобных чехлов найдено 3 экземпляра (*Westphal, 2007. Taf. 31:1–3*) (рис. 45.8–45.10). Их длина — 134–147 мм, высота — 40–73 мм, ширина выреза под лезвие — 95–120 мм. У одной накладки с торцевой стороны было проделано два отверстия, помимо этого, на внешней стороне накладка имела два выступа под шнур для ее крепления на топоре. У другого чехла на торцевой стороне было размещено одно отверстие, также служившее для крепления накладки при помощи шнура (рис. 45.11³).

Рис. 45. 1–6: деревянные чехлы (тип 1) на лезвие топора (Хедебю, Дания); 7 — вариант реконструкции крепления чехла на лезвие топора (автор реконструкции — Jan Zbránek (Чехия)); 8–10: деревянные чехлы (тип 2) на лезвие топора (Хедебю, Дания); 11 — вариант реконструкции крепления чехла на лезвие топора (автор реконструкции — Jan Zbránek (Чехия)).

Fig. 45. 1–6: wooden sheaths (type 1) for axe blades (Hedeby, Denmark); 7 — possible reconstruction of how an axe sheath fit onto an axe blade (created by Jan Zbránek (Czech Republic)); 8–10: wooden sheaths (type 2) for axe blades (Hedeby, Denmark); 11 — possible reconstruction of how an axe sheath fit onto an axe blade (created by Jan Zbránek (Czech Republic)).

² Использована фотография сайта «Proekt Forlog». URL: <http://sagy.vikingove.cz/pouzdra-na-sekery/>

³ Использована фотография сайта «Proekt Forlog». URL: <http://sagy.vikingove.cz/pouzdra-na-sekery/>

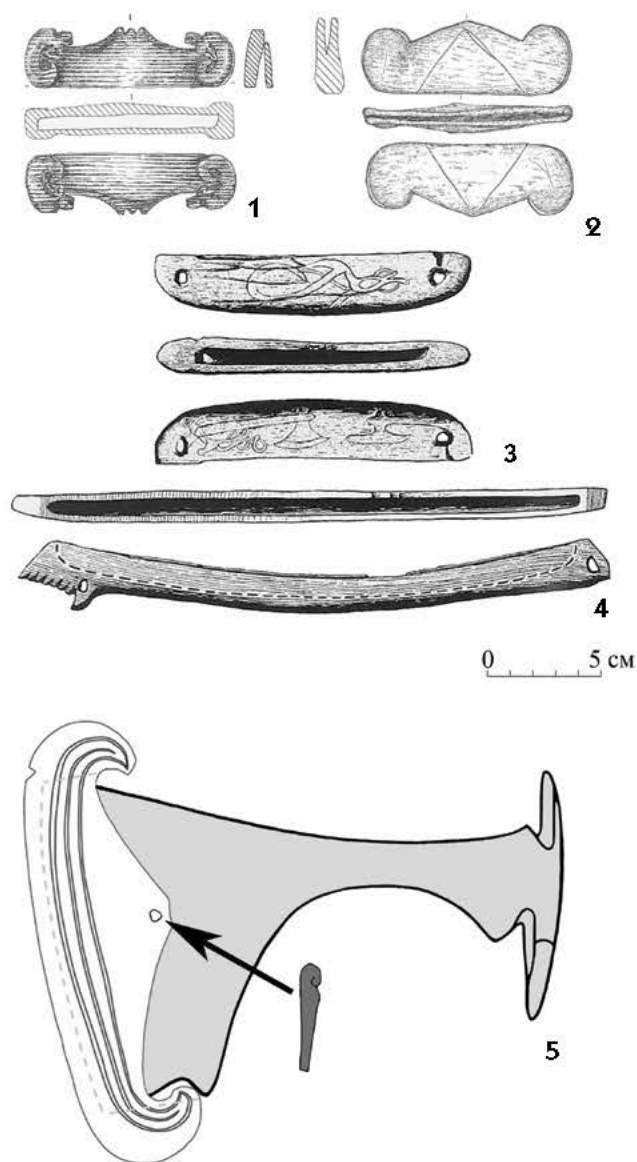

Рис. 46. Деревянные чехлы на лезвие топора. 1–2 – Дублин (Ирландия); 3–4 – Шлезвиг (Германия). 5 – Вариант реконструкции крепления новгородского чехла на лезвие топора типа IV.

Fig. 46. Wooden axe sheaths. 1–2 – Dublin (Ireland); 3–4 – Schleswig (Germany). 5 – possible reconstruction of how the Novgorod axe sheath fit onto the blade of a Type 4 axe.

Четыре футляра из тринадцати были изготовлены из ивы, остальные – из тиса, дуба, ели, бука и ясеня (Westphal, 2007. P. 55). Среди найденных в Хедебю 4485 предметов с определенной породой дерева значительно преобладали изготовленные из дуба (29%), много изделий

из орешника (15%), клена (12%) и ясеня (11%). В меньших количествах использовалась древесина тиса (6%), ольхи (5%), бука (4%), сосны (4%), пихты (4%), ели (2%), ивы (2%), березы (1%) (Westphal, 2007. С. 14).

К сожалению, информация о хронологической локализации находок футляров из Хедебю в публикациях отсутствует. Временной диапазон существования гавани Хедебю по данным дендрохронологии определяется в рамках IX–XI вв. (Kalmring, 2010).

Ф. Вестфал, определивший находки из Хедебю как чехлы для топора, отмечал, что подобные предметы крайне редки (Westphal, 2007. P. 55). Помимо Хедебю два чехла типа 1 найдены в Дублине в слое, датирующемся концом X – началом XI в. (рис 46. 1-2) (Lang, 1988. P. 43. Fig. 3,81). Один футляр (длина – 9,2 см, высота – 2,7 см, толщина – 1,2 см, длина паза – 7,9 см, ширина паза – 7 мм) изготовлен из сосны, второй (длина – 9 см, высота – 2,8 см, толщина – 1,2 см, длина паза – 8,7 см) – из ольхи.

Один чехол типа 1 найден в Шлезвиге в слое, датирующемся концом XI – началом XII в. (рис. 46.3). Длина этого предмета, изготовленного из ели, – 14 см, высота – 2,6 см, толщина – 1,5 см, длина паза – 10 см, ширина паза – 7 мм (Saggau, 2006. P. 262. Abb. 44, 13). На одной стороне чехла нанесено изображение животного, выполненное в скандинавском орнаментальном стиле Урнес, на другой – двух широколезвийных топоров. В Шлезвиге был найден еще один футляр (рис. 46.4). Изготовлен он из можжевельника. Поскольку этот футляр имел необычную длину – 27,1 см (длина паза – 23,5 см), было сделано предположение, что предназначался он для специализированного ножа (Saggau, 2006. P. 262. Abb. 44, 14; 264). С нашей точки зрения, более правильно предположение, что это футляр для широколезвийной секиры, широко

распространенной на территории Северной Европы в XI в. (*Петерсен, 2005. С. 78–79*)⁴.

Таким образом, всего известно 17 футляров для топоров, найденных на территории Северной Европы или на памятниках, в определенный период испытывавших непосредственное влияние скандинавов. Это обстоятельство позволяет считать деревянные чехлы для топоров явлением, характерным для скандинавской материальной культуры конца X–XI вв.

Форма новгородского футляра и наличие паза на его торцевой стороне позволяют отнести его к типу 1. Но новгородская находка отличается от североевропейских тем, что отверстия для крепления чехла размещены на подтреугольных выступах. Все аналогии футляру имеют иное расположение крепежных отверстий, а чаще всего вообще лишены каких-либо приспособлений для шнура, фиксирующего чехол на топоре.

Однако расположение отверстия в месте чехла, плотно прилегающем к лезвию топора, сильно затрудняет продевание в него каких-либо завязок. Наиболее вероятно, что в отверстия насквозь вставлялся небольшой штырек. При таком способе крепления чехла аналогичное отверстие должно располагаться и на лезвии топора. В древнерусском материале представлены топоры с отверстием на лезвии. Особенно часто подобные отверстия встречаются у распространенных в X–XI вв. топоров I, II, III и IV типов (по типологии А. Н. Кирпичникова) (*Кирпичников, 1966. Каталог №№ 12–14, 16, 29, 34, 41–43, 49, 55, 66, 68, 100–101, 124 и др.*). Стоит подчеркнуть, что отверстия на лезвиях североевропейских топоров встречаются крайне редко

(*Кирпичников, 1966. Табл. XIII, 5–8*). Длина паза в новгородском чехле составляет 10 см, что предполагает помещение в него довольно широкого лезвия. Сочетание широкого лезвия и отверстия в нем наиболее характерно для топоров типа IV.

Интересно также отметить небольшую асимметрию новгородского футляра. Расстояние от центра крепежного отверстия до одного края паза — 4,5 см, до другого — 5,5 см. Эта асимметрия может объясняться тем, что в большинстве случаев отверстие в лезвии топоров типа IV расположено не по центру, а со смещением к верхней грани топора (*Кирпичников, 1966. Табл. XIII, 5–8*).

Таким образом, морфологические особенности новгородского футляра делают наиболее вероятным предположение о его использовании с топором типа IV. Этот тип топоров на территории Древней Руси имел самое широкое распространение во второй половине X–XI вв., что не противоречит хронологическому контексту новгородской находки.

Совершенно очевидно, что каждый футляр изготавливался под конкретный топор. Если учесть, что рассматриваемый чехол, вероятнее всего, использовался с топором типа IV, напрашивается предположение о его местном производстве — например, в Новгороде. К тому же новгородский футляр изготовлен из можжевельника, древесина которого использовалась в качестве поделочного материала в Великом Новгороде, в том числе и в X–XI вв. (*Соловьева, 2010. С. 198–201*). Стоит отметить, что из можжевельника не сделан ни один из известных североевропейских чехлов (за возможным исключением предполагаемого чехла для широколезвийной секиры из Шлезвига);

⁴ Примеры секир с лезвием более 20 см — *Макаров Н. А. Древнерусские амулеты-топорики // Российская археология. 1992. № 2. С. 46. Рис. 4. 1, 2. Обсуждая применение чехлов на широколезвийных секирах, отметим, что так называемые шпорцы на миниатюрных литых амулетах-топориках типа 2 (по Н. А. Макарову), возможно, изображают боковые элементы чехла (*Макаров, 1992. С. 44–46. Рис. 3*).*

более того, можжевельник, если судить по опубликованным материалам, вообще не использовался в качестве поделочной древесины в Хедебю, где найдено наибольшее количество чехлов для топоров⁵.

Наличие североевропейских аналогов, а также относительно большое количество скандинавских предметов в ранних слоях территории усадьбы Ж позволяют предполагать, что и деревянный футляр для лезвия топора связан со скандинавским присутствием. Но, в отличие от большинства скандинавских вещей, найденных в Новгороде, он не был импортом, а изготавливался на месте для топора древнерусского типа из «нетипичного» для североевропейских аналогов материала — можжевельника. В конструкцию чехла внесено изменение — в верхней части центральных выступов были проделаны крепежные отверстия. Их расположение и характерные для некоторых древнерусских топоров отверстия в лезвии позволяют предполагать крепление футляра не с помощью системы кожаных ремней, а при помощи штырька, вставлявшегося в отверстия в чехле и лезвии топора⁶ (рис. 46.5).

Единичность новгородской находки свидетельствует о том, что деревянные

чехлы не нашли распространения в древнерусской материальной культуре⁷. Не исключено, что в X–XI вв. вместе с деревянными употреблялись чехлы, изготовленные из кожи, известные по более поздним материалам (Изюмова, 1959. С. 217. Рис. 1, 1; Гайдуков, 1992. С. 179. Рис. 88; Двуреченский, 2015. С. 152. Рис. 81, 1), но до сих пор не выявленные среди археологического материала X–XI вв.⁸ Учитывая распространенность отверстий на лезвиях древнерусских топоров, мы можем предположить, что часть подобных чехлов также крепилась с использованием этого отверстия.

Деревянные футляры, крепящиеся на лезвие, предохраняли человека от ранения при ношении топора за поясом или подвешенным к поясу. В более позднее время функциональная нагрузка чехлов расширилась. Кожаные чехлы, полностью закрывавшие металлический насад топора, не только защищали владельца, но и предохраняли сам топор от воздействия окружающей среды. А имеющиеся на большинстве кожаных чехлов прорези и петли обеспечивали подвес чехла к поясному или плечевому ремню.

⁵ Опубликованные данные демонстрируют, что и в Дублине можжевельник не использовался в качестве поделочной древесины (была определена порода дерева 64 из 150 декорированных изделий, датированных «эпохой викингов»). (Lang, 1992 P. 100). В Шлезвиге из 1927 предметов, для которых был сделан анализ древесины, только 6 изготовлены из можжевельника (Saggau, 2006. P. 203. Tab. 1).

⁶ Обзор других гипотез о предназначении отверстий в лезвиях топоров см. (Kotowicz, 2008. P. 454–459).

⁷ Нельзя, конечно, исключать, что фрагментированные чехлы не получили правильную атрибуцию в коллекциях деревянных изделий, происходящих из раскопок древнерусских памятников, но вряд ли они представляют значительное количество. Еще один чехол (но изготовленный из кости) был выявлен в материалах, полученных в 1952 г. при работах на Неревском раскопе (Каинов, 2018. С. 87–90).

⁸ Возможно, повторяя некоторые формы деревянных чехлов, кожаные чехлы представляли собой простые полоски кожи, согнутые по длинной оси.

**“Wooden axe sheath from the Troitsky Excavation site
(Homestead ‘Zh’, Troitsky XIII Excavation Site)” by S. Yu. Kainov, V. K. Singh**

This article is dedicated to the description and analysis of an object unearthed on homestead “Zh” in the cultural layer dating to the 1030s–1040s. The object is a boat-shaped slab of juniper wood: 13.2 cm long, 3.9 cm tall and 1.1 cm wide, with a groove in one of its 1.1 cm-wide sides. The lack of analogies among Ancient Russian arte-facts made the identification of this object difficult at first. But, the problem was resolved when an article was published about a set of 13 items that had been discovered during excavations at Hedeby, Denmark, and identified as axe sheaths (Westphal, 2007). According to Westphal’s classification system, the object from homestead “Zh” is a Type 1 axe sheath (the bent shape and groove differentiate it from the more trapezoid-shaped Type 2 axe sheaths). However, the Novgorod axe sheath differs from its North-European counterparts in the location of the hole through which a piece of string is inserted to attach the sheath to the axe blade. This hole is located right in the middle of the Novgorod sheath, so that it is firmly pressed to the blade and no string can be pushed through. Therefore, it is probable that this hole was for a small nail or pin, which was pushed into a corresponding hole in the blade of the axe. Such holes are often found in the blades of axes that were widespread in the 10th – 11th centuries and can be categorized as Type 1, 2, 3 and 4 axes, according to Kirpichnikov’s classification system. It appears that the axe for which this sheath was made was a Type 4 axe with a slightly assymetrical blade. Lastly, the sheath is unusual because it is made to juniper, unlike all of the other axe sheaths ever found. Thus, it appears that the axe sheath is a common Scandinavian object that was made locally in Novgorod for an Ancient Russian axe.

С. Ю. Каинов

НАКОНЕЧНИК НОЖЕН МЕЧА ИЗ РАСКОПОК УСАДЬБЫ Ж ТРОИЦКОГО РАСКОПА

Наконечники ножен мечей X века — редкая находка на территории поселений, и наличие датированного контекста у большинства вещей, найденных при раскопках Великого Новгорода, делает каждую новгородскую бутероль информативной для уточнения хронологии различных типов

наконечников «эпохи викингов». Три так называемых ажурных наконечника ножен X–XI вв., происходящих с Троицкого раскопа, были опубликованы ранее (Каинов, Авдеенко, 2012). Настоящая заметка посвящена еще одной находке.

В 2014 г. при работах на Троицком XIII раскопе на территории усадьбы Ж были обнаружены два фрагмента ажурного изделия (рис. 47.1, 47.2). Первый фрагмент происходил из 18 пласта в кв. 1862, второй — из предматерикового слоя в кв. 1839. Предварительная датировка предматерикового слоя и пласта 18 — вторая четверть X в.

Первоначально обе находки были определены как обломки ажурной накладки от овальной фибулы. Дальнейшая работа с предметами позволила атрибутировать их как фрагменты ажурного наконечника ножен, на внешней поверхности которого угадывалось свернувшееся животное, характерное для скандинавского орнаментального искусства (рис. 47.3). Один край фрагмента, представляющий собой часть рамки наконечника, орнаментирован чередующимися широкими и узкими валиками (рис. 47.2).

Среди опубликованных бутеролей удалось найти три экземпляра, орнаментация которых в деталях по-

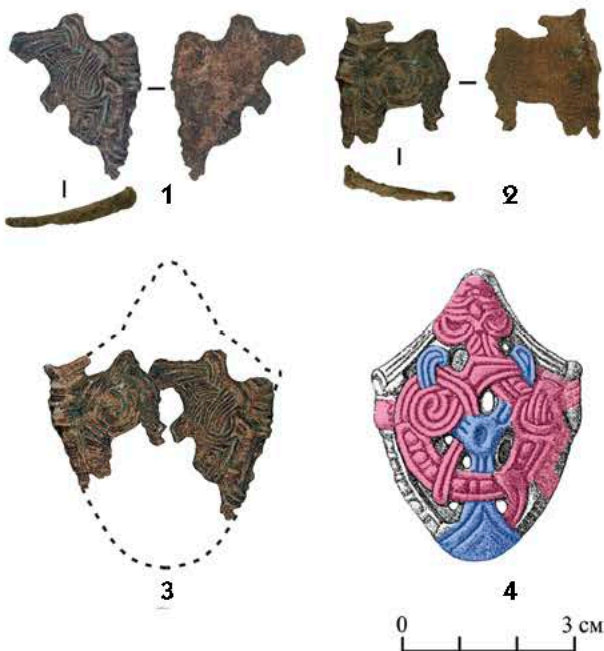

Рис. 47. Фрагменты наконечника (1, 2) (усадьба Ж, Троицкий раскоп, Великий Новгород); 3 — реконструкция расположения фрагментов; 4 — орнаментальный мотив.

Fig. 47. Fragments of a sword scabbard chape (1, 2) (homestead "Zh", Troitsky excavation site, Novgorod the Great); 3 — a reconstruction of the position of the fragments; 4 — decorative motif.

вторяет сохранившийся декор новгородского наконечника — находки с острова Готланд, Рюрикова городища и из Углича (рис. 48.1–48.3) (Paulsen, 1953. P. 53. Abb. 58; Михайлов, Носов, 2002. С. 137. Рис. 1,3; Томсинский, 1999. С. 171. Рис. 2,3). Все внутреннее пространство рамки наконечника занимает выполненный в канонах скандинавского орнаментального стиля Борре свернувшийся зверь с несколькими¹ лапами и длинным хвостом. Голова животного является верхним окончанием рамки наконечника. Тело зверя и его хвост обвивают Y-образную фигуру, возможно, символизирующую дерево, вертикальная ножка которой расширяется книзу, а верхние «ветви» заканчиваются завитками (рис. 48.4).

В типологии наконечников ножен, предложенной П. Паульсеном в 1953 г., наконечник с острова Готланд, несмотря на характерные особенности, не был выделен в отдельную таксономическую единицу, а рассматривался вместе с наконечниками с «мотивом четвероногого животного и пальметтой», входящими в группу наконечников с «германским мотивом четвероногого животного» (тип II.4) (Paulsen, 1953. P. 54). В типологии Н. В. Ениосовой и В. Казакиявичуса, ввиду отсутствия на момент написания статей известных восточноевропейских находок, подобные наконечники не были учтены (Ениосова, 1994; Kazakevičius, 1998). Ф. Андросук объединил готландскую находку, наконечники из Углича и с Рюрикова городища вместе с наконечниками с «мотивом четвероногого животного и пальметтой» в тип 4² (Андросук, 2013. С. 108).

С нашей точки зрения, данные наконечники следует выделить в самостоятельный тип, входящий в группу наконечников с «мотивом четвероногого животного». Для удобства обозначим его как тип наконечников с «мотивом четвероногого животного и Y-образной фигурой».

К настоящему времени собрана информация о находках не менее чем 13 таких наконечников, включая новгородский (Россия — 6, Украина — 5, Белоруссия — 1, Швеция — 1)³ (рис. 48). К сожалению, подавляющее большинство (9 экз.) найдено в ходе несанкционированных раскопок, что лишило их археологического контекста и значительно снизило информационный потенциал. Тем не менее, учет подобных находок дает представление о количестве и распространении наконечников и позволяет детальнее представить эволюцию их орнаментации и формы.

Характер особенностей декора позволяет выделить четыре варианта, отличающиеся качеством проработки и, по всей видимости, степенью понимания орнамента мастером, изготавливавшим наконечники.

К первому варианту относятся качественно проработанные наконечники с высоким рельефом. Отличительной чертой является крупная голова животного с тупоносой мордой (рис. 48.1, 48.2). В месте схождения ветвей и ствола Y-образной фигуры расположено округлое углубление. Тело животного орнаментировано рубчиками и чередующимися выпуклыми кругами и узкими валиками. По центру длинной шеи животного проходит ребро,

¹ Количество лап, ввиду плохой сохранности и в ряде случаев некачественной проработки орнамента, установить сложно. На одной стороне рамки некоторых наконечников четко читаются две лапы и, возможно, третья, еще одна расположена на противоположной стороне.

² В тип 5 Ф. Андросук выделил два наконечника, один из которых найден в Рыбичижне (Польша), второй — в могильнике Кауп (Россия). При этом совершенно аналогичный наконечник из Франополя включён в тип 4 (Андросук, 2013. С. 254). Тип 5 проиллюстрирован наконечником из Швеции (Fors), включенным исследователем в тип 4 (Андросук, 2013. С. 108. Рис. 73; С. 254).

³ Благодарю А. Ю. Щедрину за помощь в сборе информации.

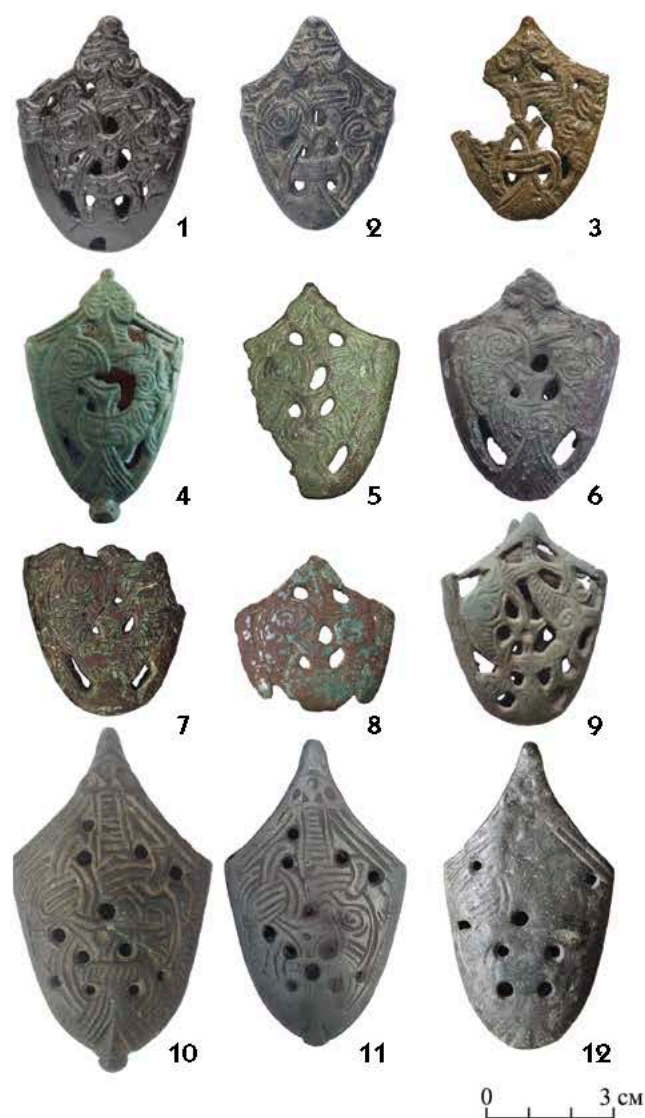

Рис. 48. Наконечники с «мотивом четвероногого животного и Y-образной фигурой». Вариант 1: 1 — Россия, Ярославская обл., Углич, 2 — Швеция, Готланд, 3 — Россия, Новгородская обл., Рюриково городище. Вариант 2: 4 — Украина, Винницкая обл., 5 — Россия, Ярославская обл., Тимерёво, 6 — Украина, 7 — Россия, Вологодская обл., 8 — Украина. Вариант 3: 9 — Украина, Черниговская обл. Вариант 4: 10 — Украина, 11 — Белоруссия, Витебская обл., 12 — Россия.

Fig. 48. Sword scabbard chapes with "four-legged animal and Y-shaped figure" decorative motif. Variation 1: 1 — Russia, Yaroslavl Oblast, Uglich; 2 — Sweden, Gotland; 3 — Russia, Novgorod Oblast, Rurikovo Gorodische. Variation 2: 4 — Ukraine, Vinnickaya Region, 5 — Russia, Yaroslavl Oblast, Temerevo, 6 — Ukraine, 7 — Russia, Vologodskaya Region, 8 — Ukraine. Variation 3: 9 — Ukraine, Chernihiv Oblast. Variation 4: 10 — Ukraine, 11 — Belarus, Vitebsk Region, 12 — Russia.

от которого в стороны расходятся рубчики. В этот вариант можно включить четыре наконечника с территории Северной Руси и Швеции (Новгород, Рюриково городище, Углич, Готланд) (рис. 47.3; рис. 48.1–48.3). Сравнение четырех наконечников позволяет утверждать, что новгородский экземпляр отличается наиболее качественной проработкой орнамента.

Второй вариант характеризуется более плоским рельефом, меньшими размерами головы животного и рубчатой орнаментацией его тела (рис. 48.4–48.8). Причем на наиболее качественных наконечниках видно, что исполнение рубчатой орнаментации тела животного аналогично орнаментации его шеи на наконечниках варианта 1 (рис. 48.6, 48.7). Известно пять подобных предметов — из Тимерёва, с территории Вологодской области и Украины (2 экз.).

Третий вариант представлен единственным наконечником, найденным в Черниговской области Украины (рис. 48.9)⁴. При полном соблюдении изобразительного «канона» тело животного имеет другие пропорции и очень маленькую голову. И шея и тело зверя покрыты простой рубчатой орнаментацией.

В четвертый вариант включены наконечники, орнаментация которых, сохраняя общее композиционное решение, выполнена очень грубо, а в одном случае вообще не проработана. Ажурность наконечникам придана путем нанесения круглых отверстий, в нескольких случаях прямо по орнаменту. Наконечники этого варианта крупнее остальных, у двух экземпляров есть ножка-прилив в нижней части, морда животного вытянута. Вариант представлен тремя экземплярами, найденными в Витебской области Белоруссии, на территории России и Украины (рис. 48.9–48.11).

В общей типологической схеме наконечников ножен «эпохи викингов» наибо-

⁴ Стоит отметить, что подобное рубчатое заполнение характерно для стиля Еллинг.

лее близки по композиционному решению к рассматриваемому типу наконечники, несущие изображение свернувшегося животного, также обвивающего Y-образную фигуру, в нижней части дополненную кольцом⁵ (рис. 49.2). Но в данном случае свернувшийся зверь занимает только верхнюю половину внутреннего пространства рамки. Иначе расположено само тело животного и его лапы, сильно укорочен хвост. Шея животного орнаментирована так же, как на наконечниках вариантов 1 и 2, тело покрыто сплошной рубчатой орнаментацией. Нижнюю часть внутреннего пространства рамки занимает сплетенное с вертикальной ножкой Y-образной фигуры кольцо, по боковым сторонам которого расположены завитки ленточного плетения. Описанное композиционное решение схоже с декором наконечников с «мотивом четвероногого животного и пальметтой» по типологии П. Паульсена⁶ (Paulsen, 1953. P. 54–57) (рис. 49.3). Основным отличием является «пальметта», заменившая Y-образную фигуру и кольцо. «Пальметта» представляет собой расположенный на вертикальном побеге бутон с двумя боковыми лепестками. Завитки верхних «ветвей» Y-образной фигуры превратились в триквестры, лежащие на рамке наконечника. Тело животного расположено аналогично, но его лапы направлены не вверх, а вниз, к стеблю «пальметты».

Наконечники с «мотивом четвероногого животного, Y-образной фигурой и кольцом» найдены в погребении 174 могильника Кауп (Калининградская область, Россия) и на городище Франополь (Брестская область, Белоруссия). Еще как минимум 9 наконечников происходят из несанкционированных сборов (Россия — 3, Украина — 4, Белоруссия — 1, Молдавия — 1). При случайных обстоятельствах был найден наконечник в Рыбичижне (Мазовецкое воеводство, Польша) (Parczewski, 2003. S. 147). Погребение в кургане 174 могильника Кауп В. И. Кулаков датирует 950–975 гг., наконечник с городища Франополь относится ко второй половине X — рубежу X–XI вв. (Кулаков, Иов, 2001. С. 80). Орнаментальная композиция, реализованная на наконечниках этого типа, возникает, по мнению В. И. Кулакова и В. О. Иова, «не без влияния традиций балтских мастеров» (Кулаков, Иов, 2001. С. 83). А. Яновский в качестве возможных мест возникновения таких наконечников называет Швецию и районы Восточной Балтики, испытывавшие сильное скандинавское влияние (Janowski, 2006. S. 30).

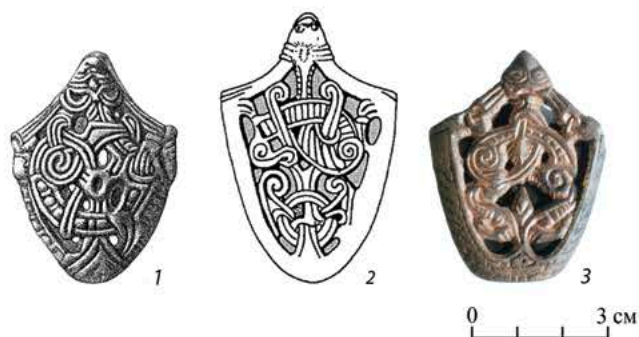

Рис. 49. Наконечники ножен с «мотивом четвероногого животного» и дополнительными элементами: 1 — с «мотивом четвероногого животного и Y-образной фигурой» (Готланд); 2 — с «мотивом четвероногого животного, Y-образной фигурой и кольцом» (Рыбичижна); 3 — с «мотивом четвероногого животного и пальметтой» (Булгар).

Fig. 49. Sword scabbard chapes decorated with the "four-legged animal" motif and other elements: 1 — the "four-legged animal with a Y-shaped figure" motif (Gotland); 2 — the "four-legged animal, ring and Y-shaped figure" motif (Rybiczyzna, Poland); 3 — the "four-legged animal and palmette" motif (Bulgar).

⁵ Идея о связи готландского наконечника с наконечниками из погребения 174 могильника Кауп и городища Франополь была высказана в статье В. И. Кулакова и В. О. Иова (Кулаков, Иов, 2001. С. 80).

⁶ М. Парчевский в орнаментации наконечников с «мотивом четвероногого животного, Y-образной фигурой и кольцом» и «мотивом четвероногого животного и пальметтой» видит сильно стилизованное изображение птицы, с чем, по нашему мнению, нельзя согласиться (Parczewski, 2003. S. 151).

Известно не менее 7 экземпляров наконечников с «мотивом четвероногого животного и пальметтой» (Швеция — 3, Финляндия — 1, Исландия — 1, Латвия — 1, Россия (городище Булгар) — 1) (Paulsen, 1953. P. 54, 55; Ситди́ков и др. 2015. С. 13–15). П. Паульсен предполагал, что местом изготовления этого типа наконечников мог быть остров Готланд, а объединение скандинавского звериного и восточного растительного стилей произошло в середине X в. (Paulsen, 1953. P. 57). Самая восточная находка — наконечник из Булгара, найден на раскопе, где наиболее ранние слои датируются XI в. (Ситди́ков и др. 2015. С. 15).

Возвращаясь к наконечникам с «мотивом четвероногого животного и Y-образной фигурой», отметим, что 11 из 12 таких находок связаны с древнерусской территорией. Это позволяет предполагать их местное производство. Причем, поскольку наиболее качественные наконечники (вариант 1) найдены на Севере Руси, вероятнее всего, именно здесь они и изготавливались. Нельзя исключать, что одним из мест изготовления был Новгород — крупный раннегородской центр Древней Руси.

К сожалению, у всех наконечников, кроме новгородского, отсутствует датирующий контекст. Наконечник из Углича, по предположению С. В. Томсинского, происходящий из разрушенного могильника, найден «в условиях вторичного залегания» в яме 59, заполнение которой было перекрыто в первой четверти XI в. (Томсинский, 1999. С. 173). Наконечник с Рюрикова городища, как и наконечник с

острова Готланд, происходит из коллекции подъемного материала (Михайлов, Носов, 2002. С. 138).

Новгородская находка свидетельствует об изготовлении подобных наконечников во второй четверти X в. Как долго существовал этот тип бутеролей, сказать сложно, но относительно большое количество вариантов, выстраивающихся в эволюционный ряд, предполагает довольно длительное бытование. Возможно, в середине X в. наконечники с «мотивом четвероногого животного и Y-образной фигурой» (рис. 49.1) послужили основой для появления наконечников с «мотивом четвероногого животного, Y-образной фигурой и кольцом» (рис. 49.2), которые в свою очередь повлияли на возникновение наконечников с «мотивом четвероногого животного и пальметты»⁷ (рис. 49.3).

В статье, посвященной находкам наконечников ножен на Троицком раскопе, мы отмечали, что в ранних слоях концентрируются находки, связанные с вооружением профессиональных воинов: верхняя часть навершия меча типа Н, три наконечника ножен, детали боевых наголовий и боевого топора, а также наконечники копий и стрел. На этом основании мы предположили, что в X — первой половине XI века в этой части Новгорода проживали люди, связанные с профессиональной воинской средой. Находки, сделанные в ранних слоях на территории усадьбы Ж Троицкого раскопа XIII (наконечник ножен, обрывок кольчужного плетения, ременная гарнитура и находки конского снаряжения), подтверждают это предположение.

⁷ Нельзя исключать, что тип наконечников с «мотивом четвероногого животного, Y-образной фигурой и кольцом» возник и производился на территории Руси. Наконечники с «мотивом четвероногого животного и пальметты», судя по отсутствию известных находок на древнерусской территории, изготавливались за ее пределами — возможно, как предполагал П. Паульсен, на о-ве Готланд.

“Sword Scabbard Chape from the Excavations of Homestead ‘Zh’ (Homestead ‘Zh’, Troitsky XIII Excavation Site)” by S. Yu. Kainov.

This article focuses on a sword scabbard chape that was discovered in 2014 during excavations of the Troitsky XIII site on the territory of homestead “Zh”. Two finds (uncovered in layers dating to the second quarter of the 10th century) were identified as fragments of an ajouré sword scabbard chape. A raised border of alternating wide and narrow bands went down one side of the chape and an image of a curled-up animal, an element quite characteristic of Scandinavian art, could be identified on the chape’s exterior. Publications were found on only three other scabbard chapes (from Gotland, Rurikovo Gorodische and Uglich) that had decorative motifs analogous to the one this article focuses on. There have been several attempts to classify these four chapes within a larger context of other sword chapes, however, it is best to place them separately in a category of their own, instead of adding them to already existing categories. These four chapes can be placed in one group united by “four-legged animal and Y-shaped figure” decorative motif, which is a subdivision of the “four-legged animal decorative motif” category.

Overall, there are no less than 12 (Russia – 6, Ukraine – 4, Belarus – 1, Sweden – 1) chapes that can be placed in the latter category; however, 8 of them were discovered during unofficial excavations and thus, a large part of their archaeological context was lost. Nevertheless, a close study of these twelve chapes has brought out four variations of the quality and style of their ornamentation. The first variation is characterized by a high quality of workmanship, a prominent raised ornament, and the large size of the depicted animal’s head. In the second variation, the raised ornament is not as prominent, and the animal’s head is smaller in size. The third decorative variation is only found on one of the chapes: the animal’s head is quite small and its proportions are unusual. Lastly, the fourth variation is much more rough in style: the ajouré effect is achieved by making holes in the chape, which sometimes puncture the decorative motif.

The category of “Viking age” scabbard chapes most similar in ornamentation to the group outlined above is characterized by the following decorative motif: a curled-up animal, encircling a Y-shaped figure, with a ring-shape at the bottom. Another similar decorative motif is the “four-legged animal with a palmette” category in P. Paulsen’s classification: the palmette replaces the Y-shaped figure and the ring-shape. Because 11 out of the 12 scabbard chapes were discovered on territory once covered by Ancient Russia, it is possible to assume that they were not imported, but produced locally (most likely in Novgorod the Great). These chapes were produced during the second quarter of the 10th century and depict an evolution of the decorative style, which hints at a relatively long span of time, during which this style of chapes was popular. Perhaps, the “four-legged animal and Y-shaped figure” decorative motif transformed into the “four-legged animal, Y-shaped figure and ring shape” motif, which in its turn became the “four-legged animal and palmette” motif. Finally, due to the number of finds associated with weapons (3 chapes, part of a sword pommel, parts of battle-axes, as well as arrowheads and spearheads) that were discovered during excavations of the Troitsky site, it is possible to draw the conclusion that people directly or indirectly associated with the warrior profession lived in this area of Novgorod during the 10th – first half of the 11th centuries.

Е. А. Тянина

КУЛЬТ КОНЯ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

Значение коня в материальной культуре, определявшее достаток и статус владельца, не могло не отразиться в духовной сфере. Отдельные свидетельства почитания коня в средневековом Новгороде, восходящие к дохристианской традиции, можно проследить на археологическом материале. Характеристику этого явления необходимо дать не на основе отдельных усадебных комплексов, что не позволит выявить целостной картины, а с использованием материала по городу в целом.

Культ коня является одним из зоолатрических культов, который ведет свое начало от времени domestikации этого животного. В славянской традиции можно выделить несколько различных пластов, связанных с мифологическим образом коня. Древнейший из них восходит к общеиндоевропейской традиции. Мифологические представления о коне как атрибуте или персонификации солнечного божества, о небесной колеснице, запряженной конями, которая везет солнце по небосводу, сохранились у всех индоевропейских народов. В этих представлениях конь неразрывно связан с образом колеса, также символизирующего солнце. О мифологическом значении коня в восточнославянской традиции говорят сохранившиеся «конские» мотивы в обрядности календарных праздников солнечного цикла. Так, например, в зимние

Святки такие персонажи, как Коляда и Овсень, символизирующие возрождение солнца, представлялись в виде всадников, едущих на конях, а в наиболее архаичных текстах песен сами имели конский облик (*Топоров, 1993. С. 190–192*). Тот же древнейший пласт проступает и в обрядах «возрождения кобылки», приуроченных уже к летним календарным праздникам (Семик, Купала, Петров день) (*Фаминицын, 1884. С. 210–214*). Связь с солярным культом определяла значение коня как животного, приносящего плодородие и благополучие. Поэтому в бытовой магии конь выступает как оберег дома, двора или освоенного пространства вообще. К этой традиции восходят как «конские» мотивы в декоративно-прикладном искусстве (декор жилища и бытовых предметов, традиционные сюжеты вышивки), так и фольклорные образы «духов-хозяев», нередко выступающих в конском облике или тесно связанных с конем (*Криничная, 2004. С. 95–123*). Еще одной составляющей в культе коня являлась его роль как медиатора, связывающего мир живых и мертвых (*Славянские древности, 1999. С. 590–592*). Эта традиция также восходит к древнейшим мифологическим представлениям о солнечной колеснице, что по ночам спускается в нижний мир.

Культовые традиции, связанные с почитанием коня как священного живот-

ного, в средневековом Новгороде находят отражение как в предметах личной апотропеической магии (амулетах), так и в остатках производившихся ритуалов. Все эти свидетельства уходят корнями в дохристианскую эпоху, но почитание коня в различных его проявлениях сохраняется и после распространения христианства. На это указывает датировка археологического материала. Традиции, зафиксированные в культурном слое, относящемся к языческому периоду (X в.), не просто продолжают существовать вплоть до позднего средневековья, но развиваются и трансформируются. Свидетельством тому служит, к примеру, широкое распространение в городской культуре XIII–XIV вв. полых шумящих коньков-амулетов (рис. 50). Этот женский оберег, восходящий к финно-угорской традиции, был связан с теми же представлениями о коне как символе плодородия и благополучия дома и его хозяев (Покровская, Тянина, 2019). В настоящей главе остановимся на археологических свидетельствах культового значения коня, связанных с магическим использованием костных останков.

Конь в строительной жертве или строительном «прикладе»

Строительная жертва (жертва строителей, фундаментная жертва) — жертвоприношение, произведенное при закладке какой-либо постройки. Это один из самых распространенных на Земле обрядов, восходящий к первобытной эпохе. Он известен на всей территории Европы, в Китае, Индии, у семитских народов, в Африке, у аборигенов Австралии, Океании и Южной Америки. Чаще всего в качестве жертвы выступало живое существо, в основном разнообразные животные, которые закапывались под фундамент живыми или убитыми. В ритуале могли использоваться также части тела животных или их кости.

В письменных источниках и преданиях у разных народов известны также

человеческие жертвоприношения при строительстве, однако в подавляющем большинстве случаев эти примеры связаны с крупными каменными постройками (городскими укреплениями, мостами, плотинами, дворцами, храмами). Классификацию строительных жертв в зависимости от целей их совершения провел немецкий этнограф Вильгельм Эссе (*Jesse, 1930. № 1, 3*). Он подразделил их на жертвы духам-хранителям земли, жертвы с целью приобретения духа-хранителя дома (домового), апотропеические (защитные) жертвы, а также жертвы как вид симпатической магии — через приношение предметов, сила и благое воздействие которых переходит на здание и его обитателей.

Детально вопрос о происхождении строительной жертвы рассмотрел Д. К. Зеленин (*Зеленин, 1937*). Он относил возникновение этого обряда к глубокой древности и связывал с такими формами древнейших религий, как тотемизм и анимизм. В основе жертвоприношения при возведении постройки лежало поклонение деревьям, которые наделялись душой, считались священными и неприкосновенными. За нарушение строителями зданий этой неприкосновенности священные деревья мстили людям, лишая жизни строителя или первого обитателя дома. Чтобы предупредить эту месть, строители приносили жертву уже в момент закладки сооружения. Такой генезис строительной жертвы можно предполагать и для славянских народов. Поклонение деревьям было одной из основных форм восточнославянской языческой религии, письменные источники упоминают деревья и «рощения» (т. е. священные рощи) как древнейшие объекты языческого культа славян наряду с другими объектами природы.

В средневековом Новгороде археологически зафиксирован один тип строительной жертвы — закладывание под угол (реже под стену) возводимого сруба конского черепа или нескольких черепов.

Рис. 50. Полые шумящие коньки-амулеты из раскопок в Новгороде.
Fig. 50. Hollow noise-making horse-shaped amulets from excavations in Novgorod

Впервые археологические свидетельства таких строительных жертв были зафиксированы на Неревском раскопе в одноименном конце средневекового Новгорода В. В. Седовым (Седов, 1967) (рис. 51–52). Автор подробно описал 9 случаев закладки конских черепов под возводимыми постройками (таблица 1).

Как видно из приведенных примеров, среди сооружений, при закладке которых зафиксирован строительный «приклад», встречаются как жилые, так и хозяйственные постройки, хотя преимущественно это характерно для жилых домов. Датировка срубов по дендрохронологии разбросана от X до XIV вв.

Особо следует отметить случай строительной жертвы начала XIII в.: помимо черепа коня, под полом был найден деревянный ковш, поставленный на основание. Он обнаружен в юго-восточной части постройки, непосредственно под половицами досками. Доски при этом были хоро-

шо пригнаны и не имели щелей, то есть находка не могла провалиться вниз из заполнения самого сруба (Там же. С. 23, рис. 7,2). Ковш мог служить дополнением к основной строительной жертве в виде конского черепа. Использование ковшей в ритуальной практике средневекового новгородского населения хорошо известно (Седов, 1956). Ковш с ритуальным напитком (пиво, мед) символизировал сытую благополучную жизнь.

Аналогичные найденным на Неревском раскопе строительные жертвы в виде конских черепов под постройками фиксируются в других частях Новгорода. В Людином конце такие «приклады» обнаружены под срубами XI–XIII вв.

Так, на Троицком раскопе VII под углом сооружения № 64 (21 ярус) зафиксирован конский череп, положенный на основание (рис. 53.1). Еще один череп обнаружился под сооружением 23 яруса на том же раскопе (рис. 53.2).

Таблица 1.

Находки конских черепов под постройками Неревского раскопа (по В. В. Седову)

№ сруба	Ярус	Датировка	Жертва	Положение	Глубина	Примечания
-	26	X в.	череп коня	возле западного угла	80 см	
-	25	1-я четв. XI в.	череп коня	юго-западный угол		
-	24	2-я четв. XI в.	два черепа коня	восточный угол	90 см	
-	21	посл. четв. XI в.	череп коня	северо-западный угол	60–70 см	
-	-	посл. четв. XII в.	череп коня	юго-западный угол	25–30 см	
15	14	нач. XIII в.	череп коня	северо-западный угол	20–25 см	деревянный ковш под полом
7	14	XIII в.	череп коня	северная стена, близ северо-восточного угла	40 см	хозяйственная постройка
8	12	сер. XIII в.	нижняя челюсть коня	юго-западный угол	35 см	
23	8	сер. XIV в.	череп коня и часть нижней челюсти	северо-восточный угол (череп), восточная стена (челюсть)	5–10 см	

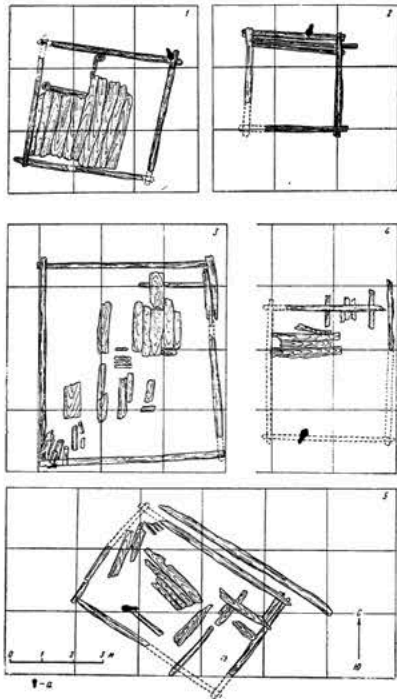

Рис. 51. Расположение конских черепов под остатками срубов на Неревском раскопе (по: Седов, 1957. Рис. 6).

Fig. 51. Location of horse skulls under the remains of log-houses at the Nerevsky excavation site (Sedov, 1957. Fig. 6).

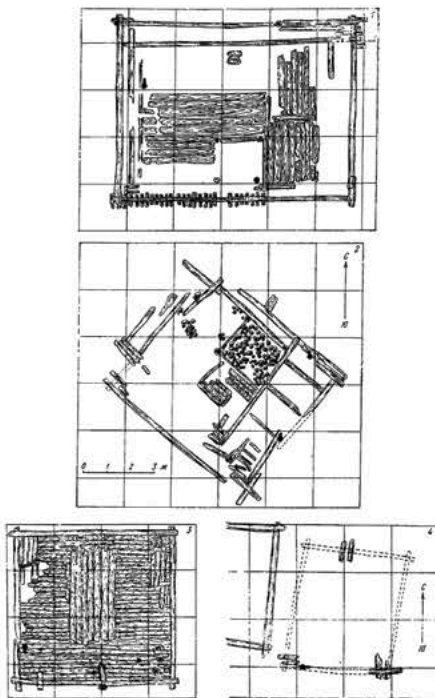

Рис. 52. Расположение конских черепов под остатками срубов на Неревском раскопе (по: Седов, 1957. Рис. 7).

Fig. 52. Location of horse skulls under the remains of log-houses at the Nerevsky excavation site (Sedov, 1957. Fig. 7).

В 1998 г. на Троицком XI раскопе, под северо-восточным углом сруба № 172 (ярус 29), найден конский череп. Нижняя челюсть того же коня была положена отдельно рядом с основной частью черепа (аналогично комплексу XIV в. с Неревского раскопа).

В 2013 г. на Троицком XIII раскопе (участок Г-1), на котором изучалась усадьба Ж, в слое середины XI в. также был обнаружен череп коня (рис. 54). Он находился в завале разобранного сооружения и, очевидно, также был использован в качестве строительного «приклада».

На Ильинском раскопе, расположенном в Славенском конце, череп коня был найден под фундаментом каменного терема рубежа XIV–XV вв. (Миронова, 1967. С. 277, рис. 5).

Строительные жертвы приносились не только при возведении жилых или хозяйственных построек на усадьбах, но и под сооружениями, относящимися к общегородскому благоустройству. Так, в 2010 г. конский череп был обнаружен под нижним ярусом мостовой безымянного переулка, открытого на Троицком раскопе XIV. Череп был положен на основание, как и во всех случаях строительных жертв на усадьбах, датировка «приклада» — середина — вторая половина X в.

Как видно из приведенных примеров, строительная жертва в новгородском археологическом материале характеризуется рядом особенностей. Фиксируется устойчивый обряд, черты которого сохраняются в неизменном виде на протяжении столетий. Для жертвоприношения использовался именно череп, а не голова животного, о чем говорит отсутствие нижней челюсти. В случае, когда череп находят вместе с челюстями, последние располагаются не в анатомическом порядке, а либо просто положены рядом, либо специально разложены под другие участки постройки — видимо, для усиления магического эффекта. Такой тип строи-

тельной жертвы, когда для нее используется не животное, а его кости и/или череп, связан с симпатической магией, принципом которой является замещение целого предмета его частью или изображением. При этом сохраняется общее значение строительного «приклада» как возведения здания «на чью-то голову», которое должно было предотвратить смерть обитателей дома. Череп всегда ставился на шейное основание, однако глубина его закладки под постройку в разные периоды отличалась. Если в раннее время (X–XI вв.) черепа закапывали на большую глубину (80–90 см), то в более поздний период строительную жертву стали помещать на глубину до 40 см (Седов, 1967. С. 25–26). Не было единства традиции и в том, под каким углом постройке совершалась жертва. Некоторые наблюдения за археологическим материалом говорят о том, что положение «приклада» связано с входом в постройку — «приклад» клали под близлежащий к нему угол (Там же. С. 26–27). Сакральный символ охранял от нечистых духов и злых сил именно вход в дом.

Выбор средневековыми новгородцами для строительной жертвы именно черепа коня, безусловно, связано с культурным значением последнего. Черепа и кости почитаемых животных символизировали смерть и возрождение, им приписывалась магическая сила. Например, всем известно летописное предание о роковой смерти князя Олега, наступившего на череп собственного коня. В архаичных сюжетах волшебной сказки «кобыля голова», в которой можно напиться, одеться и вообще добыть все необходимое, является атрибутом или персонификацией хтонического персонажа, помогающего положительным героям. В ряде сюжетов этот волшебный предмет выступает уже в виде дома, терема или палат для зооморфных или антропоморфных персонажей (Потемня, 2000. С. 209–210). С другой стороны, в представлениях о строительном

Рис. 53. Конские черепа под остатками сооружений на Троицком раскопе VII.

Fig. 53. Horse skulls under the remains of buildings at the Troitsky VII excavation site.

Рис. 54. Конский череп, зафиксированный в развале сооружения середины XI в. на усадьбе Ж (раскоп Троицкий XII, участок Г1).

Fig. 54. Horse skull unearthed inside the remains of a mid-11th century building on homestead "Zh" (Troitsky XIII excavation site, lot G1).

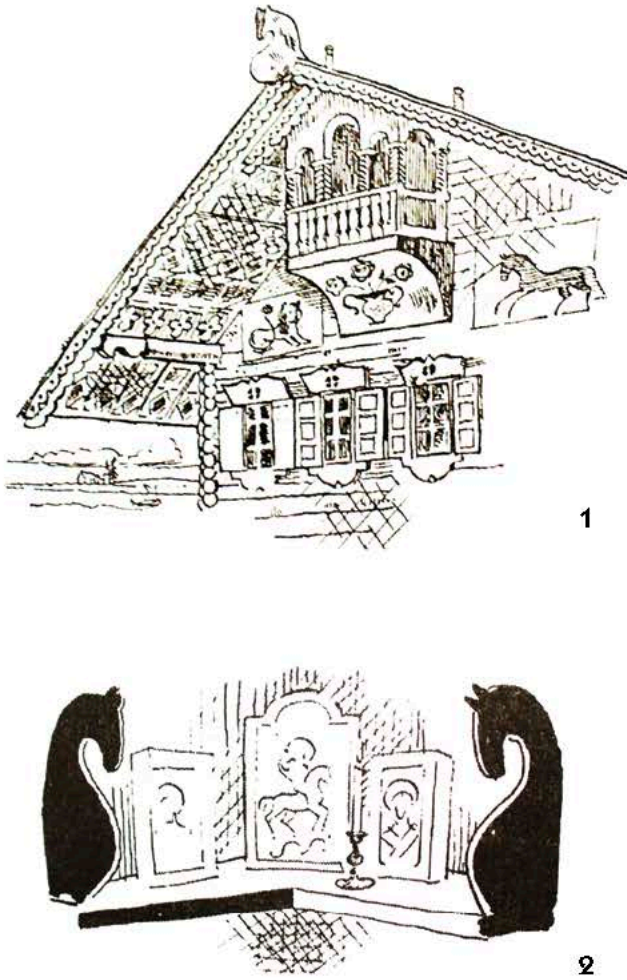

Рис. 55. Декор с изображением коней в севернорусской архитектуре XIX в. (1) и во внутреннем интерьере домов (2).

Fig. 55. Horse images in the decoration of north Russian architecture of the 19th century: on the house's exterior (1) and interior (2).

«прикладе» ритуальное жертвоприношение конского черепа связывалось с верой в переход души жертвенного животного в душу дома, персонифицированную в образе домашнего духа-хозяина (домового) (*Славянские древности*, 1999. С. 593).

Тесная связь коня с домовым духом широко известна в русской этнографии и отражается не только в фольклорном материале, но и в традиции домостроительства (Криничная, 2004. С. 96–101). Причем наиболее наглядно она проступает именно в этнографических материалах русского Севера и Северо-Запада, то есть зоны, географически близкой к Великому Новгороду. Так, один из самых архаич-

ных типов жилища на Русском Севере носит название «дом конем» (Чекалов, 1973. С. 18). «Конские» мотивы наглядно присутствуют и в оформлении охлупня (выдолбленного бревна, закрывающего верхний стык двух скатов кровли) (рис. 55.1). В севернорусской архитектуре преобладает завершение крыши фигурой в виде головы и части торса коня, встречаются изображения двуглавых коньков, смотрящих врозь, или даже трех-четырех и более лошадиных голов. Декор с изображениями коня встречается также в оформлении крыльца, завершений куриц (приспособление для крепления досок крыши) и росписи фронтонов изб (Криничная, 2004. С. 97–98; Чекалов, 1973. С. 18–19).

Символика коня и конской головы присутствует и во внутреннем интерьере домов, причем, как правило, она маркирует сакральные локусы внутри дома («красный угол», печь, порог) (рис. 55.2). Так, в середине XIX в., в Вологодской и Новгородской губерниях конскими головами украшали боковые дощечки божниц (места в «красном углу» избы, где хранились иконы), шестки печей и свободные концы лавок, располагавшиеся у входа в дом (Криничная, 2004. С. 99). Такие изображения служили не только особым знаком, отмечавшим магически значимые места в избе, но и маркировали локализацию в этих местах духов-хранителей.

Устойчивая традиция наряду с географической близостью рассматриваемых примеров к Новгородской земле позволяет предположить связь между этими декоративными мотивами и древнейшей формой строительной жертвы, зафиксированной при раскопках новгородских средневековых усадеб. Строительная жертва обеспечивала возрождение души жертвенного животного в душе дома или домовом духе, локусы которого маркировались в особо сакральных местах как внутри дома, так и в его внешнем оформлении. Такой ритуал сочетал в себе защитные и благопо-

желательные магические функции. Образ коня, изначально связанный с солярным культом и культом плодородия, должен был обеспечить дому/двору благополучие и защиту от злых духов, вызывающих болезни и смерть его обитателей, как людей, так и животных.

Строительная жертва в виде закладки под постройку конских черепов и костей хорошо известна по этнографическим данным на территории Украины, особенно Западной. При этом в этнографических материалах зафиксировано такое объяснение этой жертвы: «чтобы все несчастья и болезни падали на этот череп, а не на обитателей дома» (*Зеленин, 1937. С. 27*). Связь этого обычая с древними представлениями подтверждается археологическими находками остатков таких жертв. Например, под постройкой на Чорнивском городище (Буковина) была обнаружена «сложная» жертва: нижняя челюсть коня с вбитым в нее долотом, а рядом замок, наконечник стрелы и зерно (*Возний, 2018*). Череп коня найден также под углом мастерской ювелира X в. в Луцке (*Терський, 2006. С. 184*). Погребение под постройкой в качестве строительной жертвы конских черепов известно также у германских народов (*Зеленин, 1937. С. 26–27*). Археологически такой же обряд фиксируется и на территории Прибалтики (*Caune, 2003. P. 381, 384. 5 att.*).

Если согласиться с гипотезой Д. К. Зеленина о генезисе обряда строительной жертвы из анимистических представлений о живой душе дерева и его неприкосновенности, а также о месте этой души за срубленное дерево, то в новгородской средневековой традиции мы сталкиваемся с трансформацией этих первоначальных представлений. Об этом свидетельствует характер строительной жертвы (не живое животное, а часть мертвого). Причем это переосмысление фиксируется уже для языческого времени и не связано с влиянием христианской идеологии. На первый план выходят благопо-

желательная и апотропеическая функции строительной жертвы, а также ее связь с духом-хранителем дома.

Таким образом, обычай строительной жертвы закапывать под постройку конский череп бытовал в Новгороде практически весь средневековый период (X–XV вв.). Форма обряда была устойчивой и сложилась еще до основания города (в городе фиксируется в едином и неизменном виде), а значение отражало не анимистическую древность, а более характерные для средневековой эпохи представления.

Конь в обрядах первопоселенцев

Ритуалы, произведенные на месте или на границе будущего поселения, уходят корнями в представления об «освоенном пространстве» (дом, двор или поселение в целом), которое защищалось от вмешательства извне не только оградами или стенами, но и различными магическими обрядами. Магия новоселов традиционно включала в себя символический перенос магически значимых бытовых и культовых предметов (огня, золы из старого очага, сакральных изображений и пр.), освящение нового пространства, принесение жертв или совершение других охранительных ритуалов, а также ритуальную трапезу участников переселения. Свидетельства подобных ритуальных действий известны в научной литературе как «жертвенные ямы» — они представляли собой материковые ямы, содержавшие сокрытые остатки произведенных обрядов.

Ритуальное захоронение коня на Ильинском раскопе

В 1964 г. на Ильинском раскопе (Славенский конец), на усадьбе, выходящей на древнюю Ильину улицу, был открыт культовый объект, обозначенный как ритуальное захоронение коня. В том же году он был опубликован В. Г. Миро-

новой (Миронова, 1967). В нижнем горизонте культурного слоя была обнаружена яма овальной, близкой к округлой, формы, размерами 3,3×4 м. При общей глубине 1,5 м яма дном уходила в материк. Яма была заполнена темно-коричневым слоем, аналогичным заполнению на прилегающих участках раскопа. Стенки ямы — пологие, в северной части на уровне дна найдены два целых керамических сосуда, один из них был заполнен воском, другой — без заполнения. В южной части ямы были обнаружены кости коня, лежавшие в анатомическом порядке (рис. 56). Ноги животного были подогнуты, на одной передней ноге, в нижней части, найден обрывок толстой лыковой веревки. Череп того же коня был обнаружен в заполнении вышележащего пласта, чуть выше ямы. В западной части ямы найдены небольшой огарок восковой свечи и кнутовище. Скелет лошади лежал на слое глины с золой и углем толщиной 10 см, но сами кости

Рис. 56. Ритуальное захоронение коня на Ильинском раскопе в Новгороде (по: Миронова, 1967).
Fig. 56. Ritual burial of a horse at the Illinsky excavation site in Novgorod (Mironova, 1967).

лошади не были обожжены. На уровне пласта, то есть на уровне дневной поверхности ямы, последняя была перекрыта хвойными ветками, остатки которых также прослеживались в заполнении. По хронологии Ильинского раскопа культурный комплекс относится к «доярусному» слою и датируется второй четвертью — серединой XI в. Первая застройка на данной территории появилась лишь в конце XI в., то есть комплекс был сооружен задолго до появления здесь собственно усадебных дворов, возможно, он находился за пределами поселения либо маркировал его первоначальную сакральную границу. Следовательно, сооружение его близко по времени к освоению данной территории Славенского конца.

Комплекс интересен тем, что, в отличие от строительных «прикладов», здесь была погребена не просто целая конская туша, но, вероятнее всего, живая лошадь, о чем свидетельствуют связанные ноги. Отличительной чертой является и наличие в яме деревянных столбов, служивших основанием некой конструкции, которая перекрывала сооружение. В. Г. Миронова сделала попытку реконструировать это сооружение как четырехугольное в плане (самые мощные столбы расположены по углам прямоугольника), либо со стенами из легких жердей или прутьев, либо вообще без стен. Сооружение завершалось покрытием из хвойных веток, наверху которого висел конский череп, впоследствии оказавшийся над ямой (Там же. С. 215–217).

По этнографическим данным, обычай вешать на забор конские (реже коровьи) черепа также был широко распространен. В поздней русской и южнославянской традиции черепа коней выставляли на кольях около входа в дом или во двор (Городцов, 1926. С. 24; Славянские древности, 1999. С. 191). Такой череп, как и в строительном «прикладе», считался предметом, привлекающим бла-

гополучие и охраняющим от всякого зла. По представлениям белорусов, конский череп, повешенный на шест в месте ночлега табуна, защищает его от опасности. У вендов головы лошадей (или коров), насаженные на колья вокруг конюшен и хлебов, считались сильнейшим оберегом от моровой язвы и злых духов.

Интересный ритуал, входящий в купальскую обрядность, фиксировался в Полесье. Лошадиный череп, надетый на палку, носили по селу, а затем сбивали с палки и бросали в купальский костер. Череп символизировал уничтожение «ведьмы», то есть нечистой силы, портящей скот (*Виноградова, Толстая, 1990. С. 110*). Конский череп использовался и в лечебной магии, его клали под изголовье больного лихорадкой, чтобы исцелить его (*Фаминицын, 1884. С. 201–202; Афанасьев, 1865. С. 635–637*). У восточных финно-угорских народов черепа скота висели над местами жертвоприношений, в которые зарывали кости принесенных в жертву животных (*Миронова, 1967*). Последний пример имеет прямую аналогию с ильинской «жертвенной ямой».

В целом значение такого жертвоприношения и магическое использование конского черепа было прежде всего отгонное и отличалось от симпатической и благопожелательной магии, лежавшей в основе строительной жертвы. Конский череп в данном обряде символизировал смерть и должен был «принять на себя» все несчастья и козни нечистой силы, отвести их от обитателей дома, двора, поселения. Исходя из этого, реконструкцию культового объекта на Ильинском раскопе, сделанную В. Г. Мироновой, где захоронение жертвенного животного сопровождается вешанием его головы на шест, можно считать вполне правдоподобной.

В связи с жертвенным комплексом с Ильинского раскопа следует отметить и небольшую категорию культовых камней, связанных с почитанием коня. Поклоне-

ние камням являлось одной из традиционных форм языческого культа для народов Восточной Европы, в особенности ее северных районов. Среди почитаемых камней встречаются и так называемые Конь-камни. Так, в XIX в. в Тульской губернии, на берегу р. Красивой Мечи, стоял Конь-камень, вокруг которого проводили обряды опахивания во время падежа скота. Другой Конь-камень располагался в лесу на о. Коневец (!) в Ладожском озере. Здесь еще в XV в. совершались жертвоприношения коня (*Снегирев, 1837. С. 15–16*). Данная традиция смыкается с культовым объектом на Ильинском раскопе как по характеру ритуала (жертвоприношение коня), так и по магическому значению (отгонная магия, призванная защитить скот от эпизоотий, вызываемых злыми духами).

Другие атрибуты ритуала также находят аналогии в сохранившихся в поздней традиции обрядах коллективных жертвоприношений животных у славян и финно-угорских народов. Прежде всего, это наличие свечи как атрибута погребальной обрядности, причем характерной уже для христианского времени. Так, у восточных финнов процессию к месту жертвоприношения возглавлял священник либо старейшина с зажженной свечой в руках. У южных славян известен обряд жертвоприношения ягненка на Юрьев день — ему связывали ноги, а между рогов зажигали свечу. Кровь забитого животного собирали в отдельный сосуд (*Миронова, 1967*) (возможно, найденный в жертвенной яме сосуд без заполнения изначально содержал кровь жертвы). Известным атрибутом погребальной обрядности были (и являются до сих пор) еловые ветви. Таким образом, обнаруженные в жертвенном комплексе с Ильинского раскопа атрибуты присутствуют в различных традициях, зафиксированных как в этнографических, так и в археологических источниках. Отдельно следует отметить наличие в жертвенном

комплексе не только останков коня, но и кнута как сопутствующего предмета, имевшего отношение к этому жертвенному животному. Вероятно, этим кнутом погоняли коня к месту жертвоприношения.

Таким образом, культовый объект представляет собой остатки жертвоприношения коня с последующим ритуальным захоронением и сокрытием предметов, участвовавших в обряде. Семантику этого конкретного ритуала по найденным остаткам точно установить невозможно. Опираясь на этнографические свидетельства, мы можем лишь сделать несколько предположений. Так, в восточнославянской этнографии хорошо известен вариант праздника «проводов русалки» с участием ряженого коня или кого-то, ряженного конем. В ряде случаев в обряде присутствует и конский череп, его украшают богатой сбруей или просто несут на шесте впереди процессии. Ритуал, как правило, приурочен к одному из праздников весенне-летнего цикла. Похожие обряды фиксируются у финно-угорских народов (*Зеленин, 1995. С. 258–261*). Не исключено, что в этом обряде отразился отголосок реального жертвоприношения коня, схожего с найденным на Ильинском раскопе. Другое вероятное значение подобного ритуала может быть связано не с календарной обрядностью, а с некой конкретной ситуацией. Закапывание в землю жертвенного животного живьем фиксируется в ритуалах, призванных остановить эпизоотию (*Журавлев, 1994. С. 112*). Причем подобный ритуал мог совершаться не только при уже возникшей эпизоотии, но и в отгонных целях для ее предотвращения (например, при поселении на новом, неосвоенном месте). В этом случае помещение такого захоронения на окраине поселения маркировало «освоенное» пространство, выполняя магические функции

его защиты от проникновения нечистой злой силы из внешнего мира. При этом душа жертвенного животного становилась духом-хранителем уже не отдельного дома или двора, а освоенного поселения пространства в целом. Именно такую функцию выполнял конский череп у входа в дом или во двор в позднем этнографическом материале.

Жертвенный колодец с Андреевского раскопа II

Ритуальное использование частей туши коня зафиксировано в еще одном культовом объекте — жертвенном колодце конца XIII в., найденном на Андреевском раскопе II в 1999 г. (*Степанов, 2000. С. 83*). Это Плотницкий конец средневекового города, культовый объект относится ко времени первоначального освоения данной территории. Он содержал захоронение головы и костей коровы, вероятно, съеденной во время ритуальной братчины первопоселенцев, а также несколько бытовых предметов, имевших магическое значение (*Тянина, 2012*).

Остеологическое исследование костных фрагментов из колодца¹, помимо основного комплекса, связанного с коровой, выявило 5 костей от задней ноги коня, сросшихся воедино (верхняя часть задней метаподии с приросшими к ней костями предплюсны и грифельными костями). Нога была отрублена топором и принадлежала старой особи. Мотив закапывания головы и оставшихся после трапезы костей жертвенного животного известен как в некоторых славянских календарных обрядах (Ильин день, Коляда), так и в русском фольклоре. Целью такого ритуала было возрождение принесенного в жертву животного и, через него, увеличение поголовья скота, воспроизводство богатства и благополучия участников трапезы. Поме-

¹ Исследование костных останков из колодца на Андреевском раскопе II проведено Л. В. Яворской в 1999 г.

щение в ритуальный комплекс части конской ноги усиливало магический эффект. Она не только замещала в обряде целое животное, но и была одной из почитаемых частей тела коня (наряду с черепом).

Магическое значение коня часто связано с темой «наступления» на что-то, «переступания» через что-то, высекания искр или молний копытом и прочих действий, связанных с конскими ногами (*Славянские древности*, 1999. С. 592–595). Именно кости ног лошади служили для изготовления амулетов (см. ниже). С символикой возрождения через смерть связано и то, что в ритуале использована старая (возможно, даже павшая от старости) лошадь.

Амулеты из костей и зубов коня

Амулеты из костей и зубов образуют одну из самых значительных категорий средневековых оберегов (*Тянина*, 2011). Новгородская коллекция этой категории апотропеев составляет в настоящее время около 230 находок (кости и зубы восьми видов животных), обнаруженных в слоях преимущественно X — середины XIII в. Хронологическое и топографическое исследование показало, что обереги из просверленных клыков, зубов и костей животных в указанный период были частью городской культуры, они встречаются по всей территории города. Амулеты, связанные с почитанием коня, являются довольно редким типом. В настоящее время их коллекция составляет 11 экземпляров. Десять из них — это просверленные кости ног лошади (карпальные и тарзальные), один амулет сделан из просверленного конского зуба (клыка) (**рис. 57.1–57.5**). Кроме предметов, однозначно являющихся амулетами, был найден зуб лошади без отверстий, но со следами сильной затертости поверхности, которая могла возникнуть при длительном контакте с тканью (например, при ношении в мешочке).

Находки амулетов из костей и зубов лошади преимущественно сделаны на

Троицком раскопе (Людин конец). Здесь было найдено 9 таких амулетов, включая единственный амулет из конского зуба. По одной находке происходят с Неревского и Федоровского раскопов, соответственно Неревского и Плотницкого концов средневекового города. Кроме того, на Неревском раскопе обнаружен и упомянутый выше зуб с возможными следами ношения. Находки амулетов из костей коня представлены в **таблице 2**.

Несмотря на небольшое количество, хронологический разброс находок фиксируется в пределах X–XIV вв., то есть традиция их ношения была довольно устойчивой. Топография найденных амулетов по отдельным усадьбам была сделана на материалах Троицкого раскопа. Как и хронологическое распределение, она не выявила ярко выраженных комплексов. Единичные экземпляры «конских» амулетов встречены на всей площади раскопа, на разных усадьбах и в разные хронологические периоды. Можно лишь отметить, что такие амулеты отсутствуют на усадьбах Ярышевой улицы.

С территории усадеб, расположенных к северу от Черницыной улицы, происходят три амулета из костей ног. Один из них датируется X в. и найден на усадьбе М. Еще два амулета относятся ко второй половине XII в. и найдены на усадьбах З и Г. Амулет с последней представляет особый интерес, так как является двойным, или «комбинированным». На несомкнутом кольце из свинцово-оловянистого сплава были привешены два предмета: просверленная тарзальная кость лошади и клык медведя (**рис. 57.6–57.7**).

На участке к югу от Черницыной улицы три амулета обнаружены на усадьбе Ж, однако единого комплекса они не составляют, так как относятся к разным хронологическим периодам. Два из них сделаны из костей ног, один (найден в процессе работы с остеологическим материалом) происходит из слоев второй половины X в.,

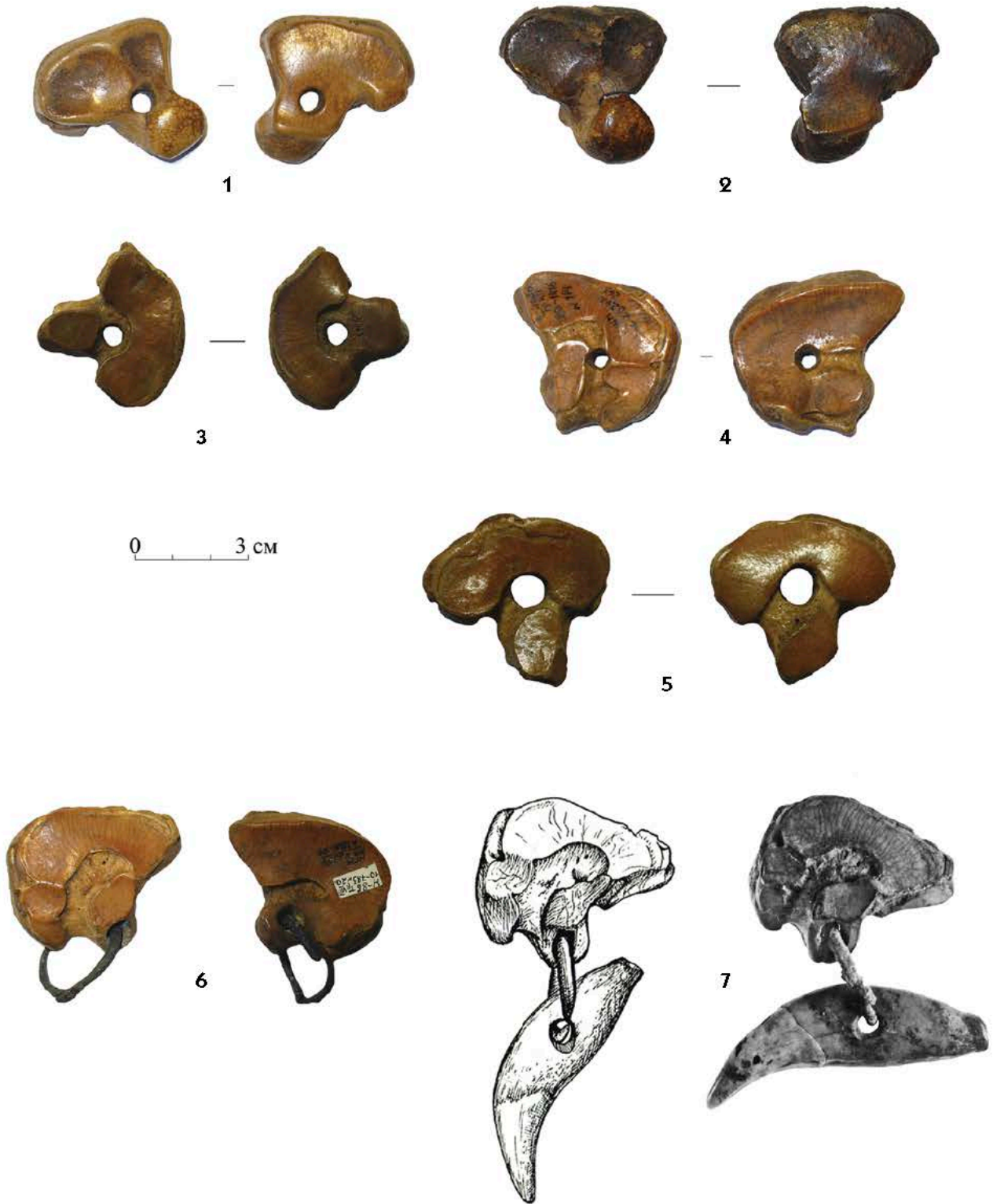

Рис. 57. Амулеты из костей коня. 1–5 — просверленные кости ног лошади (карпальные и тарзальные); 6–7 — комбинированный амулет из тарзальной кости лошади и клыка медведя (Троицкий раскоп, вторая половина XII в.).

Fig. 57. Amulets made of horse bone, 1–5 — equine carpal and tarsal bones with drilled holes in them; 6–7 — a composite amulet consisting of an equine tarsal bone and a bear canine (Troitsky excavation site, second half of the 12th century).

Таблица 2.
Находки амулетов из костей коня в Новгороде

Год	Раскоп		Название	Пласт	Квадрат	№	Усадьба	Датировка
1952	Неревский		карпальная	14	309	2509	Б	1-я пол. XIV в.
1973	Троицкий	I	тарзальная	10	171	7	В	2-я пол. XIII в.
1973	Троицкий	I	тарзальная	7	36	6	Б	2-я пол. XIII в.
1986	Троицкий	VIII	карпальная	12	720	153	Г	2-я пол. XII в.
1986	Троицкий	VIII	тарзальная	10	783	20	З	2-я пол. XII в.
1991	Фёдоровский		карпальная	16	188	50		1-я пол. XIII в.
1994	Троицкий	IX	карпальная	18	839	25	М	2-я пол. X в.
2000	Троицкий	XII	тарзальная	20	1416	114	Е	1-я пол. XI в.
2003	Троицкий	XIII	зуб (клык)	7	1600	23	Ж	2-я пол. XII в.
2008	Троицкий	XIII	тарзальная	17	1640	64	Ж	1-я пол. XI в.
2014	Троицкий	XIII	тарзальная	18	б/кв		Ж	2-я пол. X в.

другой датируется первой половиной XI в. Единственный амулет из просверленного клыка лошади также найден на усадьбе Ж и относится уже ко второй половине XII в. Еще один амулет (первая половина XI в.) происходит с усадьбы Е.

На усадьбах к востоку от Пробойной улицы (Б и В) найдено 2 амулета, оба происходят из слоев второй половины XIII в. Единственный амулет с Неревского раскопа изготовлен из карпальной кости лошади и найден на усадьбе Б (перекресток Великой и Холопьевой улиц) в слоях первой половины XIV в.

Находка с Федоровского раскопа (Плотницкий конец) датируется концом XII – первой половиной XIII в.

Личные обереги из костей животных, в отличие от амулетов из клыков хищников, не имели отгонно-поражающего значения. Основной их функцией была благожелательная магия. Это в полной мере относится и к амулетам из костей коня. Редкость этого типа амулетов в сочетании с широким хронологическим разбросом позволяет предположить особое сакральное значение конкретного животного, из костей которого они изготовлялись. Не

исключено, что в качестве амулетов использовались кости не любой лошади, а коня, приносимого в жертву при исполнении каких-либо ритуалов (например, тех, о которых говорилось выше). Именно такой конь считался священным и именно его частям могли приписывать особую магическую силу, приносящую обладателям благополучие и удачу. В связи с этим следует отметить сочетание в «комбинированном» обереге XII в. амулета из кости лошади, имеющего ярко выраженный благожелательный характер с отгонно-поражающим амулетом из клыка медведя.

Рассмотренный материал культового использования костных останков коня отражает разнообразные формы почитания средневековыми новгородцами этого животного. Конь выступал и как оберег дома, символизировавший благополучие его обитателей, и как символ смерти и возрождения, связанный с отгонно-поражающей магией. Особо почитаемыми частями являлись череп и кости ног. Археологические свидетельства культа коня в средневековом Новгороде находят параллели и в более поздней традиции, в том числе и на указанной территории.

“The Cult of the Horse in Novgorod the Great” by E. A. Tyanina.

The cult of the horse in Novgorod traces its origins back to pagan, pre-Christian times. Archaeological evidence of this cult — amulets and the remains of ritual ceremonies — has been dated to a period spanning the 10th — 14th centuries. An important feature of the cult of the horse are foundation sacrifices: sacrifices that were made during the construction of houses and other buildings. In Novgorod the Great there have been multiple finds of horse skulls buried beneath house foundations. The horse’s spirit was meant to be reborn as the new “home spirit” (*domovoi*), which was supposed to protect the inhabitants of the house and guarantee their prosperity. This tradition existed across centuries and remained largely unchanged. The sacrifice was almost always a skull that lacked the lower jaw, and when the jaw was present, it was not attached to the skull, but instead placed next to it. This demonstrates that the foundation sacrifice was meant to be the bones, rather than the complete head of an animal. There, also, appears to not have been a rule regarding the depth at or the corner of the building beneath which the skull should have been buried. The importance of foundation sacrifices was not only in protecting a house’s inhabitants, but also in guaranteeing the prosperity of a newly established settlement. An instance of this use of foundation sacrifice is the burial of an entire (probably live) horse at the Iliinsky excavation site (second quarter — middle of 11th century): the horse’s grave most likely marked the boundary of the first settlement at this location.

Similar foundation sacrifices that include horse skulls are well-known among Germanic tribes and on the territory of Ukraine and the Baltic states. However, horse skulls were used not only in foundation sacrifices, but also in a wide range of other rituals, as evidenced by ethnographic materials: a horse skull was paraded around on a stick and then thrown into a fire during the Kupala Night holiday, and the practice of hanging horse skulls on poles as a precaution against evil spirits was common. The many depictions of horses in the decorative ornaments and motifs on both the inside and outside of houses (on the roof, shutters, porch) indicate the importance of the horse theme in architecture as well.

The presence of a cult of the horse in Novgorod is also evidenced by findings of equine bone amulets. However, only 11 out of 230 medieval amulets found in Novgorod were made out of horse bones (10 out of the carpal and tarsal bones and 1 out of an equine canine). Most of the equine bone amulets were found in the cultural layers dating to the 10th — mid 13th centuries and were geographically located in Lyudin’s End of Novgorod at the Troitsky excavation site. Thus, despite their small number, these finds show that the tradition of using equine bones as amulets existed steadily over the course of several centuries. The most prized parts of the horse were the skull and the leg bones — used both for foundation sacrifices and amulets. Overall, it is clear that the cult of the horse was important in medieval Novgorod the Great: the horse acted as a keeper and protector of the house and a symbol of prosperity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Лебедева Ольга Сергеевна — специалист по учебно-методической работе кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Каинов Сергей Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного Исторического музея.

Новиков Василий Васильевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, руководитель департамента археологии и специальных проектов ООО «НИПИИ ЭТ «Энерготранспроект».

Покровская Любовь Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Рыбина Елена Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Сингх Виктор Кашмирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, руководитель лаборатории истории и археологии средневекового Новгорода.

Тянина Елена Анатольевна — специалист по учебно-методической работе кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, научный сотрудник лаборатории истории и археологии средневекового Новгорода.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ – Государственный Исторический музей

ИР – индекс раздробленности

КРС – крупный рогатый скот

КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН

МГУ – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

МРС – мелкий рогатый скот

ТвГУ – Тверской государственный университет

РА – Российская археология

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд

СА – Советская археология

BAR – British Archaeological Reports

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровский и др., 1999 — Александровский А. Л., Гайдуков П. Г., Кренке Н. А. Исследования древнейшего культурного слоя и погребенной почвы на Троицком XI раскопе в Новгороде в 1998 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 13. Новгород, 1999.

Амброз, 1973 — Амброз А. К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // Советская Археология, вып. 4, М., 1973.

Андрощук, 1999 — Андрощук Ф. О. Нормани і слов'яни у Подесенні. Київ, 1999.

Андрощук, 2013 — Андрощук Ф. Мечи викингов. Киев., 2013.

Антипина, 2004 — Антипина Е. Е. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. II. Селище Горный: археологические материалы, технология горно-металлургического производства, археобиологические исследования. М., 2004.

Антипина, 2005 — Антипина Е. Е. Мясные продукты в средневековом городе: производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы. Сб. статей. М: Языки славянской культуры. 2005.

Антипина, Лебедева, 2012 — Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю. Растения и животные // Археология древнего Ярославля: загадки и открытия. М., 2012.

Антипина, Моралес, 2006 — Антипина Е. Е., Моралес А. Археозоологический подход к изучению устройства общества: кости животных из поселений горняков и металлургов восточной и западной окраин Европы // Археология, этнология и антропология Евразии. № 3 (27), Новосибирск, 2006.

Археология севернорусской деревни, 2008 — Археология севернорусской деревни X — XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Том 2. Материальная культура и хронология. М., 2008.

Афанасьев, 1865 — Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1865.

Бліфельд, 1977 — Бліфельд Д. А. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.
Виноградова, Толстая, 1990 — Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Мотивы «уничтожения-проводов нечистой силы» в восточнославянской купальской обрядности // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.

Возний, 2018 — Возний І. Елементи язичництва в духовній культурі населення літописної «Оукраины Галичской» у XII — першій половині XIII ст. // Colloquia Russica. Series I, vol. 8. Релігії і вірування Русі (IX–XVI століття). Краків, 2018.

Гаверлина, 1987 — Гаверлина Л. М. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы X — XI вв.

Гайдуков, 1992 — Гайдуков П. Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М. 1992.

Городцов, 1926 — Городцов В. А. Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве. Труды ГИМ. Вып. 1, М., 1926.

Двуреченский, 2015 — Двуреченский О. В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. 2015.

Ениосова, 1994 — Ениосова Н. В. Ажурные наконечники ножен мечей X–XI вв. на территории Восточной Европы // История и эволюция древних вещей. М., 1994.

Журавлев, 1994 — Журавлев А. Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. М., 1994.

Зайцева, 2014 — Зайцева И. Е. Детали поясной и уздечной гарнитуры из материалов обследований сельских поселений Суздальского Ополя // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. Москва — Вологда, 2014.

Зеленин, 1995 — Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.

Зеленин, 1937 — Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.-Л., 1937.

Зиновьев, 2009 — Зиновьев А. В. Обзор археозоологического материала, полученного из раскопа «Десятинный-I» в Великом Новгороде в 2008 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Великий Новгород, 2009.

Зиновьев, 2014 — Зиновьев А. В. Охотничьи виды млекопитающих средневекового Новгорода и его окрестностей (по археозоологическим данным) // Вестник ТвГУ. Серия «Биология и экология», № 4, 2014.

Зиновьев, 2015 — Зиновьев А. В. Обзор остеологического материала из раскопа Рогатицкий-II 2014 г. (ул. Б. Московская, 30) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 29. 2015.

Изюмова, 1959 — Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. МИА. Вып. 65. М. 1959.

Казаков, 2001 — Казаков Е. П. О некоторых группах деталей поясного набора Волжских Болгар IX–XI вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. Т.2. Самара, 2001.

Каинов, Сингх, 2016 — Каинов С. Ю., Сингх В. К. Деревянный чехол топора с Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 30. Великий Новгород, 2016.

Каинов, Авдеенко, 2012 — Каинов С. Ю., Авдеенко Е. Е. Литые наконечники ножен мечей (по материалам Троицкого раскопа Новгорода Великого) // Археологические вести 18 (2012). СПб., 2012.

Кирпичников, 1966 — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.-Л. 1966.

Кирпичников, 1973 — Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973.

Колчин и др., 1981 — Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

Комар, 2018 — Комар А. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Будапешт, 2018.

Криничная, 2004 — Криничная Н. А. Русская мифология: мир образов и фольклора. М., 2004.

Кулаков, Иов, 2001 — Кулаков В. И., Иов О. В. Наконечники ножен меча из кургана 174 могильника Кауп и с городища Франополь // КСИА. № 211. 2011.

Меч и златник, 2012 — Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства. М., 2012.

Макаров, 1992 — Макаров Н. А. Древнерусские амулеты-топорики // Российская археология. 1992.

Миронова, 1967 — Миронова В. Г. Языческое жертвоприношение в Новгороде // СА, № 1. 1967.

Михайлов, Соболев, 2000 — Михайлов К. А., Соболев В. Ю. Новгородские наборные пояса XI — XII вв. // Археологические Вести. СПб., 2000.

Михайлов, Носов, 2002 — Михайлов К. А., Носов Е. Н. Новые находки наконечников ножен мечей на Рюриковом городище // Археологические вести. Вып. 9. СПб., 2002.

Михалов, 1994 — Михайлов К. А. О формировании всаднической субкультуры в Древней Руси // Новгород и новгородская земля. Вып. 8, Новгород, 1994.

Михеев, Сингх, 2016 — Михеев С. М., Сингх В. К. Глаголические и кириллические буквы на кости второй половины XI в. из Новгорода // Российская Археология, № 1, М., 2016.

Молтби, Гамильтон-Даер, 1995 — Молтби М., Гамильтон-Даер Ш. Кости животных из раскопок в Новгороде и его округе // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород, 1995.

Мурашёва, 2000 — Мурашёва В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.) М., 2000.

Мурашёва, Ениосова, Фетисов, 2007 — Мурашева В. В., Ениосова Н. В., Фетисов А. А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнёздовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. М., 2007.

Никитин, Никитина, 2004 — Никитин В. В., Никитина Т. Б. К истокам марийского искусства: Научное издание. Йошкар-Ола, 2004.

Новиков, 2009 — Новиков В. В. Уздечные наборы на территории Древней Руси в 9–11 вв. (по материалам погребений и поселений). Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 2009.

Новиков, Ениосова, 2015 — Новиков В. В., Ениосова Н. В. Снаряжение верхового коня из погребения 191 Центральной курганной группы второй половины X в. из Гнёздова: результаты комплексного исследования // Археологические Вести, 21, СПб., 2015.

Петерсен, 2005 — Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. М, 2005.

Покровская, Тянина, 2019 — Покровская Л. В., Тянина Е. А. Полые зооморфные привески средневекового Новгорода // Российская Археология, № 1, Москва, 2019.

Потебня, 2000 — Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М., 2000. Рыбина, *Хвощинская, 2010* — Рыбина Е. А., Хвощинская Н. В. Еще раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб., 2010.

Седов, 1967 — Седов В. В. К вопросу о жертвоприношении в Древнем Новгороде // КСИА. Вып. 68. М., 1967.

Седов, 1956 — Седов В. В. Языческая братчина в Древнем Новгороде // КСИА. Вып. 65. М., 1956.

Ситдиков и др., 2014 — Ситдиков А. Г., Бочаров С. Г., Валеев Р. Р., Масюта Д. А., Иожица Д. В., Куликов А. В., Лесная Е. С., Яворская Л. В. Раскоп СХСVI // Археологические исследование 2014 г.: Болгар и Свияжск. Казань, 2015.

Славянские древности, 1999 — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999.

Снегирев, 1837 — Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Ч. I. М., 1837.

Соболев, Торопов, 2010 — Соболев В. Ю., Торопов С. Е. Находка древнерусского наборного пояса в Ильменском Поозерье // Краеугольный камень. Том II. К 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова. М., 2010.

Соловьёва, 2010 — Соловьёва Л. Н. Определение пород деревянных находок из раскопок 2009 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 24. Великий Новгород. 2010.

Спицын, 1905 — Спицын А. А. Владимирские курганы // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 15. СПб., 1905.

Степанов, 2000 — Степанов А. М. Отчет о работах на Андреевском II раскопе в 1999 г. Архив ИА РАН, № Р-1 23656-23658. Новгород, 2000.

Терський, 2006 — Терський С. Лучеськ Х — XV ст. Львів, 2006.

Томсинский, 1999 — Томсинский С. В. Скандинавские находки из угличского кремля и легенда об основании Углича // *Stratum plus*. № 5. 1999.

Топоров, 1993 — Топоров В. Н. Еще раз об «авсеневах» песнях: язык, стих, смысл // Исследования в области балто-славянской культуры. Заговор. М., 1993.

Тянина, 2011 — Тянина Е. А. Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных // Археологические вести. Вып. 17. СПб, 2011.

Тянина, 2012 — Тянина Е. А. Магия «освоения пространства»: обряды первопоселенцев по данным археологических раскопок в Новгороде // Родина, № 12. М., 2012.

Фаминицын, 1884 — Фаминицын А. С. Божества древних славян. СПб., 1884.

Цалкин, 1956 — Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты Древней Руси // МИА № 51. М., 1956.

Чекалов, 1973 — Чекалов А. К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., 1973.

Яворская, 2013 — Яворская Л. В. «Костные вымостки» в древнерусских городах: «анатомия» одной археологической загадки // Зоологический журнал, 2013, том 92, № 9, С. 1–11

Яворская, 2017 — Яворская Л. В. Археозоологические материалы Кремлевского раскопа — I // Новгородский детинец и владычный двор в XI–XV вв. СПб., 2017.

Янин, 2001 — Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.

Янин, Зализняк, 2001 — Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородская псалтырь начала XI в. — древнейшая книга Руси (Новгород, 2000 г.). Вестник РГНФ, № 1, Новгород, 2001.

Янин, Зализняк, 1986 — Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.

Янин и др., 2015a — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М., 2015.

Янин и др., 2015б — Янин В. Л., Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2014 г. (Троицкие раскопы: XIII-Г, Г1 и XV) // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 29. Великий Новгород, 2015.

Янин и др., 2019 — Янин В. Л., Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2017 г. // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 32. Великий Новгород, 2019.

Arne, 1914 — Arne T. La Suede et L'Orient. Uppsala. 1914.

Caune, 2003 — Caune A. Rīgas 12.-13. gadsima antropomorfie kokgriezumi // Pītījums Rīgas arheoloģijā. Rakstu izlase. Rīga, 2003.

Grant, 1982 — Grant A. The use of Tooth Wear as a Guide to the Age of Domestic Ungulates // Ageing and Sexing Animal Bones from Archaeological Sites. BAR (British Series) 109. Oxford. 1982.

Janowski, 2006 – Janowski A. Brazowe i srebrne trzewiki pochew mieczy z X–XIII w. z terenu Polski. Uwagi o proveniencji i datowaniu // *Acta Militaria Mediaevalia* II. Kraków – Sanok, 2006.

Jesse, 1930 – Jesse W. Bauopfer und Totenopfer. *Niederdeutsche Zeitschrift für Volkskunde*. Bd. VII. Bremen, 1930.

Kaltring, 2010 – Kaltring S. Der Hafen von Haithabu. Die Ausgrabungen in Haithabu, Band 14, Wachholtz Verlag, Neumünster 2010.

Kazakevičius, 1998 – Kazakevičius V. Iš vėlovojo geležies amžiaus Baltų ginklų istorijos, *Lietuvos Archeologija* 15. 1998.

Kotowicz, 2008 – Kotowicz P. Nie tylko żelźca. Uwagi na temat rzadziej postrzeganych elementów średniowiecznych toporów // *Ad Oderam fluvium*. Księga dedykowana pamięci Edwarda Dąbrowskiego. Zielona Góra 2008.

Lang, 1988 – Lang T. J. Viking-Age Decorated Wood. A study of its Ornament and Style. Dublin. 1988.

Maltby, 2012 – Maltby M. From Alces to Zander: a summary of the zooarchaeological evidence from Novgorod, Gorodishche and Minino // *The Archaeology of Medieval Novgorod in its Wider Context*. Oxford: Oxbow Books (The Archaeology of Medieval Novgorod Series). 2012.

Parczewski, 2003 – Parczewski M. Wczesnośredniowieczny trzewik pochwy miecza z Rybiczyny, pow. Lipsko // *Słowianie i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu*, Warszawa, 2003.

Paulsen, 1953 – Paulsen P. Schwertärtbänder der Wikingerzeit. Ein Beitrag zur Frühgeschichte Osteuropas. Stuttgart, 1953.

Saggau, 2006 – Saggau H.E. Gehauene und geschnitzte Holzfunde aus dem mittelalterlichen Schleswig. In: *Holz funde aus dem mittelalterlichen Schleswig (Ausgrabungen in Schleswig. Berichte und Studien 17)*, Neumünster 2006.

Thunmark-Nylen, 1998 – Thunmark-Nylen L. Die wikingerzeit Gotlands. Typentafeln II. Stockholm, 1998.

Westphal, 2007 – Westphal F. Die Holzfunde von Haithabu. Die Ausgrabungen in Haithabu 11. Neumünster. 2007.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Рис. 1.** Ситуационный план раскопов на территории Великого Новгорода (1932–2019 гг.).
- Рис. 2.** Ситуационный план Троицкого раскопа (I–XVI).
- Рис. 3.** Схематический план застройки усадеб Ж1 и Ж2 в 30-е – 50-е гг. X в.: 1 – 30-е гг. X в.; 2 – 50-е гг. X в.
- Рис. 4.** Усадьба Ж1. Зачистка материка.
- Рис. 5.** Следы межусадебных оград на материке.
- Рис. 6.** Усадьба Ж1: 1 – сруб XIII-Г1-20 – основное жилое сооружение на усадьбе во второй половине X в.; 2 – вымостка-крыльцо к срубам XIII-Г1-20.
- Рис. 7.** Усадьба Ж2: 1 – сруб XIII-87, середина X в.; 2 – сруб XIII-83, 90-е гг. X в.
- Рис. 8.** Схематический план застройки усадьбы Ж в конце X – середине XI в.: 1 – 90-е гг. X в.; 2 – середина XI в.
- Рис. 9.** Усадьба Ж в первой половине XI в.: 1 – сруб XIII-76; 2 – основание дворовой печи.
- Рис. 10.** Схематический план застройки усадеб Ж1 и Ж2 на рубеже XI–XII вв.
- Рис. 11.** Железные предметы быта и инструменты: 1–8 – ключи от нутряных и навесных замков; 9 – зубило; 10 – иглы; 11–13 – пружинные ножницы.
- Рис. 12.** Предметы быта: 1–5 – костяные односторонние гребни и футляр к ним.
- Рис. 13.** Глиняные сосуды с территории усадьбы Ж (середина – вторая половина X в.).
- Рис. 14.** Комплекс находок скандинавского происхождения: 1 – крест «скандинавского» типа; 2–3 – фрагменты скорлупообразных фибул; 4–5 – железные амулеты; 6 – привеска в виде рыбьей головы; 7 – оселок-амулет; 8–9 – каменная и костяная игральные шашки для игры hnefatafl; 10 – навершие костяной булавки.
- Рис. 15.** Монеты, детали складных весов и весовые гирьки, найденные на территории усадьбы Ж в слоях X–XI вв.: 1 – византийская монета – милиарисий (931–944 гг.); 2–7 – арабские дирхемы; 8–9 – западноевропейские денарии; 10–14 – детали складных весов; 15 – весовые гирьки.
- Рис. 16.** Фрагмент кости животного с процарапанными на ней кириллическими и глаголическими буквами (вторая половина XI в.).
- Рис. 17.** 1–2. Деревянные пломбы (вторая половина XI – первая четверть XII в.); 3 – Деревянная деталь повозки (?).
- Рис. 18.** Усадьба Ж в XII в. 1 – сруб XIII-Г-12 (первая четверть XII в.); 2 – сруб XIII-Г-10 (вторая четверть XII в.).
- Рис. 19.** Сруб XIII-Г-10 (вторая четверть XII в.). 1 – каменный развал печи с фрагментами плинфы; 2 – участок печи, облицованный плинфой.
- Рис. 20.** Находки с усадьбы Ж первой половины XII в.: 1 – берестяная грамота № 1045; 2–3 – печати князя Всеволода Мстиславича (1117–1131 гг.); 4 – бита для игры в «бабки» со знаком Рюриковичей; 5 – фрагменты стеклянных сосудов.
- Рис. 21.** Усадьба Ж в XII в. Сруб XV-26 (середина – вторая половина XII в.).
- Рис. 22.** Усадьба Ж в XII в. 1 – сруб XIII-Г-8 – основная жилая постройка на усадьбе в середине – второй половине XII в.; 2 – развал каменной печи в срубе XIII-Г-8.

- Рис. 23.** Усадьба Ж во второй половине XII в. 1 — схема усадебной застройки во второй половине XII в.; 2–3 — берестяные «ярлыки» с упоминанием различных товаров; 4 — деревянная бирка с надписью «Устье Емьци».
- Рис. 24.** Шерстяные вкладыши в обувь из заполнения сруба XIII-Г-8.
- Рис. 25.** Схема усадебной застройки на рубеже XII–XIII вв.
- Рис. 26.** Карельские овальные фибулы с усадьбы Ж (XIII в.).
- Рис. 27.** 1 — Следы разрубов железным топором на кухонных остатках; 2 — Следы, оставленные ножом на кухонных остатках.
- Рис. 28.** 1 — Следы собачьих зубов на кухонных остатках; 2 — Следы воздействия высоких температур на кухонных остатках.
- Рис. 29.** Спектр мясного потребления различных видов домашних животных усадьбы Ж (Троицкий раскоп XIII, участки Г и Г1).
- Рис. 30.** Возрастная схема забоя крупного рогатого скота (КРС) по данным остеологической коллекции с усадьбы Ж.
- Рис. 31.** Возрастная схема забоя свиней по данным остеологической коллекции с усадьбы Ж.
- Рис. 32.** Возрастная схема забоя мелкого рогатого скота (МРС) по данным остеологической коллекции с усадьбы Ж.
- Рис. 33.** Анатомический спектр остеологических остатков Выборки 1.
- Рис. 34.** Анатомический спектр остеологических остатков Выборки 2.
- Рис. 35.** Анатомический спектр остеологических остатков Выборки 3.
- Рис. 36.** 1 — Следы оссифицирующего периостита на верхних челюстях крупного рогатого скота; 2 — Следы оссифицирующего периостита на нижних челюстях крупного рогатого скота; 3 — Значительная степень стертости первого коренного зуба у свиней.
- Рис. 37.** 1 — Следы окостенения коротких связок на первых фалангах крупного рогатого скота; 2 — Пример полного прирастания грифельных костей у лошади.
- Рис. 38.** Ситуационный план находок снаряжения коня и всадника на усадьбе Ж.
- Рис. 39.** Снаряжение верхового коня и всадника: удила.
- Рис. 40.** Снаряжение верхового коня и всадника: 1 — лука седла; 2 — накладка на луку седла (усадьба У).
- Рис. 41.** Снаряжение верхового коня и всадника: 1 — игрушка (усадьба У); 2 — подпружная пряжка; 3, 4 — привески к шумящей плети.
- Рис. 42.** Снаряжение верхового коня и всадника: 1–23 — накладки, цветной металл.
- Рис. 43.** Снаряжение верхового коня и всадника: 24 — накладка, цветной металл; 25 — накладка на пересечение ремней оголовья, цветной металл; 26 — наклад-ка; 27 — накладка (усадьба У); 28 — наконечник ремня, цветной металл; 29 — подвеска к ремням оголовья (усадьба У/С); 30 — пряжка, цветной металл; 31 — пряжка, цветной металл (усадьба Т).
- Рис. 44.** Деревянный чехол на лезвие топора.
- Рис. 45.** 1–6: деревянные чехлы (тип 1) на лезвие топора (Хедебю, Дания); 7 — вариант реконструкции крепления чехла на лезвие топора (автор реконструкции — Jan Zbránek (Чехия)); 8–10: деревянные чехлы (тип 2) на лезвие топора (Хедебю, Дания); 11 — вариант реконструкции крепления чехла на лезвие топора (автор реконструкции — Jan Zbránek (Чехия)).

- Рис. 46.** Деревянные чехлы на лезвие топора. 1–2 — Дублин (Ирландия); 3–4 — Шлезвиг (Германия). 5 — Вариант реконструкции крепления новгородского чехла на лезвие топора типа IV.
- Рис. 47.** Фрагменты наконечника (1, 2) (усадьба Ж, Троицкий раскоп, Великий Новгород); 3 — реконструкция расположения фрагментов; 4 — орнаментальный мотив.
- Рис. 48.** Наконечники с «мотивом четвероногого животного и Y-образной фигурой». Вариант 1: 1 — Россия, Ярославская обл., Углич; 2 — Швеция, Готланд; 3 — Россия, Новгородская обл., Рюриково городище. Вариант 2: 4 — Украина, Винницкая обл.; 5 — Россия, Ярославская обл., Тимерёво; 6 — Украина; 7 — Россия, Вологодская обл.; 8 — Украина. Вариант 3: 9 — Украина, Черниговская обл. Вариант 4: 10 — Украина; 11 — Белоруссия, Витебская обл.; 12 — Россия.
- Рис. 49.** Наконечники ножен с «мотивом четвероногого животного» и дополнительными элементами: 1 — с «мотивом четвероногого животного и Y-образной фигурой» (Готланд); 2 — с «мотивом четвероногого животного, Y-образной фигурой и кольцом» (Рыбичижна); 3 — с «мотивом четвероногого животного и пальметтой» (Булгар).
- Рис. 50.** Полые шумящие коньки-амулеты из раскопок в Новгороде.
- Рис. 51.** Расположение конских черепов под остатками срубов на Неревском раскопе (по: Седов, 1957. Рис. 6).
- Рис. 52.** Расположение конских черепов под остатками срубов на Неревском раскопе (по: Седов, 1957. Рис. 7).
- Рис. 53.** Конские черепа под остатками сооружений на Троицком раскопе VII.
- Рис. 54.** Конский череп, зафиксированный в развале сооружения середины XI в. на усадьбе Ж (раскоп Троицкий XIII, участок Г1).
- Рис. 55.** Декор с изображением коней в севернорусской архитектуре XIX в. (1) и во внутреннем интерьере домов (2).
- Рис. 56.** Ритуальное захоронение коня на Ильинском раскопе в Новгороде (по: Мирнова, 1967).
- Рис. 57.** Амулеты из костей коня. 1–5 — просверленные кости ног лошади (карпальные и тарзальные); 6–7 — комбинированный амулет из тарзальной кости лошади и клыка медведя (Троицкий раскоп, вторая половина XII в.).
- Рис. 58.** Раскоп Троицкий XIII, участки Г и Г1. Раскопки усадьбы Ж на уровне середины XI в.
- Рис. 59.** Раскоп Троицкий XIII, участки Г и Г1. Процесс раскопок усадьбы Ж.
- Рис. 60.** Расчистка деревянного настила на усадьбе Ж.
- Рис. 61.** Общий вид раскопа Троицкий XIII (Г, Г1) на уровне XI в.
- Рис. 62.** Вынос из раскопа свай от столбовой галереи.
- Рис. 63.** Студенты исторического факультета МГУ Дмитрий Власов и Кирилл Артемонов.
- Рис. 64.** Процесс раскопок усадьбы Ж.
- Рис. 65.** Расчистка каменного развала печи.
- Рис. 66.** Раскопки основной жилой постройки на усадьбе Ж второй половины XII в.
- Рис. 67.** Раскопки усадьбы Ж на уровне первой половины XI в.
- Рис. 68.** Расчистка уникальной находки — детали деревянной повозки.
- Рис. 69.** Студенты исторического факультета МГУ в последний день практики.

- Рис. 70.** Раскопки усадьбы Ж на уровне второй половины X в.
- Рис. 71.** Руководитель раскопок В. К. Сингх с группой студентов из Польши.
- Рис. 72.** Е. А. Тянина на раскопе.
- Рис. 73.** Г. Ю. Павлов следит за уровнем.
- Рис. 74.** Т. Д. Авдусина фиксирует массовый материал.
- Рис. 75.** А. М. Степанов оформляет находки.
- Рис. 76.** В. К. Сингх и талисман Троицкого раскопа кот Зайцев.
- Рис. 77.** Архитектор Троицкого раскопа Д. Ю. Трифонов за работой.
- Рис. 78.** Снятие предматерикового слоя на Троицким раскопе XIII (2009 г.)
- Рис. 79.** Фотограф Новгородской экспедиции С. А. Орлов на материке.
- Рис. 80.** Студент кафедры археологии МГУ Алексей Шевцов готовится фиксировать профиль раскопа.
- Рис. 81.** Девушка с веслом. Студентка кафедры археологии МГУ Ксения Вяльба.
- Рис. 82.** Л. Н. Соловьева моет кости и керамику.
- Рис. 83.** И. В. Осокина обрабатывает массовый материал.
- Рис. 84.** Последний (дубовый) спил Троицкого раскопа XIII.
- Рис. 85.** В. К. Сингх и А. В. Андриенко разбирают заполнение материковой ямы.
- Рис. 86.** О. П. Доброва и Т. Н. Патица извлекли горшок из материковой ямы.
- Рис. 87.** В. В. Новиков в процессе разборки заполнения ямы.
- Рис. 88.** О. П. Доброва зачищает одну из материковых ям.
- Рис. 89.** Фрагмент верёвки со дна материковой ямы в руках В. В. Новикова.
- Рис. 90.** Студенты исторического факультета МГУ — участники раскопок усадьбы Ж
- Рис. 91.** «Последние могикане», завершившие раскопки на Троицком раскопе XIII в сентябре 2014 г.
- Рис. 92.** Талисман Троицкого раскопа кот Зайцев.

Рис. 58. Раскоп Троицкий XIII, участки Г и Г1. Раскопки усадьбы Ж на уровне середины XI в.

Рис. 59. Раскоп Троицкий XIII, участки Г и Г1. Процесс раскопок усадьбы Ж.

Рис. 60. Расчистка деревянного настила на усадьбе Ж.

Рис. 61. Общий вид раскопа Троицкий XIII (Г, Г1) на уровне XI в.

Рис. 62. Вынос из раскопа сваи от столбовой галереи.

Рис. 63. Студенты исторического факультета МГУ Дмитрий Власов и Кирилл Артемонов.

Рис. 64. Процесс раскопок усадьбы Ж.

Рис. 65. Расчистка каменного развала печи.

Рис. 66. Раскопки основной жилой постройки на усадьбе Ж второй половины XII в.

Рис. 67. Раскопки усадьбы Ж на уровне первой половины XI в.

Рис. 68. Расчистка уникальной находки — детали деревянной повозки.

Рис. 69. Студенты исторического факультета МГУ в последний день практики.

Рис. 70. Раскопки усадьбы Ж на уровне второй половины X в.

Рис. 71. Руководитель раскопок В. К. Сингх с группой студентов из Польши.

Рис. 72. Е. А. Тянина на раскопе.

Рис. 73. Г. Ю. Павлов следит за уровнем.

Рис. 74. Т. Д. Авдусина фиксирует массовый материал.

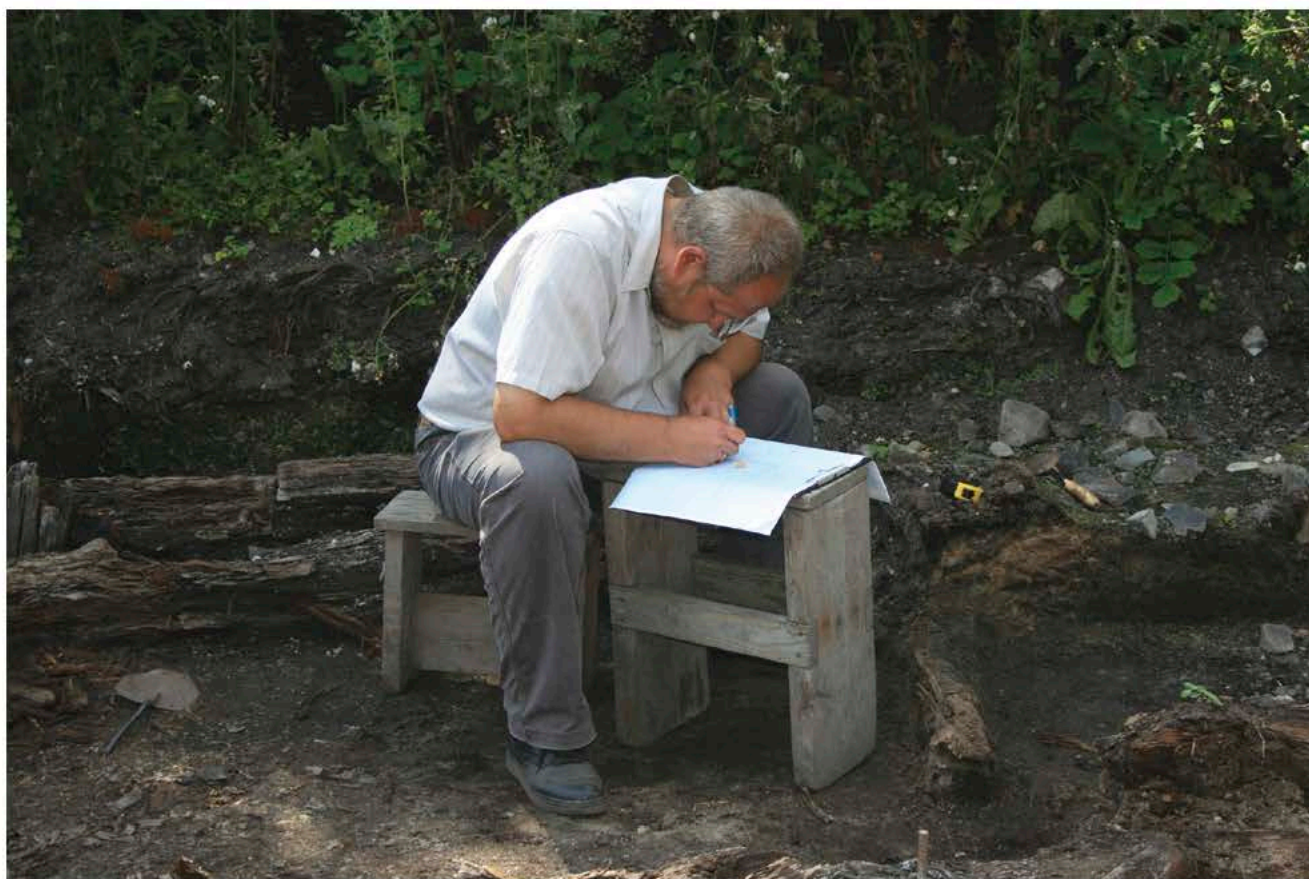

Рис. 75. А. М. Степанов оформляет находки.

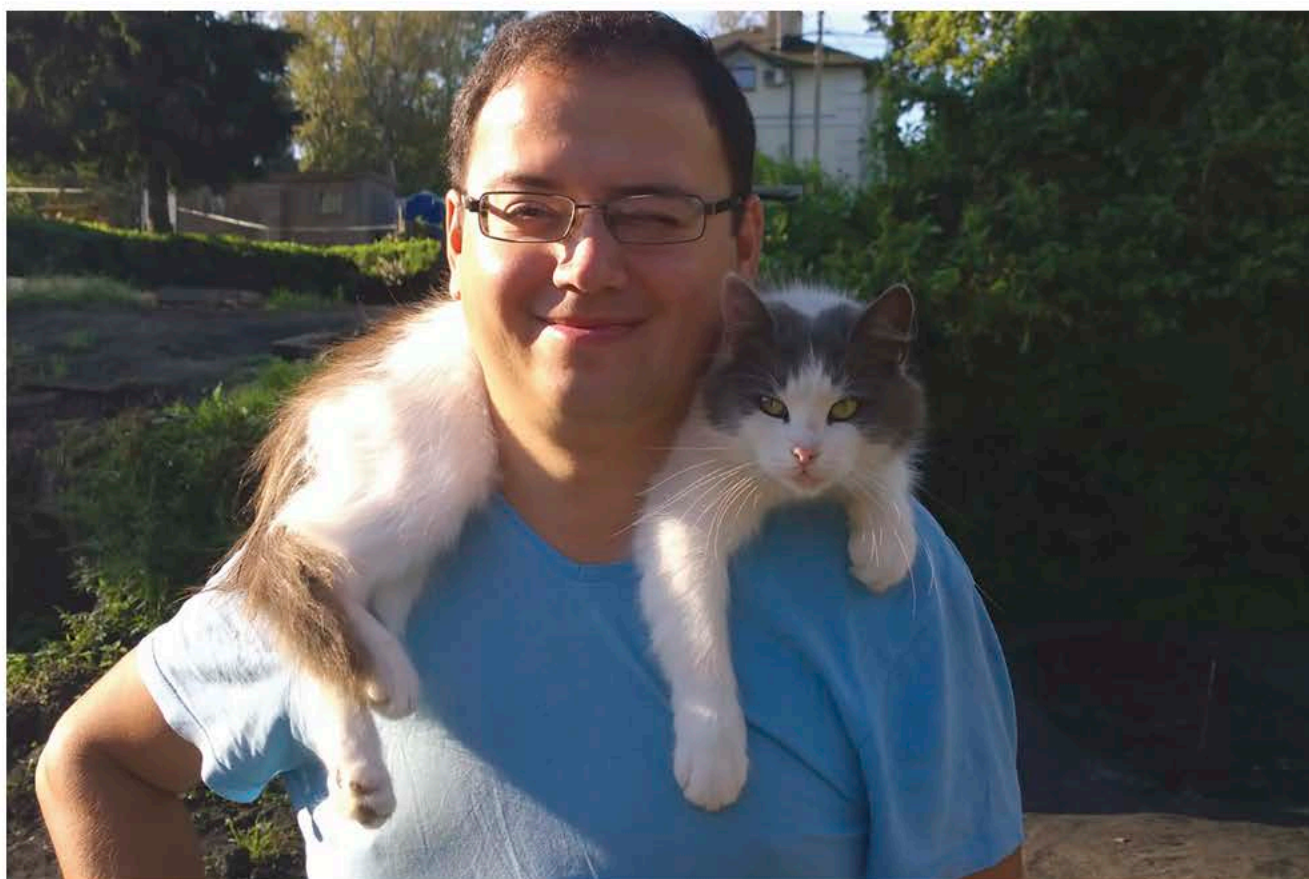

Рис. 76. В. К. Сингх и талисман Троицкого раскопа кот Зайцев.

Рис. 77. Архитектор Троицкого раскопа Д. Ю. Трифонов за работой.

Рис. 78. Снятие предматерикового слоя на Троицким раскопе XIII (2009 г.)

Рис. 79. Фотограф Новгородской экспедиции С. А. Орлов на материке.

Рис. 80. Студент кафедры археологии МГУ Алексей Шевцов готовится фиксировать профиль раскопа.

Рис. 81. Девушка с веслом. Студентка кафедры археологии МГУ Ксения Вяльба.

Рис. 82. А. Н. Соловьева моет кости и керамику.

Рис. 83. И. В. Осокина обрабатывает массовый материал.

Рис. 84. Последний (дубовый) спил Троицкого раскопа XIII.

Рис. 85. В. К. Сингх и А. В. Андриенко разбирают заполнение материковой ямы.

Рис. 86. О. П. Доброва и Т. Н. Патина извлекли горшок из материковой ямы.

Рис. 87. В. В. Новиков в процессе разборки заполнения ямы.

Рис. 88. О. П. Доброва зачищает одну из материковых ям.

Рис. 89. Фрагмент верёвки со дна материковой ямы в руках В. В. Новикова.

Рис. 90. Студенты исторического факультета МГУ — участники раскопок усадьбы Ж

Рис. 91. «Последние могикане», завершившие раскопки на Троицком раскопе XIII в сентябре 2014 г.

Рис. 92. Талисман Троицкого раскопа кот Зайцев.

**УСАДЬБА X–XI ВЕКОВ
В ЛЮДИНОМ КОНЦЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА
(ПО МАТЕРИАЛАМ УСАДЬБЫ Ж ТРОИЦКОГО РАСКОПА)**

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ

В. К. Сингх, В. В. Новиков

КОРРЕКТОРЫ

М. В. Новикова, С. Ю. Каинов

ИДЕЯ И ДИЗАЙН ОБЛОЖКИ

А. З. Бернштейн

ПЕРЕВОД

Я. А. Кузина

Подписано в печать 26.11.2020

Формат 60×90^{1/8}

Усл.-печ. л. 14,0

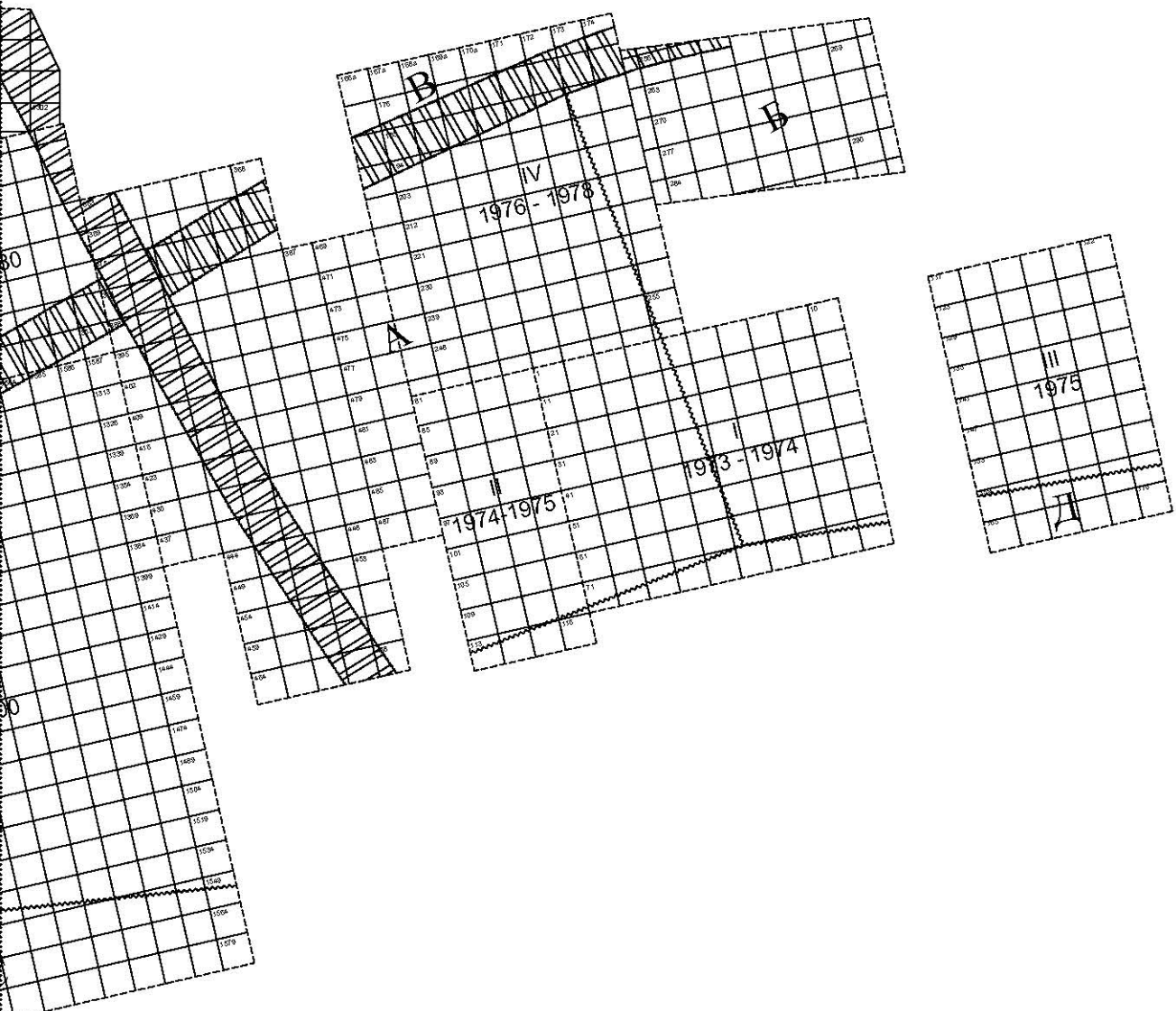
Тираж 350 экз.

Отпечатано в ФГУП Издательство «Наука» (Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

ISBN 978-5-600-02860-9

9 785600 028609

ПЛАН
ТРОИЦКОГО
РАСКОПА

HOMESTEAD
X–XI CENTURIES
IN LYUDIN'S END
OF MEDIEVAL NOVGOROD

